

НЭМАН

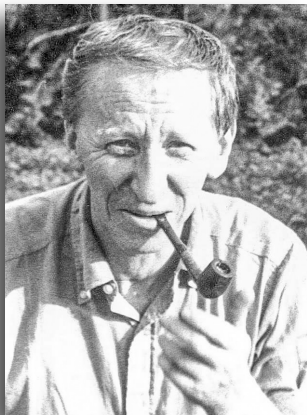
7/2017
ИЮЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей ТЕЛЕВНОЙ. Я не заморыш. <i>Повесть</i>	3
Казимир КАМЕЙША. Моя Неманина. <i>Стихи</i> .	
Перевод с белорусского М. Кулеша	52
Валерьян КИСЛИК. Призрак виллы Медичи. <i>Рассказ</i>	57
Александр РАДАШКЕВИЧ. Летние вещи. <i>Стихи</i>	65
Михаил СМИРНОВ. Язык. <i>Рассказ</i>	69
Здесь лето длится сотни лет. Андрей КЛЮЧНИКОВ, Вероника МУСВИДАС, Анастасия КОРОТЧИКОВА, Екатерина СТРОЙЛОВА, Ольга МАЦКЕВИЧ, Афанасий БОТЯНОВСКИЙ, Валерия РАДУНЬ. <i>Стихи</i>	73
Наследие	
Юлия АЛЕЙЧЕНКО. Фольклорно-мифологические истоки лирики	
Янки Купалы	79
Янка КУПАЛА. Могила льва. <i>Поэма</i> . Перевод с белорусского Е. Полеев	83
«Всемирная литература» в «Нёмане»	
Джо АЛЕКС. Смерть промолвит вместо меня. <i>Роман</i> . Перевод с польского	
Р. Святополк-Мирского при участии В. Кукуни	96
Елена ЧИЖЕВСКАЯ. Ошибка резидента Брауна	137
Эпоха	
Татьяна ШАМЯКИНА. Истоки символизма: животные	152
Литературное обозрение	
<i>Искусство суждения</i>	
Ирина БОЖОК. Эссе: (не)свободный жанр	164
<i>С точки зрения рецензента</i>	
Валерий АЛЕШКО. Нас возвышающая память	175
Напоследок	
<i>Литературное содружество</i>	
Кирилл ЛАДУТЬКО. «Вуайинанше» стремится разорвать языковые барьеры.	
Интервью с Пэн Дунлинем	182
Алесь КАРЛЮКЕВИЧ. Поколение друзей: туркменские встречи	186
Авторы номера	192

Джо АЛЕКС

Смерть промолвит вместо меня

Роман

Об остроумии на лестнице, пиратах в Интернете, литературных переводах и книгах Джо Алекса

Наверно, каждому из нас знакома ситуация, которую французы называют «l'esprit d'escalier» — остроумие на лестнице: суть этого выражения в том, что хорошие ответы приходят в голову лишь впоследствии, когда человек уже простился со своим собеседником и, «спускаясь по лестнице», придумал, как было бы хорошо сказать еще то-то и напомнить о том-то.

На днях я встретил на улице знакомого, мы пару минут поговорили и уже стали прощаться, как вдруг он мне сказал:

— Да, кстати, видел случайно в «Нёмане» ваши с Кукуней перевод Джо Алекса. Хотел почитать, но журнал не мой — забрали, пытался купить в «Союзпечати» — нету... Ничего — найду в Интернете, там наверняка все есть! Ну, пока, — и пожав мне руку, пошел своей дорогой, а я своей.

Вот тут-то со мной и случился «l'esprit d'escalier».

Я «задним умом» стал ругать себя: почему же не сказал ему.. и т. д.

А потом я подумал о том, что, быть может, и многие читатели «Нёмана», прочтя в журнале один или два наших перевода Джо Алекса, могут подумать примерно так же, как мой знакомый: «Зачем мне искать журнал или ждать, пока напечатают следующий роман о полюбившемся Джо Алексе, — пороюсь-ка я в Интернете и все найду».

И я решил высказать то, что кажется мне очень важным, то, что не успел сказать моему знакомому и попросить редакцию поместить мои слова перед публикацией очередного романа Джо Алекса.

А сказать мне хочется следующее:

Дорогие читатели! Все переводы Джо Алекса, когда-либо опубликованные на русском языке (а почти все они были сделаны в 90-е годы прошлого века в бывшем СССР), кроме наших с В. Кукуней, являются пиратством, то есть, попросту говоря, воровством, прямым нарушением закона и нарушением авторских прав.

К сожалению, пиратство широко распространено в русскоязычном секторе Интернета, и мне оно хорошо знакомо — все три издания семи моих переводов по мере выхода в свет немедленно появлялись в сети, причем часто в искаженном при сканировании виде.

29 июня 1993 года в своем доме в Кракове Мацей Сломчински (Джо Алекс) в личном разговоре со мной возмутился публикацией в СССР нескольких произведений без его разрешения, подчеркивая, что нигде, кроме этой страны, такое не было бы возможным. Тронутый тем, что мы были единственными, кто лично попросил у него разрешения на переводы, и вручая нам с В. Кукуней соответству-

ющий документ на права переводов (копия которого имеется в редакции журнала), он подчеркнул, что никто другой, кроме нас, не имеет и никогда не будет иметь прав на русские переводы и издание всех его произведений. Таким образом, вопрос о легитимности всех остальных переводов, я надеюсь, не требует дальнейших комментариев.

Не говоря уже о нравственном аспекте пользования краденым, я хочу еще напомнить и о некоторых серьезных опасностях.

Большинство так называемых «переводов» произведений Джо Алекса разбросаны по разным темным сетевым «библиотекам» и подозрительным сайтам, где, скачивая книгу, легко можно заодно скачать и смертельный для компьютера вирус или шпионскую программу, которая мало того, что даст доступ неизвестным людям к содержанию всех ваших дисков, но и может сделать компьютер частью хакерской системы по взлому других компьютеров, за что вам, возможно, еще придется отвечать.

Качество пиратских переводов крайне низкое, а порой они и вовсе серьезно искажают первоисточник. Я уже не говорю об извечной воровской мании менять названия произведений, воображая, очевидно, что так будет «лучше продаваться». Так, например, я встретил в сети название «Убийца читал Киплинга». Это, как я увидел, переложение шестого романа в цикле романов о Джо Алексе — «НЕТ ТАМ ЗАПОВЕДЕЙ ДЕСЯТИ», подлинное название которого является цитатой из стихотворения Киплинга и несет в себе аромат тайны, загадочности и романтической ауры. Вообще же надо сказать, что определенной визитной карточкой всех романов о писателе и детективе Джо Алексе является авторский прием, при котором сюжет романа прямо или косвенно связан с сюжетом какого-либо классического произведения, старинной истории или легенды; роману всегда предшествует эпиграф, взятый из этого произведения или какой-либо древней рукописи, а название романа является цитатой из этого эпиграфа. Это касается всех ВОСЬМИ романов о Джо Алексе, хотя в сети можно встретить ошибочные сведения о якобы десяти романах. Почти никто из так называемых «переводчиков» тех текстов, которые можно найти в сети, не понял этого, эпиграфы не переводятся, названия искажаются, чем сразу же произведениям наносится серьезный урон. Являясь переводчиком с большим опытом (я перевожу уже более 50 лет), могу со всей ответственностью сказать, что большинство «переводов» Джо Алекса, которые блуждают в сети, выполнены людьми, которые просто плохо знают польский язык, да и русским владеют весьма неважно.

Журнал «Нёман» не случайно выбрал для публикаций цикл романов Мацея Сломчинского о Джо Алексе — это не просто хорошие романы, это романы, созданные автором с высоким художественным вкусом.

Несмотря на то, что Мацей Сломчински лишь наполовину англичанин (по матери), мало кому из британских писателей, включая таких классиков жанра, как Агата Кристи и Дороти Сэйерс, удастся создать столь тонкую, чисто английскую атмосферу, в которой происходит действие, набросить тень таинственности и загадочности на происходящее, не переставая при этом удивлять нас совершенно неожиданными поворотами сюжета и, на первый взгляд, совершенно мистическими, ирреальными ситуациями, которые, однако, потом, как оказывается, имеют абсолютное реалистическое объяснение.

Это литература самого высокого класса в ряду других подобных представителей жанра детективного романа...

Роберт СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ,
кинодраматург, писатель, переводчик.

*Старик. Вовсе не я буду говорить.
Смерть промолвит вместо меня. Вот увидишь.
Старуха. Это случится сегодня вечером?*

Эжен ИОНЕСКО. «Стулья»

І. Слишком большая сумочка

Когда инспектор Бенжамин Паркер, совершенно не похожий на инспектора Скотленд-Ярда в своем великолепно скроенном вечернем костюме, позвонил в дверь квартиры Джо Алекса, тот как раз завязывал галстук. Джо, в свою очередь, ничем не напоминал автора детективных романов. Он был высок, молод, хорош собой, находился в безмятежном состоянии духа и отнюдь не казался замкнутым молчуном, что, как принято считать, является неотъемлемой чертой детективов-любителей. А взглянув впервые на Каролину Бикон, никто бы даже не предположил, что это подающий большие надежды археолог. Она была прелестной, спокойной девушкой со светлыми волосами, зачесанными в длинный хвост, и ее скорее можно было принять за молодую актрису, чем за молодого ученого. Одета в вечернее платье, она сидела сейчас на поручне кресла и наблюдала за Алексом, который боролся с галстуком, стараясь не прикасаться пальцами к белоснежному воротничку рубашки.

— Ты непременно победишь, — поддержала она его. — Человек всегда, в конце концов, побеждает материю...

— С течением лет я все меньше в этом убежден, — Алекс улыбнулся своей очаровательной подруге и, не оставляя галстука, глянул на часы. — Сейчас в дверь должен позвонить Бен Паркер.

И в ту же минуту инспектор позвонил.

Джо представил его Каролине и указал на кресло протянутой рукой, но тут же отдернул ее и воскликнул:

— Помоги, дружище!

Инспектор завязал ему галстук, и все сели.

— У нас еще полчаса времени, а мой автомобиль стоит у входа, — сказал Алекс. — Мы доедем за пять минут. Ты обязан подкрепить чем-нибудь подорванное на службе здоровье, — обратился он к инспектору, а потом глянул на Каролину: — Выпьешь с нами?

— И даже без вас, — скромно улыбнулась мисс Бикон. — Господину инспектору, разумеется, виски без содовой? Мне тоже, только меньшую порцию.

Джо налил и сел.

— Это хорошо, что вы, наконец, познакомились, — сказал он с искренним удовлетворением. — Я люблю, когда мои друзья ходят стадами.

Каролина улыбнулась, а Паркер склонился в легком поклоне:

— Это большая честь для меня, познакомиться с вами, — шутливо прошептал он и добавил нормальным голосом: — Я много слышал о вас, и не только от Джо. Мне даже кажется, что я где-то читал о вашем отъезде. Очевидно, я ошибаюсь, но когда писали об экспедиции, которая должна отправиться в Персию, упоминалось и ваше имя...

— Нет. Вы не ошибаетесь. Но мы так и не отплыли, потому что руководитель экспедиции, сэр Томас Додд, тяжело заболел. Это повлекло за собой целый ряд перемен, и все затянулось на два месяца. Говорят, ему уже лучше, но мне не верится, что он поедет. Сэр Томас был прооперирован, у него обнаружена опухоль... Но не будем говорить о таких вещах, потому что они навевают печаль. Джо, давай быстро еще по одному виски и поеха-

ли! Я очень хочу посмотреть эти «Стулья». Просто замечательно, что вы нас пригласили, инспектор! Сегодня с утра до полудня мы ехали на машине из Торки, и у меня едва хватило времени заехать домой переодеться...

Инспектор заметил, что при этих словах Каролина Бикон слегка покраснела, а Алекс потянулся за бутылкой и стал поспешно наливать виски. Паркер молниеносно сопоставил это с тремя стоящими в прихожей чемоданами и понял, что Каролина Бикон, действительно, весь день ехала на машине вместе с Джо Алексом, но по всей вероятности, у себя дома она еще не была и, надо полагать, вряд ли уже сегодня туда доберется. Бена занимало, почему эти молодые, симпатичные и одинокие люди, которые уже через год после знакомства не могли обойтись друг без друга, не вступают в брак? Впрочем, инспектор Паркер видывал в своей жизни и не такие загадки, а эту, к счастью, он не обязан был разгадывать. Ему лишь вдруг вспомнилось, что подлинное сближение Каролины с Джо Алексом произошло как раз год назад, после того, как он и Джо раскрыли тайну гибели их общего друга и однополчанина со времен войны, Иэна Драммонда...¹ «Значит, пролетел уже целый год...» — подумал вдруг инспектор с тихим изумлением, которое люди часто испытывают при мысли о быстротечности времени. Он стяхнул размышления и, чтобы вернуться к прерванному разговору, сказал:

— Говорят, этот спектакль очень, ну, просто очень современный. А я должен вам признаться, что современное искусство несколько трудновато для простого полицейского...

— Я читала пьесу, — сказала Каролина, — и думаю, что в ней нет ничего необычного. Она утверждает, что человеческая жизнь — это бессмыслица, которая ни к чему не ведет и ничему не служит; что никто никому не запомнит и никто никому ничего никогда не объяснит.

— Гм... — пробормотал Паркер. — Если в таком отношении человека к жизни нет ничего необычного, то... — Он умолк и взглянул на часы. — Однако нам пора. Впрочем, я надеюсь, вы объясните мне все это после спектакля, если будете так любезны, причем желательно своими словами и доступно.

— Смелее! — сказал Алекс то ли инспектору, то ли Каролине.

Каролина встала и взяла инспектора под руку.

— Современное искусство помогает раскрыть подсознание человека и тайные мотивы его поступков...

— То есть, служит примерно той же цели, что и полиция! — рассмеялся Алекс.

Они спустились вниз, сели в автомобиль и уже через несколько минут оказались на Кросби Стрит, где остановились перед ярко освещенным зданием, вдоль фронтона которого на высоте второго этажа сверкала неоновая строка: СЕГОДНЯ «СТУЛЬЯ»... СЕГОДНЯ «СТУЛЬЯ»... СЕГОДНЯ «СТУЛЬЯ»...

Они вошли.

— Еще только одну сигарету! — сказал Алекс. — Успеем! Иначе я буду мучиться под конец первого действия. Я не могу выдержать без сигареты больше часа.

В курительной комнате, где было довольно много людей, они втроем сели за столик в углу и закурили.

— Театр переполнен! — сказал Паркер. — Сдается мне, что писатель, который говорит людям, будто их жизнь не имеет смысла, заработает на

¹ Раскрытие этой тайны лежит в основе сюжета романа Джо Алекса «Скажу вам, как погиб он». (Прим. переводчика.)

этом столько, что, по крайней мере, его собственная жизнь станет более осмысленной.

Алекс рассмеялся. Каролина с упреком покачала головой и хотела что-то сказать, но ее внимание привлекла группа людей, стоящих недалеко от входа в фойе. Она глазами указала на них Алексу.

— Это как раз они — семья сэра Томаса Додда. Жена, дочь и жених дочери.

— Так это и есть Анна Додд? — спросил Паркер, указывая на молодую красивую девушку в простом, но очень хорошо скроенном платье.

— Да. Вы о ней слышали?

— Немногое. Только то, что писала пресса: уже две недели, как она является одной из самых богатых девушек Англии. Какое-то наследство, кажется...

— Да. Умер ее двоюродный дедушка, сэр Хью Гэрри, знаменитый угольный магнат. Пожалуй, она сама была удивлена этим наследством больше всех, потому что познакомилась с сэром Хью, когда была еще совсем маленькой, а потом виделась с ним не больше пяти-шести раз за всю свою жизнь. Но говорят, что однажды, будучи еще ребенком, она как-то навестила дедушку во время его болезни, ухаживала за ним, не отходя ни на шаг, и с плачем не позволяла взрослым оттянуть ее от постели больного. Через несколько дней сэр Хью выздоровел, и казалось, об этом забыл. Однако, он написал в завещании, что за последние сорок лет это был единственный в его жизни случай, когда кто-то из родственников оказал ему симпатию совершенно бескорыстно. Что ж, деньги не всегда приносят радость. Вот он и завещал их все тому одному, кто когда-то посочувствовал старику, не рассчитывая на вознаграждение. К тому же он был старым холостяком и мог поступить с ними как ему вздумается.

— Да, я читал об этом. Это самое короткое завещание, и поэтому пресса приводила его целиком: *Все мое имущество, без каких-либо исключений, завещаю моей родственнице Анне Додд, а в случае, если, не приведет Господь, она умрет до вступления во владение им, имущество это перейдет в собственность моих дальнейших родственников, с условием, однако, что унаследовать его могут лишь те из них, которые состоят со мной в кровном родстве, а не в свойстве...* И таким вот образом, эта очаровательная девушка стала обладательницей астрономической суммы в двадцать пять миллионов фунтов стерлингов. Кажется, передача наследства должна состояться через несколько недель.

— А что, этот молодой человек получит упомянутую сумму вместе с ее рукой? — спросил Джо.

— Да. К счастью, он сам достаточно богат, что бы о нем ни сплетничали как об охотнике за приданым. К тому же молодые люди обручились тогда, когда еще никто и вообразить не мог, что Анна может получить такое наследство. Когда он женился на ней, она вовсе не была состоятельной девушкой. Его зовут Чарльз Крессвел, и он второй сын лорда Конторпа, — пояснила Каролина.

— Один из лучших стрелков и фехтовальщиков в Англии, — добавил Паркер. — Я общался с ним однажды, когда расследовал дело одного из его молодых друзей. Это хороший мальчик. Спортсмен, из родовитой семьи и без профессии, одним словом, у него есть все, что требуется от англичанина, принадлежащего к высшему кругу.

— Несмотря на это, они не выглядят так, будто эти двадцать пять миллионов добавили им счастья, — заметил Алекс. — У них выражение лиц, как у людей, которые имеют тысячу фунтов годового дохода.

— Наверно, состояние здоровья сэра Томаса снова ухудшилось... — сказала Каролина. — Но тогда почему они в театре?.. И к тому же, у матушки Додд кошмарная сумочка...

— Не будем сплетничать о ближних наших. Достаточно того, что они сплетничают о нас, — сказал Алекс, однако присмотрелся к сумочке, которую держала в руке мать Анны, миссис Анджела Додд.

Сумочка, действительно, выглядела в несколько раз больше обычных театральных малюток, и казалось, будто она чем-то плотно набита. Анджела Додд была невысокой женщиной, мелкие, но выразительные черты лица которой еще сохранили следы былой красоты. В некотором смысле она была даже красивее своей дочери, хотя щеки ее уже не имели той свежести, которая присуща лишь возрасту неполных двадцати лет. Миссис Додд стояла между молодыми людьми, легонько обмахиваясь театральной программкой. Потом она кивнула Анне головой и направилась в сторону фойе.

— Пойдемте! — Каролина легко поднялась с кресла и двинулась в том же направлении.

Прозвучал третий звонок.

Зал был полон. Свет слегка потускнел, как бы давая сигнал, что пора занимать места. Алекс купил две программки, одну из которых подал Каролине, а другую Паркеру. Они сели. Их места находились в самом центре четвертого ряда. Прямо перед ними, чуть левее, сидела Анджела Додд, а по обе стороны от нее дочь и будущий зять.

— Прекрасные места, — улыбнулась Каролина Паркеру. — Я больше всего люблю четвертый и пятый ряды. Это не настолько близко, чтоб виден был грим, и в то же время достаточно близко, чтобы уловить всю мимику актеров. Между прочим, те, кто знают в этом толк, утверждают, что только из этих рядов следует смотреть спектакль, потому что, когда режиссер ведет репетиции, он сидит именно здесь.

Алекс наклонился и заглянул в программку, которая лежала на коленях Каролины, чтобы познакомиться с исполнителями.

СТАРИК, 95 лет — Стивен Винси.

СТАРУХА, 94 года — Ева Фарадей.

РАССКАЗЧИК, 45—50 лет — Генри Дарси.

И другие действующие лица.

Режиссер-постановщик: Генри ДАРСИ.

В этот момент свет потух полностью, и наступила темнота, в которой одинокими огоньками светились красные лампочки безопасности над дверями зрительного зала.

Одновременно вспыхнули лучи двух прожекторов, расположенных за спиной зрителей, и высветили два круга на занавесе. Занавес поднялся, и свет прожекторов выхватил из сценической пустоты две фигуры старых людей, сидящих на стульях. Их одежда выглядела довольно причудливо. На Старике был просторный серый балахон, сшитый будто из мешковины. На плечах балахона блестели эполеты, а серые брюки украшали красные полоски гусарских лампасов. На ногах, как у него, так и у Старухи, были поношенные теплые тапочки. Одежда Старухи, столь же бесформенная и мешковатая, ничем не отличалась от одежды Старика.

Разглядывая декорации и костюмы, Алекс пропустил несколько первых фраз, но потом как бы спохватился, и слова со сцены стали доноситься до его ушей.

Старик встал и подошел к одному из двух окон, размещенных в левой и правой части декорации.

— *Баржа на поверхности воды сверкает в лучах солнца...* — произнес он мечтательно.

— Ты не можешь ее видеть. Солнце давно зашло. Сейчас ночь, мой миленький.

— Но от нее осталась тень...

Реплики быстро сменяли одна другую, и Алекс сразу, с первых же слов понял, что является свидетелем и участником подлинного события в искусстве. Текст пьесы со всей ужасающей простотой обнажал трагедию современного человека, его нереализованные надежды, несбывшиеся мечты, безмерное одиночество и пошлую действительность бытия, единственный выход из которого — путь к могиле. Режиссерское решение спектакля было очень современным. Лица актеров, играющих стариков, прикрывали маски, напоминающие греческие и символизирующие старость. Голос и движения, однако, не подчинялись законам старения и демонстрировали вечную трагическую молодость и наивность человека перед лицом судьбы. Благодаря этому актерам не надо было играть старых людей, они творили на сцене действо куда более значительное: они создавали образ старости, играли всех старых людей, которые когда-либо существовали и существуют, что поднимало ранг этого удивительного спектакля до уровня греческой трагедии.

Алекс посмотрел на Паркера. Инспектор сидел, слегка подавшись вперед, внимательно глядя на сцену чуть прищуренными глазами, и время от времени едва заметно кивал головой. Каролина сидела совершенно неподвижно, но ее глаза блестели, как две голубые звезды.

Действие спектакля подошло к моменту, когда Старик, пригласив всех известных ему в прошлом и чем-либо знаменитых нынче людей, ожидает их появления. На сцену, разумеется, никто не вышел, но в воображении стариков действие продолжало разворачиваться. Невидимые гости начали съезжаться, и старики во все двери стали вносить стулья для этих теней прошлого. Стивен Винси был великолепен, когда кланялся невидимкам, пожимал им руки и так выразительно брал под локоть и отводил в сторонку, что казалось, будто весь этот театр наполнился призрачными, неуловимыми существами. В этот момент он как раз вводил в зал нового воображаемого гостя: Госпожу Красавицу. Бархатный низкий голос актера внезапно сменился воркованием голубя:

— ...Неужели это вы? Сто лет назад я вас любил... Вы так изменились за это время... Нет-нет, вы совсем не изменились... Я вас любил... Я вас люблю...

Почти рыдая, Винси продолжал:

— ...ах, где же, где те давние снега...

Завороженный голосом актера, погруженный в трагикомическую атмосферу спектакля, Джо Алекс вдруг услышал тихое короткое рыдание. Он на секунду оторвал взгляд от сцены. Кто же это плачет? Редко в Англии можно встретить людей, у которых текут слезы во время театрального спектакля. Это вам не Италия, это спокойный, уравновешенный Лондон.

К своему изумлению, Джо обнаружил, что это плачет миссис Анджела Додд. Она не плакала в полном смысле этого слова, но вытирала платочком полные слез глаза.

«Как странно, — подумал Джо, который любил оценивать людей с первого взгляда, — я готов был поклясться, что эта женщина умеет хорошо скрывать свои подлинные чувства, а что уж говорить о театральных впечатлениях...»

Но миссис Додд уже выпрямилась, и Джо Алекс заметил, что, повернув голову в сторону дочери, она одарила ее легкой извиняющейся улыбкой.

Через мгновение первая половина спектакля закончилась, и в зале вспыхнул свет.

II. Вин-си! Вин-си! Вин-си!

Звонок, зовущий занимать места, долго и пронзительно звенел уже вторично. Курительная комната гудела возбужденными разговорами. Зрители дискутировали с большим оживлением. Каролина допила кофе, который Алекс принес ей из буфета.

Они направились в зрительный зал.

Паркер покачал головой.

— Глядя на все это, — сказал он с удивлением, которое, казалось, только сейчас зародилось в его сознании, — я совершенно не понимаю, зачем люди совершают преступления. Простите мне мой профессиональный порок, — я снова о своем, — но преступление — это, что ни говори, очень серьезное событие в жизни преступника, чаще всего решающее. А зачем убивать-то? Зачем прекращать существование другого человека, если и он, и я, да и все мы, и так безнадежно и неумолимо обречены на смерть? Разве не приличней было бы спокойно прожить жизнь, стараясь, чтобы она была сносной и для нас, и для других обреченных, так же, как и мы? Ведь после этого спектакля мир выглядит, как тюремная камера, из которой есть только один выход — на эшафот. А в камере должна царить солидарность.

— Убийца, — ответил Алекс, — мыслит, похоже, но немного иначе. Если даже он и понимает, подобно Ионеско, что все люди должны умереть, и после них не остается ничего личностного, то он вполне может посчитать, что, в таком случае, можно убивать людей, которых ненавидишь, потому что это всего лишь ускоряет их и так неизбежный конец, но зато значительно улучшает твою собственную жизнь. Любое преступление имеет свой основной мотив. Уничтожая кого-то, убийца непременно что-то выгадывает: деньги, любовь, удовлетворение чувства мести... Иногда это бывает слишком далеко зашедшая самозащита, иногда какая-нибудь страсть... Но любой из этих мотивов может быть представлен убийцей как крайняя и абсолютная необходимость, и чем больше литература будет убеждать людей, что их существование преходяще и лишено какой-либо ценности, тем более оправданы будут убийцы в собственных глазах. К счастью, они редко выходят из среды любителей современной литературы.

— Довольно! — воскликнула Каролина. — Один из вас занимается убийством людей на бумаге, а другой розыском убийц в действительности. Но не забывайте, что девяносто девять процентов людей во всем мире никогда не видели в реальной жизни убитого человека, а если бы не средства массовой информации, то и вообще не слышали бы о нем. Преступление всегда происходит где-то очень далеко от нас, и никто в него не верит, пока лично с ним не столкнется. Отношение к преступлению не относится к основным чертам мировоззрения.

— Я в этом отнюдь не уверен, — заметил инспектор.

Они помолчали.

— Однако, — продолжал Паркер, чтобы поменять тему, — надо признать, что режиссура этого спектакля превосходна. А Винси в роли Старика превзошел сам себя.

— В таком случае, — сказал Джо, — надо также похвалить Еву Фардей. А ты знаешь, что ей всего лишь двадцать пять лет? Она — большой талант.

— Да, но...

В этот момент начал тускнеть свет в зале. Каролина перевела взгляд на опущенный занавес, будто хотела поскорее увидеть сквозь него продолжение действия.

Вспыхнули прожектора.

Антракт не замедлил ритма спектакля. За это время количество стульев на сцене значительно увеличилось, теперь из них выстроились целые горы и долины, где, как в жутких трущобах, передвигались актеры. Толпа воображаемых гостей достигла фантастических размеров. Двести, триста стульев... А старики вносили все новые и новые. Атмосфера накалялась все больше. Старик и Старуха беседовали с невидимками, одних отчитывали, других осыпали комплиментами, и всех усаживали на предназначенные для них стулья...

И все же Джо Алекс, который не спускал глаз с актеров, ощутил какую-то другую, отличную от первоначальной, интонацию спектакля. Винси стал жестче и условнее, теперь он выглядел больше символом, чем живым человеком, теперь он произносил свой текст не так, будто хотел сказать зрителям: «Вот я, актер, стою перед вами, перевоплотившись в персонаж, которого вы видите!», а скорее: «Видите — я лишь изображаю этот персонаж, и с его помощью хочу поделиться с вами мыслью автора!»

Джо Алекс предпочитал эту, вторую концепцию исполнения. Она была не так мелодраматична и более близка восприятию современного мыслящего человека. А вот Ева Фарадей несколько терялась в роли, и казалось, не выдерживала нагрузки этой концепции, навязанной первой половиной спектакля. Впрочем, быть может, ослепительно яркое, все более динамичное исполнение роли ее партнером затмевало ее, отталкивало на второй план? Она казалась несколько бесцветной по сравнению с тем фейерверком человеческой мысли, каким становился Винси.

Однако финальная сцена самоубийства стариков все же стала концертным номером парного исполнения. Их прощание на парапете окна, а затем прыжок в бушующее внизу море были потрясающими. Так кончается любой человек, — говорил зрителям Ионеско, — независимо от того, сколько усилий вложил он в свою жизнь и насколько она ему удалась. Но способ, которым Винси исполнил свой самоубийственный прыжок, был настолько преисполнен дерзости и веры, оптимизма и лихой наивности, что казался скорее не прыжком в ничто, а полетом в будущее. Ева же Фарадей упала, как предмет, как вещь, которая лишь сопутствует человеку.

Теперь ветер раздувал всю занавески окон, и они затрепетали на сцене, как знамена. Свет разгорался все ярче и ярче, почти ослепляя зрителей, отражаясь от пустых, белых стен декорации. Сквозь большую центральную дверь вошел тот, кто должен был поведать миру замыслы и идеи Старика.

Вошел Рассказчик. Он был одет точно так же, как и Старик, только без маски. Его голову покрывала большая черная шляпа. И, собственно, только сейчас разыгралась подлинная драма. Из уст рассказчика прозвучало неразборчивое бормотанье. Он несколько раз пытался начать свою речь сначала, потом отчаялся и беспомощно оглянулся. Рядом с ним находилась большая черная доска. Рассказчик взял мел и попытался что-то написать. Но буквы складывались в набор бессмысленных сочетаний, в которых прочитывалось только одно: «Все не имеет смысла, человеческое существование бесперспективно и трагично ввиду невозможности взаимодействия и взаимопонимания...»

Занавес медленно опустился. В зале по-прежнему стояла сосредоточенная тишина. Потом, наконец, грохнул шквал оваций.

Занавес снова поднялся, открыв стоящего в центре сцены Рассказчика. Аплодисменты, которые в эту минуту звучали, были явно адресованы именно ему, как постановщику этого потрясающего спектакля. Рассказчик — Генри Дарси — поклонился. Но зрители не переставали аплодировать. Они ожидали выхода остальных двух героев вечера.

Занавес упал и сразу пошел вверх. С левой стороны легким юношеским шагом на сцену вышла Ева Фарадей. В руке она держала свою маску. Ева стояла выпрямившись и демонстрировала зрителям свое красивое светлое молодое лицо, столь непохожее на то, другое, которое она держала в руке и которое еще минуту назад казалось ее неотъемлемой частью. Аплодисменты усилились и утихли. А потом усилились вновь:

— Вин-си! — закричал кто-то, и тут же все подхватили: — Вин-си! Вин-си! Вин-си!

Все взгляды устремились в правую сторону сцены, откуда, согласно правилам симметрии, должен был появиться актер.

Занавес опустился еще раз и опять пошел вверх, снова открывая лишь Еву Фарадей и Генри Дарси. Публика неумоимо рукоплескала, а возгласы «Вин-си! Бра-во!» то возникали, то снова заглушались громом оваций. Занавес еще трижды поднимался и опускался. Ева Фарадей и Генри Дарси по-прежнему неподвижно стояли посреди сцены, будто чувствуя себя неловко за аплодисменты для отсутствующего. Наконец занавес закрылся окончательно. В зрительном зале вспыхнул свет. Стивен Винси не показался публике. Несколько разочарованные зрители потянулись к гардеробу.

— Это странно, — сказала Каролина, засовывая руку в рукав плаща, поданного Алексом, — казалось бы, для людей, которые с такой страстью борются за симпатии зрителей, появление перед публикой в минуту своего наивысшего триумфа должно стать подлинным наслаждением. Я много раз видела Винси в других спектаклях, и у меня создалось впечатление, что он ужасно это любит. Порой он даже бывал несколько старомоден в своих жестах благодарности: прикладывал руку к сердцу и кланялся низко в пояс, как актеры прошлого столетия. А ведь никогда еще в его честь не было столь бурных и длительных оваций. Такая реакция зрительного зала случается нечасто. А он взял и не вышел.

— Быть может, это как раз самый лучший метод, — предположил Алекс. — Дескать, если я вам так уж сильно нравлюсь, сделаю вид, что мне безразличны ваши аплодисменты. И тогда кроме восхищения я заслужу еще и ваше уважение. Возможно, он рассуждал именно так. А может, просто очень торопился куда-то. На свидание или на поезд...

Они вышли в гуще толпы, еще более оживленной, чем во время антракта, и сели в автомобиль. «Клуб зеленого пера», членом которого состоял Алекс, находился довольно далеко от театра «Чембер», и они добрались туда примерно через четверть часа, а на протяжении всего пути молчали, размышляя о спектакле. И только когда они уселись на удобных мягких стульчиках, а Джо заказал напитки и закуски, настроение, наконец, изменилось.

— Я очень благодарна вам за приглашение, — сказала Каролина Паркеру, — Это был незабываемый вечер. Думаю, что мы еще не раз будем вспоминать о нем. К сожалению, я совсем забыла, что вскоре начнется наша экспедиция и... — Она умолкла, а потом взглянула на Алекса. — А может, вы приехали бы туда, когда у инспектора будет отпуск?

Паркер улыбнулся.

— Мы знаем друг друга уже почти двадцать лет, я и вот этот парень, сидящий напротив, Джо Алекс. Мы пережили вместе множество приключений, как веселых, так и печальных. Но в Персии мы еще вместе никогда не были. Разумеется, я уже не говорю об удовольствии, которое доставила бы мне возможность снова повстречаться с вами. А что, у вашей экспедиции уже есть составленный план? То есть, я хочу спросить, знаете ли вы заранее, что хотите выкопать и где именно?

Разговор пошел об археологии, и Алекс с удовольствием и даже с определенной гордостью слушал Каролину, которая из просто красивой, но

не очень яркой, как личность, девушки, внезапно преобразилась в серьезного человека, уверенно говорящего об очень сложных проблемах, легко и непринужденно оперирующего огромным количеством фактов и дат, касающихся времен и эпох, о которых сам он имел весьма смутное представление в рамках полузабытых школьных знаний и нескольких, прочитанных в юности, научно-популярных историко-географических брошюр. Каролина-ученый, Каролина-исследователь — это был кто-то совсем другой, сильно отличающийся от Каролины в вечернем платье с глубоким вырезом и длинным хвостом волос. Казалось, что одна из них должна быть умной, некрасивой, в очках с проволочной оправой, а другая обаятельно болтать о современном модном искусстве, великолепно танцевать и служить необязательной утехой тяжело работающему мужчине. До сих пор Джо видел в Каролине эту, вторую, а сейчас вдруг понял, что она, говоря по правде, куда более образованна, чем он сам. Он не прервал ее ни единым словом. Лишь слушал, как она рассказывала Паркеру о древней истории стран Ближнего Востока так доступно и языком столь ясным и простым, что в этом разговоре ученого с дилетантом ярко проявился и ее педагогический талант. При этом она вся зажигалась, хвост волос мелькал туда-сюда, когда она поворачивала тонкую гибкую шею, а голубые глаза становились то туманно-задумчивыми, то лучисто-сверкающими. Паркер тоже слушал ее с восторгом. Каролина вдруг прервала свой рассказ и рассмеялась.

— Налей мне чего-нибудь, Джо! — сказала она. — Чувствую, меня понесло. Археология — это не только моя профессия, это моя единственная большая любовь. Рассказами о ней я могу нагнать скуку на любого, кто только мне это позволит.

И Джо вдруг осознал, что она еще никогда не разговаривала с ним об этом... «Должно быть, я ей этого не позволял...» — подумал он с изумлением и сказал:

— Каролина, ты самая большая неожиданность этого вечера!

Но он ошибался, потому что как раз в этот момент над их столиком склонился официант и тихо сказал:

— Мистера Паркера просят к телефону.

— Прошу прощения, — Паркер встал и удалился.

— Каролина, — продолжал Джо, — о, моя прекрасная Каролина!

— Правда? Я, действительно, не уродина. А ты меня хоть немножко любишь?

— Больше жизни, — серьезно ответил Алекс.

Она рассмеялась.

— Нет. Не бойся. Я не поймаю тебя на слове и не выскочу за тебя замуж. И так будет лучше всего. Мы принадлежим друг другу ровно настолько, насколько хотим. И никто нас ни к чему не обязывает. Если бы я вышла за тебя, мне пришлось бы постоянно вытирать пыль и мыть окна. Когда я делаю это сейчас, то проявляю всего лишь капельку женского обаяния, прекрасно зная, что, закончив работу, в конце концов вернусь в свою собственную квартиру, а ты останешься один и можешь делать все, что тебе захочется. Но мне с тобой хорошо...

— И мне с тобой, — сказал Алекс. — Я бы уже не прочь вернуться домой. Ты бы заварила чай, и мы послушали бы негромкую музыку по радио... Такой, знаешь, тихий джаз...

— О, это великолепно! Потом мы уснем, а радио будет играть до самого утра... А когда мы проснемся, оно будет нам тихонько рассказывать о выращивании сахарной свеклы и о конгрессе работников почтового ведомства. Ладно, Джо, заканчивай есть — сейчас поедем...

Но и она ошибалась. Бен Паркер подошел к столику и, не присаживаясь, сказал:

— Вы меня простите, но я должен идти.

— Как это? Неужели твоя работа не может оставить тебя в покое даже на час? Что-нибудь случилось?

— Да, — сказал Паркер, присел и, склонившись к ним, сообщил вполголоса: — Стивен Винси, исполнитель роли Старика в сегодняшнем спектакле «Стулья», только что найден в своей гримерной с кинжалом в сердце.

III. «Помни, что у тебя есть друг»

Каролина застыла неподвижно с бокалом вина, поднесенным к губам, затем медленно поставила его на стол, но не произнесла ни слова.

— То есть как!? — Джо вскочил с места, но тут же сел снова. — Когда это случилось? Да ведь... — Он умолк. — Уже известно, кто его убил?

— Пока еще ничего не известно. Сейчас за мной сюда приедет наша машина. Сержант Джонс уже на месте. Ночной портье обнаружил труп и сразу же позвонил директору театра мистеру Дэвидсону, а тот знает меня лично, и немедленно набрал мой номер в Ярде. Там как раз дежурил сержант Джонс. Я велел ему сначала немедленно отправиться на место преступления, потому что от Ярда до театра несколько шагов, а потом уже послать за мной машину. Она, наверно, уже здесь... — Он взглянул на часы, потом на Алекса. — Ты не хотел бы со мной поехать, Джо? — спросил он вдруг без всяких предисловий.

— Я? Да, конечно, если ты полагаешь, что...

— Твое знакомство с этой средой может оказаться очень полезным. Ты знаешь о театре гораздо больше меня. Кроме того, мы вместе были сегодня на этом спектакле. — Он обратился к Каролине: — Простите мисс Бикон, это, наверно, очень невежливо с моей стороны... Мы пришли сюда вместе, а теперь вдруг оба покидаем вас... Но... — он выразительно развел руками.

— Да, да, конечно... — Каролина встала. — Пойдемте. Дай мне только ключи от твоей машины, Джо. Я вернусь на ней домой, а утром ее тебе пригоню... — И когда Паркер отправился в гардероб, добавила вполголоса: — Дай мне быстро ключи от твоей квартиры, потому что ключи от моей у тебя в чемодане.

— Подожди меня... — Джо легонько прикоснулся к ее плечу. — Я не могу отказать Паркеру, а кроме того... Через какой-то час я наверняка буду уже дома...

— Нет. Не будешь, но это ничего. У мужчин свои увлечения, так же как и у женщин. Я буду спать как убитая, когда ты вернешься. Разбуди меня, ладно? Я заварю чай, и мы послушаем джаз, как ты хотел. Это наверняка тебе понадобится, потому что уже через несколько минут ты будешь смотреть на покойника. Человек никогда не может безнаказанно смотреть на мертвых. Это всегда напоминает нам о самом главном... Господи, я, наверно, здорово устала... Это так ужасно... Убит человек, которого мы два часа назад видели, которому аплодировали... А я думаю о том, как бы поскорее лечь и уснуть... По-видимому, я действительно совсем обессилела после сегодняшней поездки... Давай ключ! — быстро добавила она, увидев Паркера, идущего из гардероба.

Джо незаметно передал ей ключ.

— Ну, пока, Каролина, — улыбнулся он ей ласковее, чем хотел. Открытая сердечность лежала где-то вне границ их взаимоотношений. Они всегда относились друг к другу как коллеги, иногда как друзья, но никогда как возлюбленные.

Они сошли вниз вместе. Девушка села в автомобиль Алекса и включила двигатель. Она помахала мужчинам рукой, и машина рванулась с места как стрела. На углу улицы она чуть было не столкнулась с большим черным лимузином, который, взвизгнув покрывками по асфальту, резко затормозил и остановился перед Паркером и Алексом.

— Садись! — пригласил Паркер.

Обратный путь занял гораздо меньше времени. Полицейский лимузин мчался так, будто ехал не через центр большого города, а по пустынной загородной автостраде. Дважды, перед большими перекрестками, водитель включал сирену с маяком и с воем проносился мимо поспешно тормозящих автомобилей.

— Прекрасная девушка! — неожиданно сказал инспектор.

— Что? — очнулся Алекс от размышлений. — Кто?

— Мисс Каролина Бикон. Я еще никогда не встречал женщины, которая, услышав такую новость, не задала бы сотни неуместных вопросов. А она без единого слова села в машину и исчезла. Сокровище!

— Неужели ты действительно сейчас думаешь об этом? — с удивлением спросил Алекс.

— Нет. Но я не хочу думать об убийстве до тех пор, пока не узнаю больше. Ничто так не мешает следствию, как подозрение или предубеждение, возникшее изначально. Тогда невольно начинаешь подтягивать факты под свою версию, что может иметь фатальные последствия, потому что тогда ты теряешь остроту взгляда и можешь не заметить истины, которая обычно выглядит совсем не так, как мы ее себе представляем вначале. Поэтому я пока стараюсь отвлечь свое внимание от этого убийства. Будет множество шума в прессе... Снова множество шума... Независимо от того, легко это будет или трудно, я хотел бы иметь убийцу под замком в течение ближайших двадцати четырех часов...

— Но ведь ты еще не знаешь, а вдруг там есть следы, которые позволят тебе найти его через ближайшие полчаса!

— Мне уже сейчас все это не очень нравится. Если актер не вышел на поклон, а потом остался в своей гримерной, и никто из его коллег не заметил этого, — значит, убийца действовал отнюдь не в состоянии аффекта, а скорее всего, с заранее обдуманном намерением, раз выбрал такой подходящий момент... Однако не будем упреждать факты.

— Вот именно. Не будем. Ведь он мог погибнуть и через час после спектакля. У него мог быть гость... Его кто-то мог подкараулить...

Паркер приложил палец к губам.

— Не будем гадать. Подождем.

Автомобиль резко затормозил. Выглянув в окно, Алекс увидел, что они проезжают мимо фронтона театра и сворачивают в боковую улочку. Проехав еще несколько ярдов, лимузин остановился.

Они вышли. Перед ними находился служебный вход в театр «Чембер». Улочка была узкая и тихая. Несколько каменных ступенек вели к остекленной, забранной массивной решеткой двери, рядом с которой висела блестящая табличка: ТЕАТР «ЧЕМБЕР». ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ РАБОТНИКОВ ТЕАТРА. Паркер немедленно двинулся вверх, перешагивая через две ступеньки. На звук тормозов лимузина на пороге появилась рослая, плечистая фигура в полицейском мундире.

— Вам кого? — спросил полицейский и тут же отодвинулся, отдавая честь и вытянувшись. — Добрый вечер, господин инспектор! Простите, не узнал!

— Добрый вечер, Мак-Грегор, — ответил Паркер и осмотрелся.

Вход в театр был освещен мощной электрической лампочкой, располо-

женной над задернутым желтой занавеской окошком небольшой комнаты дежурного портье. От этой комнаты вверх к небольшой площадке вели несколько ступенек. В стене слева находилась запертая дверь с надписью: РАЗДЕВАЛКА ТЕХНИЧЕСКОГО СОСТАВА и дальше вел куда-то уходящий влево коридор. Именно из него и вынырнул молодой толстошекий сержант Джонс.

— Добрый вечер, шеф! — увидев Алекса, он поднял брови с выражением легкого удивления, и тут же покраснел. — Добрый вечер, сэр. Мы снова встречаемся с вами при таких ужасных обстоятельствах... Может, из этого получится новая повесть, а?

— Джонс! — сказал Паркер. — Ваши литературные интересы вы будете удовлетворять в свободное от службы время. А пока расскажите, что здесь произошло.

— Так точно, шеф! Тело обнаружил ночной портье, — Джонс взглянул на часы, — двадцать минут назад, в ноль часов пять минут, когда, заступив на дежурство, он обходил здание, чтобы проверить, все ли в порядке, не осталось ли где ненароком непотушенного окурка и так далее. Он немедленно позвонил директору Дэвидсону, а тот сразу связался с нами. Директор ждет вас в своем кабинете, шеф, как вы просили. Стивен Винси был убит ударом кинжала, судя по тому, что я видел. Или, может, он сам закололся, хотя на это не похоже. Он лежит у себя на кушетке. В данный момент мне нечего больше добавить. Медэксперт, фотограф и дактилоскопист уже едут. Ни директор Дэвидсон, ни портье никому не сообщали о преступлении, так что, кроме них и нас, никто еще ни о чем не знает.

— Знает об этом еще тот, кто воткнул кинжал в Стивена Винси, — добавил Паркер с мрачной улыбкой, — но будем надеяться, что вскоре он узнает также кое о чем, менее для него приятном, чем убийство актеров в их собственных гримерных. Пошли!

Они поднялись по ступенькам и свернули в коридор. Там была только одна дверь, слева поодаль, а за ней проходил другой, поперечный коридор. На противоположной стене виднелась большая черная надпись: ТИШИНА!

— Это здесь, шеф! — сказал Джонс, указывая на дверь.

Возле двери стоял широкоплечий мужчина в гражданском. При виде инспектора он вытянулся.

— Гримерная Винси?

— Да, шеф.

— Стивенс!

Человек в гражданском подошел и встал по стойке «смирно».

— Ступайте к директору Дэвидсону, который ожидает меня в своем кабинете, и скажите ему: пусть еще немного подождет, потому что я должен сначала выполнить некоторые формальности.

— Слушаюсь, шеф!

Детектив Стивенс повернулся и исчез в конце коридора, свернув направо.

— Где ночной портье, который обнаружил тело?

— У себя в дежурке. Я велел ему сидеть на месте и не слоняться по зданию. Он ждет вашего вызова. Позвать его, шеф?

— Пока нет. Осмотрим место преступления, прежде чем появятся медэксперт и остальные. Пусть нам никто не мешает, Джонс. Сообщите мне, когда наши приедут. Пошли, Джо.

— Будет исполнено, шеф, — сказал Джонс.

Паркер подошел к неплотно закрытой двери с левой стороны коридора и легонько толкнул ее ногой. В коридор упал тонкий луч яркого света.

Инспектор впустил Алекса в комнату, осторожно придерживая локтем дверную ручку.

В гримерной Стивена Винси было необычайно светло. Комнату освещала лампа в несколько сот ватт, размещенная под потолком, да еще были включены две мощные лампы по обе стороны большого зеркала, стоящего на низком столике напротив мягкого, удобного стула с высокой спинкой. В правой части гримерной стоял большой, занимающий почти всю стену запертый шкаф с двумя дверцами, в левой — маленький столик и два стульчика, а напротив двери находилась кушетка, обитая светлой материей в цветочки.

На кушетке лежал Стивен Винси. Он лежал, выпрямившись, и его левая рука была прижата к сердцу, а правая безвольно свисала, касаясь пола. Тут же, рядом с кушеткой стояла огромная корзина красных роз, тонких и элегантных, как балерины.

Инспектор подошел и склонился над телом. Алекс тоже приблизился, и оба они, стоя рядом, с минуту молча смотрели на умершего актера.

Лежащая на груди ладонь убитого сжалась на рукоятке позолоченного кинжала — то ли в последнем стремлении вырвать его из раны, то ли отдыхая после нанесенного самоубийственного удара. Очевидно, это было последнее движение умирающего: попытка освободиться от застрявшего в груди инородного тела. Рана была, наверно, глубокой, потому что кинжал вонзили в грудь по самую рукоятку.

— Это не похоже на самоубийство... — пробормотал Паркер. — Человеку очень трудно вонзить в себя нож так глубоко, лежа на спине. Скорее всего, он убит. Думаю, доктор будет того же мнения. Хотя, конечно, было бы гораздо лучше, если б это оказалось самоубийством... — Он умолк, а потом продолжал: — Да, было бы гораздо лучше... Когда человек отнимает жизнь у себя, он хоть и совершает глупость, но, по крайней мере, посягает на то, что принадлежит ему самому. Но когда он отнимает жизнь у кого-то другого... — Он снова умолк. — Да. Пожалуй, это все же убийство. Убийца наклонился и ударил сверху, добавляя к удару вес всего своего тела. Винси погиб в доли секунды... А ты как думаешь?

Алекс стоял, не отвечая, и смотрел на красивое, почти спокойное лицо актера.

Первая седина на висках. Густые, темные брови. Большие чувственные губы. Великолепный прямой нос. Как же отличалось это лицо от того, которое выражала маска сегодня вечером на сцене! То было старым и неподвижным, а это, даже после смерти, говорило о жажде жизни...

Винси по-прежнему был одет в свой странный, полувоенный, полунищенский костюм. Серая, бесформенная, мешковатая блуза с жесткими эполетами на плечах. Гусарские штаны с красными лампасами и комнатные туфли на ногах. В том месте, где в тело вонзился кинжал, виднелся узкий, темный, влажный ободок. Кроме этого, крови нигде больше не было видно. Но на правой груди, на фоне светло-серой материи блузы тянулась яркая красная полоска. Паркер склонился над ней.

— Грим, да? — спросил Алекс не шелохнувшись.

— Да... — инспектор выпрямился.

— Не имеет ничего общего с преступлением, — сказал Алекс. — Это возникло во время спектакля, в тот момент, когда Старуха обнимает Старика и прижимается лицом к его груди... Ева Фарадей намного ниже ростом... — Он указал на лицо Винси: — Смотри, какой толстый слой грима. Режиссер оперирует в этом спектакле очень ярким светом. Присмотрись, какая густая помада у него на губах и как сильно обведены глаза... Полностью лицо он не гримировал, иgrayя весь спектакль в нейлоновой маске...

— Да... — Паркер снова склонился. Не прикасаясь к кинжалу, он прочел: — «Помни, что у тебя есть друг»...

— Что? — не понял Алекс.

Инспектор молча, движением руки указал ему на кинжал. Джо склонился. Вдоль рукоятки кинжала была выгравирована надпись, которую только что прочел Паркер.

— *Помни, что у тебя есть друг*, — повторил Паркер и почесал затылок. — Я надеюсь, эта смерть не является результатом заговора какого-нибудь тайного общества или секты... Да нет, такое в реальной жизни не случается... Последний случай такого рода имел место в 1899 году. Нынче люди совершают убийства исключительно по личным мотивам. Однако подождем. Может, это все-таки самоубийство?

Не услышав ответа, он повернул голову к Алексу. Джо стоял над корзиной с розами и внимательно их разглядывал.

— Они очень красивы, — тихо сказал он. — И очень уместны здесь. «Покойный почил, окруженный цветами...» Так обычно пишут в некрологах, да? — Он еще раз взглянул на корзину, потом низко склонился, а затем и вовсе лег на пол возле кушетки.

— Что там? — спросил инспектор. — Будь осторожней, чтобы к чему-нибудь не прикоснуться.

Алекс молча покивал головой, а потом почти вполз под кушетку, пытаясь заглянуть изнутри в легко сжатую, свесившуюся до пола руку покойника.

— Он что-то держит в руке... — сказал Джо. — Какой-то смятый листок бумаги...

— Да? — Паркер присел на корточках. — К сожалению, придется подождать. Я не хочу ничего трогать, пока не приедут медэксперт и дактилоскопист.

Раздался стук в дверь, а затем в щель просунулось толстошеекое лицо сержанта Джонса.

— Все уже здесь, шеф: медэксперт, дактилоскопист и фотограф.

— Давай их сюда, — сказал Паркер, а сам двинулся к двери и вышел в коридор.

Алекс поднялся с пола, отряхнул брюки и огляделся вокруг.

Во всей этой картине чего-то не хватало. Но чего? Чего же? Он стоял, оглядываясь, морща лоб и пытаясь добыть из тайников подсознания мысль, которая пряталась где-то очень глубоко и никак не хотела вынырнуть на поверхность. Он потер лоб. Нет. Не получается. А ведь он готов был поклясться, что вот-вот ударит себя по лбу и воскликнет: «Понял!»

Он подошел к двери и еще раз, оглянувшись, посмотрел на тело Стивена Винси и окружающие его предметы, потом вышел в коридор, где Паркер негромко давал инструкции окружившим его людям:

— Прежде всего, я хотел бы увидеть листок бумаги, который держит в руке покойный. Прошу меня позвать сразу же, как только его можно будет взять. А теперь не буду вам мешать, потому что и так слишком много людей войдет одновременно в эту комнату.

Они с Алексом направились к дежурному портье.

IV. «Его ненавидели все...»

Инспектор кивнул полицейскому, дежурившему у входа в комнату портье, и вместе с Алексом вошел внутрь. Он сел и указал на противоположный стул седому бледному мужчине, который вскочил на ноги, как только Паркер с Алексом вошли.

- Вы работаете ночным портье в этом театре, не так ли?
- Совершенно верно, сэр. — Человек снова вскочил со стула, но Паркер жестом усадил его обратно.
- Назовите вашу фамилию.
- Сомс, сэр. Джордж Сомс.
- И давно вы здесь работаете?
- Уже тридцать восемь лет, сэр.
- В этой должности?
- Да, сэр.
- Расскажите нам о том, как вы обнаружили тело. — Паркер вынул блокнот. Алекс стоял, опершись на стену, и наблюдал за лицом пожилого портье. Видно было, что смерть Винси, а быть может, просто тот факт, что это именно он первым обнаружил тело убитого, произвели на старика большое впечатление.
- Ну, я пришел, как обычно, в двенадцать, чтобы сменить Галлинса...
- Галлинса? Это, наверно, дневной портье?
- Да, сэр. Каждые две недели мы меняем очередность дежурств, то у него ночные дежурства, а у меня дневные, то наоборот.
- Понятно. Итак, вы пришли сменить Галлинса. И что?
- Я вошел, сэр, а он уже ждал. Мы, как обычно, поболтали немного о том о сём, и я...
- Как долго вы разговаривали?
- Ну, минуту, может, две... Потом он ушел, а я запер за ним дверь и двинулся вверх, чтобы осмотреть все гримерные и сцену, потому что у нас так записано в инструкции. Надо всегда проверить, не оставил ли кто непотушенного окурка, или, к примеру, нет ли замыкания в каком-нибудь кабеле... Это ведь театр, сэр, здесь работает много разных людей, и если вдруг кто-то не проявит должного внимания... Часто бывает, сэр, что пожар незаметно тлеет несколько часов, прежде чем разгорится как следует...
- Понятно. Итак, вы начали обход...
- Совершенно верно, сэр. Сперва я отпер дверь в гардероб для технического персонала, заглянул туда, а потом двинулся дальше...
- А если бы в этот момент кто-нибудь позвонил в дверь, что было бы?
- Ночью, сэр, в принципе, никто сюда не приходит, если нет ночных репетиций. Но даже если бы что-нибудь подобное и случилось, то ночной звонок очень громкий, и когда в помещении пусто, его слышно в любом уголке, сэр. Я услышал бы наверняка.
- Хорошо. И что дальше?
- Так вот, значит, я двинулся дальше по коридору, и первая же гримерка — ну, так мы называем гримерные актеров... Так вот первая гримерка на моем пути была как раз мистера Винси. Я увидел свет, проникающий сквозь замочную скважину, и хотя Галлинс ничего не сказал мне насчет того, что мистер Винси еще здесь, я все же предпочел постучать. За эти тридцать восемь лет работы в театре я уже многого посмотрелся... У мистера Винси кто-то мог быть. У актеров часто бывают такие поздние гости... Девушки разные приходят... Вы же знаете, сэр, как заманчива эта театральная закулисная атмосфера...
- Да. Знаю. И что же дальше?
- Так вот, я постучал. А когда никто не ответил, я постучал еще раз. Когда и на этот раз не было ответа, а к тому же стало видно, что ключ торчит в замке с внутренней стороны, я открыл дверь, подумав, что, наверно, мистер Винси, выходя, просто забыл потушить свет.
- Была ли дверь заперта на ключ?

— Нет. Я лишь нажал на ручку, и она открылась. Сначала я подумал, что мистер Винси спит или даже, может, выпил больше нормы. Я уже не раз тут подобное видел, сэр. Тогда вызываешь такси и вдвоем с водителем вносишь человека в машину, чтобы он мог утром проснуться у себя дома...

— Ясно. Но мистер Винси не спал.

— Совершенно верно, сэр. Так вот, когда я подошел и увидел, что у него в груди торчит этот кинжал, я сперва остолбенел, а потом меня начало трясти так, что я и не мог двинуться с места и не мог оторвать от него взгляда... Но затем пересилил себя и подошел ближе, чтобы проверить, а может, он еще жив... Я заставил себя прикоснуться к его телу...

— К чему именно вы прикасались?

— Ко лбу, сэр. Я положил руку на его лоб, но он был уже совсем холодный. Я понял, что это труп, и тогда у меня волосы на голове встали дыбом. Я ведь находился совсем один в этом помещении, а убийца мог прятаться где-то совсем рядом! Тогда я выскочил из гримерки, бросился бегом сюда, в дежурку, заперся тут на ключ и позвонил директору, мистеру Дэвидсону, а потом уже не двигался с места до самого прибытия полиции и только молился и ждал...

— А в течение этого времени убийца, если он находился в здании, мог убежать?

— Убежать? — старик задумался. — Нет, сэр. никоим образом. Два года назад театр был перестроен, и вся закулисная часть теперь отделена от зрительного зала огнеупорной стеной. Сквозь нее ведут только три маленьких выхода из коридора за кулисы и узенький коридорчик в фойе. Но там установлены стальные двери с автоматическими замками, и после спектакля помощник режиссера запирает их и отдает ключи портье, так что единственный выход только здесь. А все окна в здании забраны решетками, еще с тех времен, когда здесь был театр комедии пятьдесят лет назад. Я еще помню, как бегал сюда, будучи совсем мальчишкой...

— Минуточку... — Паркер вышел в коридор, и Джо услышал, как он говорит Джонсу: — Возьмите людей и обыщите весь театр от чердака до подвала, чтобы проверить, не мог ли убийца как-нибудь выскользнуть отсюда и нет ли где выломанных дверей или окон.

— Слушаюсь, шеф!

Паркер вернулся.

— А этот Галлинс, ваш коллега, он не мог, например, пропустить сюда кого-нибудь чужого, не заметив его?

— Не знаю, сэр. Думаю, что нет, потому что отсюда видно всю лестницу, а после ухода персонала дверь запирается на ключ, так что, пожалуй, нет.

— А зачем он запирает бы дверь, если мистер Винси еще не вышел?

— Вот как раз этого я не знаю, сэр... — старик заколебался. — Дверь была заперта, когда я пришел...

— Не хотите ли еще что-нибудь добавить? — быстро спросил Паркер.

— Нет, нет, ничего... — портье снова заколебался. — Нет, сэр.

— Не забывайте, что здесь убит человек! — Инспектор встал и подошел к нему. — Если вы что-то заметили, пусть даже какой-нибудь пустяк, мелочь, вы не должны ничего скрывать, даже если вам кажется, что это не имеет ни малейшего значения.

— Так точно, сэр! — портье быстро встал и вытянулся.

— Садитесь, — Паркер положил руку ему на плечо и почти заставил его сесть. Не снимая руки, он склонился над ним. — Говорите, Сомс, только говорите всю правду, потому что иначе вы можете быть привлечены к

ответственности за умышленное укрывательство от полиции важной для следствия информации.

— Когда я... Но это не существенно, сэр...

— Об этом я буду судить. Говорите, пожалуйста.

— Так вот, сэр, дело в том, что вчера у Галлинса родился ребенок... Ночью родился... Сынок... И он всю предыдущую ночь не спал, а потом пошел на работу...

— Так. И что?

— Так вот, когда я пришел и постучал в дверь, то он не открыл. Я вынужден был позвонить раза два. Только тогда он проснулся. Но только не говорите этого директору, сэр, а не то Галлинс потеряет работу... А он... Это ведь жена ему как раз третьего ребенка родила... И это было бы для него ужасно...

— Я понимаю. Не волнуйтесь, директор об этом не узнает. Но какое это, по-вашему, имеет значение?

— А такое, сэр, что это он, Галлинс, обязан был по инструкции обойти без четверти двенадцать все гримерки и сцену, чтобы передать мне театр уже после своего обхода. Таковы правила. А если он спал, значит, не обошел. Потому что, если б обошел, то нашел бы мистера Винси. Кроме того, он, наверно, был здорово сонный, потому что даже не глянул на доску с ключами, иначе сразу бы заметил, что не хватает ключа от одной гримерки. А если ключа нет, он обязан был проверить, почему. Все, выходя, отдают портье ключи. Ключи от гримерных всегда отдают костюмеры, потому что они задерживаются там уже после ухода актеров, чтобы привести в порядок и развесить костюмы. Не знаю, как было сегодня. Наверно, мистер Винси отпустил Раффина...

— Кто такой Раффин?

— Оливер Раффин — это костюмер, который на спектакле «Стулья» обслуживает мистера Винси.

— Ага, значит, вы предполагаете, что Галлинс уснул. А если он уснул, то тут многое могло случиться. Не так ли?

— Да, сэр. Только, пожалуйста, сэр...

— Можете быть спокойны. Тут речь идет о поиске убийцы, а не о нарушении инструкции вашим коллегой, который действительно мог быть утомленным после бессонной ночи, когда ожидал появления на свет своего потомка. Не бойтесь, ничего с ним не случится, если он скажет нам всю правду. И будьте уверены — он нам ее скажет.

— Большое спасибо, сэр! — старик поднялся с места. — Я могу идти, или мне остаться до конца моего дежурства?

Паркер внимательно посмотрел на него.

— Вы женаты?

— Я вдовец, сэр.

— У вас есть дети?

— Две дочери, сэр.

— Они живут с вами?

— Нет, сэр. Обе вышли замуж. Одна живет в Шотландии, а другая в Австралии. Ее муж получил там работу...

— Значит, вы живете один?

— Да, сэр.

— Хорошо. Идите домой, но помните, что до завтра, пока вы снова сюда не придете, вам нельзя ни с кем даже словечком перемолвиться обо всем, что здесь случилось. А теперь ступайте и поспите немного. Сегодня ночью полиция будет охранять этот театр вместо вас, — Паркер улыбнулся. — Однако помните, вы обязаны молчать.

— Да, сэр.

— И не торопитесь предупреждать Галлинса о том, что полиция кое-что знает о его склонности ко сну на работе, потому что через минуту за ним поедет машина и все равно обгонит вас.

Старик застыл как вкопанный, а потом по его сморщенному лицу пробежала тень улыбки:

— Но мистер Дэвидсон не узнает, верно?

— Я уже сказал вам об этом.

— Ну, тогда я спокойно могу идти спать и никому не скажу ни слова. Спокойной ночи, джентльмены!

— Спокойной ночи, Сомс!

Портье вышел. В окне появилось лицо дежурного сержанта. Паркер кивнул ему головой. Раздался стук в дверь.

— Это я, шеф! — сказал сержант Джонс. — Весь театр обыскан, как стог сена, но иголка нигде не найдена. Все двери и окна в порядке. У них тут даже есть охранная сигнализация, но она не срабатывала. Убийца мог выйти только через эту дверь.

— Хорошо. Пусть кто-нибудь немедленно поедет за дневным портье Вильямом Галлинсом... Адрес у вас есть?

— Да, у нас уже есть адреса всего технического персонала и всех актеров. Сейчас за ним поедет машина.

— Когда его привезут, пусть он подождет меня здесь, в дежурке.

— Хорошо, шеф.

Паркер обратился к Алексу:

— А теперь я тебя познакомлю с директором, мистером Джоном Дэвидсоном, абсолютным властелином в этом театре и моим постоянным поставщиком мест в первых рядах. Пойдем!

Они вышли из дежурки и двинулись по коридору, минуя гримерную Винси. Из-за неплотно прикрытой двери звучали голоса работающих там людей. Услышав шаги, медэксперт высунулся из двери и сказал Паркеру:

— Я хотел бы забрать его к себе и сделать детальное вскрытие, хотя все и так, кажется, ясно.

— Хорошо. Забирайте. Самоубийство исключено, не так ли?

— Совершенно исключено. Никто не в состоянии нанести себе такой удар, лежа навзничь. Он был убит одним ударом. Смерть наступила мгновенно.

— А когда, приблизительно, он погиб?

— На глаз, между девятью и десятью, но скорее, ближе к девяти, чем к десяти.

— В девять пятьдесят я лично видел его на сцене... — вежливо сказал инспектор. — Его также видел стоящий рядом со мной мистер Алекс, не говоря уже о восьмистах других лиц, которых мы можем привлечь в свидетели.

— Серьезно? — врач удивленно поднял брови. — В таком случае, он действительно умер позже. Но не позже десяти, причем даже это время не кажется мне правдоподобным. В мышцах головы уже началось посмертное окоченение, а ведь, — он глянул на часы, — сейчас только ноль сорок пять.

— Ну, это ваша епархия, доктор... — Паркер поднял руки, будто защищаясь. — Ждем вашего диагноза. Я хотел бы как можно скорее узнать приблизительное время смерти.

— В таком случае, я должен забрать его сразу же, как только они сделают все снимки.

— Хорошо, забирайте. Жду вашего звонка.

Врач покачал головой и вернулся в гримерную. Паркер и Алекс двинулись дальше. Когда они достигли конца коридора, инспектор остановился. Перед ними находился другой, поперечный, широкий коридор, одна стена которого, очевидно, примыкала к сцене, потому что в ней видны были лишь четыре узких стальных двери, на каждой из которых было написано: «ТИШИНА!» С противоположной стороны не было никаких дверей, только в самом конце виднелся узкий коридорчик, параллельный тому, по которому они пришли.

— Хорошо построен этот театр, — заметил Алекс. — Ни одна дверь не выходит в коридор, по другую сторону которого находится сцена. Таким образом, туда не доносятся голоса и звуки хлопающих дверей.

Они двинулись дальше. Во втором коридорчике, который они миновали, было по три пары дверей с каждой стороны. Потом снова тянулась голая стена, и наконец показалась распахнутая дверь с табличкой: «ГРИМЕРНЫЕ ВТОРОГО ЭТАЖА. КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА. БУФЕТ». В дверях стоял детектив в гражданском, который вытянулся, увидев Паркера. За дверью находилась крутая лестница на второй этаж. Поднявшись по ступеням, они миновали темный и поблескивающий во мраке буфет, потом еще несколько дверей, пока не очутились перед последней дверью, снабженной надписью: «ДИРЕКЦИЯ». Паркер постучал и, не дожидаясь ответа, открыл дверь.

— Пожалуйста, входите, джентльмены! Пожалуйста, пожалуйста... — Директор театра Дэвидсон оказался высоким, худощавым мужчиной с узким, нервным лицом.

Он вскочил из-за стола, подошел к Паркеру с протянутой рукой, а потом посмотрел на Алекса.

— Это мистер Джо Алекс, известный автор детективных романов и мой неофициальный сотрудник, — искренне сказал Паркер.

— Кто же вас не знает?! — Дэвидсон сердечно потряс руку Алекса. — Я прочел, наверно, все ваши книжки! Я всегда утверждаю, что для деловых людей хороший детективный роман полезнее отпуска. Можно несколько часов отдохнуть и начать думать о чем-нибудь другом, а не только об этих проклятых делах... — Он обратился к Паркеру: — Боже мой! Господи Боже мой! Что вы на все это скажете, господин инспектор?

— Что я на это скажу? — Паркер развел руками в своем любимом жесте мнимой беспомощности. — Я хотел бы прежде всего узнать от вас, что вы думаете обо всем этом? В силу вашего положения все театральные проблемы скапливаются здесь, на вашем столе. Не могли бы вы нам эскизно набросать портрет покойного, рассказать о его отношениях с коллегами, о последних событиях здесь и так далее. Быть может, у него были враги? А может, произошло что-нибудь, что могло бы бросить свет на это дело? Прежде чем приступить к опросам актеров и технического персонала, я хотел бы, чтоб вы нам рассказали, что вы думаете обо всем этом.

— Что я об этом думаю? — директор машинально указал им на два глубоких, обитых кожей кресла и пододвинул коробку с сигарами. Потом потер рукой подбородок. — Должен признаться, я думаю об этом непрестанно уже целый час, то есть с той минуты, когда мне позвонил Сомс... Были ли у Винси враги? Были! Честно говоря, Стивена Винси ненавидели все, и я знаю парочку людей, которые, пожалуй, совершенно хладнокровно могли бы отправить его на тот свет. Не далее как сегодня утром я сам имел огромное желание спустить его с лестницы... — Он умолк. — Это ужасно так говорить о покойном!

— Еще ужаснее не говорить о покойном, в то время как убийца разгуливает на свободе, а действия полиции зависят от количества собранной

информации, — сухо сказал Паркер. — Расскажите нам, пожалуйста, вкратце все, что, по вашему мнению, может быть существенным: обрисуйте нам портрет Стивена Винси на фоне его работы и отношений с людьми в этом театре.

Мистер Дэвидсон с минуту размышлял, а потом начал рассказывать...

V. Рассказ директора

— То, что я могу рассказать, это и очень много, и очень мало: ничего, что, по моему убеждению, могло бы бросить хоть какой-то свет на личность убийцы, но зато очень много о самом Винси и его отношениях с людьми.

— Быть может, вы сначала попытаетесь набросать нам его общий портрет? — тихо сказал Паркер. — Желательно все по порядку... — Он виновато улыбнулся. — Сначала я хочу узнать, каким он был человеком, потом, какие у вас есть сведения о его личной жизни, и наконец, как складывались его отношения с коллективом и дирекцией театра...

— Хорошо. Тогда начнем с пункта первого: каков был общий облик Стивена Винси... — Директор умолк и на несколько секунд задумался. — Очень трудно на это ответить. Не знаю, было ли у него то, что мы называем устойчивой психикой, иными словами, обладал ли он сформировавшимся, неизменным характером, хотя по возрасту вроде должен, потому что ему вот-вот исполнилось бы пятьдесят... Он был очень заносчив, самонадеян и высокомерен, но это общая черта многих актеров, черта скорее профессиональная, чем личная. Она идет от необходимости постоянной самозащиты. Человек, регулярно испытывающий конфронтацию с сотнями зрителей, чьи симпатии он всю жизнь хочет завоевывать, должен верить в то, что он лучше других, что он незаменим и неповторим как явление. Только самые умные актеры знают о своих недостатках, но и они весьма неохотно в них признаются. Однако Винси не был умным человеком в общепринятом смысле этого слова. Он был актером в жизни, умел общаться с людьми и мог казаться очаровательным, когда хотел от кого-то чего-нибудь добиться. Но я думаю, что подозревать в нем какую-то глубину было бы ошибкой. Честно говоря, я всегда считал его человеком очень ограниченным. Он был также начисто лишен того, что называется этикой поведения. Все, что было ему выгодно, всегда являлось для него самым главным, и он готов был пойти на любое свинство для улучшения своего положения. Я знаю, что с десятков лет назад он был героем какого-то замятого впоследствии карточного скандала. Он мошенничал, играя в покер, и был в этом уличен. Я знаю также, что его содержала жена одного очень богатого человека, с которой он встречался только ради денег. Она давала ему даже очень крупные суммы, но он промотал все деньги, так же, впрочем, как полученные от нее роллс-ройс и загородную виллу. Но это тоже старая история. Дело было лет десять назад. Самое худшее в этом то, что Винси громко рассказывал каждому, кто хотел об этом слышать и кто не хотел, что есть, мол, такая женщина, называл ее имя и рассказывал, кто она такая. По-видимому, он считал, что таким образом она воздаст должное его красоте и актерскому искусству. Он, действительно, был очень способным актером. Но не гениальным. Он так никогда и не стал по-настоящему большим артистом. Я думаю, что этому помешали его легкомыслие и неумение подчинить себя требованиям хороших, мыслящих режиссеров. Он был актером вчерашнего дня, по сути, гораздо более старым, чем можно судить по дате его рождения. Винси принадлежал к категории тех театральных звезд девятнадцатого

века, для которых не имели значения ни автор пьесы, ни ее текст, неважны были партнеры, концепция спектакля и его главная мысль, важно было лишь одно — они сами на сцене. Он был невероятно впечатлительным к малейшим попыткам режиссера поставить его на второй план в сцене, где его присутствие на переднем плане выглядело бессмыслицей. Он противился точному исполнению роли, согласно концепции режиссера, что во второй половине двадцатого века должно рано или поздно вывести такого актера за рамки самых выдающихся спектаклей, потому что никто не хочет иметь в своей постановке персонажей, которые выпадают из общего решения и делают невозможным гармоническое развитие идеи. Быть может, именно поэтому он не попал ни в один из академических театров и никогда не войдет в историю британской сцены, хотя, возможно, он имел к этому некое прирожденное право, дарованное ему вместе с недюжинными актерскими способностями. В «Стульях» он был великолепен, хотя, если вы спросите у мистера Дарси, сколько он с ним намучился, тот расскажет вам целые тома. Ведь всю концепцию этой роли придумал Дарси, а не он. Однако, возвращаясь к психологическому портрету Винси, думаю, что это был человек слабый, ограниченный и лишенный всяких моральных принципов. Одновременно он обладал огромным личным обаянием, особенно по отношению к женщинам, которые очень многим помогли ему в жизни и в то же время повредили, избаловав и испортив его... Скандалов и всяких историй с женщинами у него были тысячи...

— Так... — Паркер задумался. — Как вы думаете, а мог ли он иметь какие-нибудь контакты с преступным миром?

— Пожалуй, нет. Не думаю. У него не было для этого никаких поводов. Хотя... Но это же не доказательство...

— Что именно? — спросил инспектор.

— В последнее время, то есть, примерно с неделю, Винси начал вести себя совершенно удивительно, даже учитывая его характер. Вначале некоторые решили, что он просто свихнулся. Он стал рассказывать всем вместе и каждому по отдельности о намерении открыть собственную киностудию, где, наконец, он сумеет показать себя миру в качестве следующего Лоуренса Оливье. На вопросы, откуда он возьмет деньги для такого предприятия, он загадочно улыбался и пожимал плечами, отвечая, что это пустяки. Разумеется, когда мне об этом донесли (потому что, как вы знаете, в театре директору всегда обо всем доносят), я рассмеялся. Никто лучше меня не знал о его доходах. Я должен быть в курсе этих вопросов, потому что все время имею дело с актерами и обязан знать, кто сколько «стоит», как говорится. Но Винси менялся изо дня в день, пока, наконец, не явился ко мне сегодня утром, сюда, в этот кабинет, и с неслыханной наглостью по отношению не только ко мне, но и к театру «Чембер», который, как вы знаете, служит исключительно современному искусству и его пропаганде, потребовал какую-то астрономическую сумму, утверждая, что в нынешних условиях играть за меньшие деньги во всякой бессмысленной чепухе, которую здесь ставят, он не намерен, и угрожал в противном случае разрывом контракта. Я подавил гнев, хотя его поведение было совершенно идиотским, и спокойно ответил, что он, конечно, имеет право расторгнуть контракт с театром и может уйти хоть завтра, но, разумеется, ему придется возместить убытки, что составит весьма значительную сумму, поскольку я потребую возмещения всех расходов на постановку спектаклей с его участием, оплаты труда всех актеров, технического персонала и так далее, а также за вынужденный простой до того момента, пока мы не найдем другого актера, который заменит его и будет введен в спектакли. Однако после начала сезона и подписания актерами контрактов во всех театрах это будет

не так-то легко сделать. Между прочим, сейчас, когда он погиб, я просто в отчаянии, с той минуты, как осознал, что означает для меня это страшное известие. Актеры ужасно суеверны. Может получиться так, что не найдет-ся никого, кто хотел бы вводиться в роль только что убитого коллеги...

— Да... Действительно... — пробормотал Паркер.

— Ох, простите! Я отклонился от темы. Так вот, после такого моего ответа он несколько поостыл, но, несмотря на это, отказался от работы в нашем коллективе и заявил, что, отыграв оговоренное контрактом количество спектаклей, будет считать себя совершенно свободным от сотрудничества с нами, чего, впрочем, мог мне вообще не говорить, потому что у него и так есть на то полное право, согласно тому же контракту. Однако это были отнюдь не единственные симптомы того, из-за чего в первые дни члены коллектива стучали пальцем по лбу за спиной Винси и во что через несколько дней все вдруг поверили, включая даже меня. Ведь совершенно очевидно, что актер никогда не отказывается от работы, разговаривая таким тоном с директором театра, если не видит перед собой гораздо лучших перспектив. Тогда я провел конфиденциальное расследование и могу вам совершенно ответственно заявить, что ни одна из киностудий и ни один из театров никаких переговоров с Винси ни о чем не вели. Таким образом, вся эта история остается для меня совершенно непонятной. Не знаю, как он намеревался получить какие-то фонды. Наверняка не благодаря своему актерскому ремеслу и не от доходов, с этим связанных...

— А он еще как-нибудь заявлял о своем будущем богатстве или связанных с ним блестящими перспективами? — спросил инспектор.

— Конечно! Ситуация в театре уже давно стала очень напряженной. До момента знакомства с Винси Ева Фарадей считалась почти невестой Генри Дарси, который открыл ее в каком-то любительском театре и сделал из нее актрису. Однако потом она, вероятно, влюбилась в Винси, или скорее всего, он просто вскружил ей голову, потому что она порвала с Генри и стала показываться лишь в обществе Винси. Это произошло где-то через полторы недели после начала репетиций «Стульев», то есть примерно три месяца назад. Этот человек оказывал огромное влияние на женщин. Наверно, все же Ева его полюбила, потому что Генри один из самых лучших и самых способных людей, которые работают в нашем театре. Если бы она вышла за него замуж, она была бы счастлива и знаменита. Но кто может понять женщину? Во всяком случае, Дарси, как говорится, даже глазом не моргнул, несмотря на то, что должен был каждый день встречаться с ними обоими, потому что по иронии судьбы они как раз играли в спектакле, где заняты всего двое актеров. Дарси ставит этот спектакль и, кроме того, играет в нем эпизодическую роль Рассказчика. Ему пришлось непрерывно общаться с ними, спорить, объяснять, репетировать по два раза в день... Но я в театре и не такое видывал... Дарси по-прежнему относится к Еве очень сердечно. Наверно, он все еще ее любит. А она души не чаяла в другом. Говорят, Винси обещал жениться на ней, утверждая, что хочет завести семью и, наконец, остепениться. Впрочем, кто может знать точно, что он ей говорил, что обещал и как на нее воздействовал? Я думаю, он пришел в этот мир, обладая тем ужасным качеством, каким обладает липкая бумага против мух. Женщины льнули к нему, а потом не могли от него оторваться. А он бросал их без колебаний, когда они ему надоедали или переставали быть нужными. Так случилось и с Евой. Несколько дней назад между ними разразилась скандальная ссора прямо в театре. То есть, Ева как бы не принимала участия — говорил один Винси. Он орал на нее, ругаясь последними словами, обвинял в том, что она в него вцепилась, что она ограничивает его жизнь, что она не имеет на него никаких прав, что она — гиря на его

ногах и так далее. Это случилось через день или два после того, как он начал распространять слухи о своем богатстве. Вероятно, он посчитал, что женитьба на молодой и хотя уже известной, но не самой знаменитой актрисе не имеет теперь для него никакого смысла. Он был полон фантастических проектов, в которых для нее не оставалось никакого места... После этого скандала он с ней порвал и ни разу больше не обратился к ней ни единым словом за пределами сцены. А на сцене он вел себя так, будто имеет дело с ядовитой змеей. Между прочим, во время этого скандала произошел еще один инцидент. Когда Винси повысил голос и начал кричать на Еву, Дарси еще не было в театре. Думаю, впрочем, что Винси умышленно выбрал именно такой момент. Он хотел публично унижить ее и в то же время не получить по зубам. Потому что Дарси, безусловно, не позволил бы ему так обращаться с женщиной, независимо от того, бросила она его ради Винси или нет... А в нашем театре работает помощником режиссера один молодой парень, довольно хилого телосложения, по имени Джек Сойер, студент, который просто у нас подрабатывает, чтобы платить за учебу в университете, где он обучается медицине. Так вот, этот помощник режиссера находился как раз недалеко, и когда Винси употребил какое-то нецензурное выражение, он подошел к нему и сказал, что мужчина не имеет права вести себя так по отношению к женщине. А надо вам сказать, джентльмены, что для Стивена Винси технический персонал театра вообще не относился к категории людей. Он смотрел на технических работников, как средневековый феодал на своих подданных, точнее говоря, еще хуже, потому что попросту не замечал их вообще. Стивен Винси, как и Генри Дарси, — высокие, крепкие мужчины, а этот мальчик по сравнению с ними выглядит недоростком. И Винси недолго думая бьет его по лицу. Получив пощечину, молодой человек схватил топорик, который пожарник оставил на столике в коридоре, и возможно, даже ударил бы этим топориком Винси, если бы его не остановили успевшие подбежать другие работники. Конечно, все это могло очень плохо кончиться для Винси, но по моей просьбе Сойер принял извинения от Винси, которому я пригрозил, что он может пойти за это в тюрьму на пару месяцев. Конечно, между нами говоря, его бы не посадили, ограничились бы штрафом, но я хотел как-то все это урегулировать, потому что в театре такие ссоры и скандалы безумно осложняют работу и сразу же отражаются на игре актеров и атмосфере всего спектакля. Но это было еще не все. Ева, разумеется, тогда упала в обморок, и целых полчаса надо было приводить ее в чувство, а потом она закатила истерику со слезами, в связи с чем спектакль начался с опозданием на пятнадцать минут. А когда пришел Дарси, который появляется позже, потому что выходит на сцену лишь в конце второй половины спектакля, и сразу же узнал о том, что произошло, он в антракте вошел в гримерку Винси и совершенно спокойно пообещал, что если тот еще раз скажет хоть одно невежливое слово Еве Фарадей, то он, Дарси, попросту убьет его, как собаку. И вышел, не дожидаясь ответа. Костюмер Раффин, который при этом присутствовал, потому что обязан по роду службы во время спектакля находиться в гримерке Винси, хотя и боится его как огня, ибо тот отвратительно ведет себя по отношению к Раффину, рассказывал мне потом, что Винси стал белым, как бумага, и несколько следующих минут в буквальном смысле дрожал от страха так сильно, что едва взял себя в руки перед выходом на сцену, когда услышал по внутренней радиосети приглашение к началу второго акта. Немедленно вслед за этим он принес формальные извинения Еве Фарадей, но отношения между ними оказались раз и, как теперь выясняется, уже навсегда прерванными.

— Так... — Паркер записал что-то в блокноте и поднялся с кресла. — Большое спасибо, господин директор. То, что вы нам рассказали, само

по себе неслышанно интересно. Это открывает широкое поле для многочисленных домыслов, которых я, разумеется, хотел бы избежать... — Он умолк, затем несколько неуверенно продолжил: — Сейчас ночь... Не кажется ли вам, мистер Дэвидсон, что вы заслужили немного сна? В ближайшие часы вы вряд ли мне понадобится, разве что утром. Если случится что-нибудь непредвиденное, я с сожалением буду вынужден разбудить вас телефонным звонком. Но думаю, что в течение ночи ничего такого произойти не должно.

— Я могу заночевать здесь, — сказал мистер Дэвидсон. — Я часто ночую в театре, когда у меня много работы или когда генеральные репетиции затягиваются допоздна. У меня есть диванчик, на котором я дремлю, а дежурный портье будит меня по телефону.

— Как считаете нужным, господин директор. Только одна просьба: прошу пока никому не сообщать об этом несчастном случае. Завтра и так пресса обо всем узнает, но чем позже доберутся до нас репортеры, тем лучше. Вы, разумеется, отмените спектакли?

— «Стулья» — да. Но у нас есть другой спектакль, почти готовый к выходу, который репетировался параллельно со «Стульями», потому что совершенно нельзя было предположить, какова будет реакция публики. Такие вещи могут либо сделать огромную кассу, либо провалиться после двух представлений. У этого спектакля был очень большой успех.

— И, полагаю, теперь он станет еще большим, — сказал Паркер, — насколько я знаю людей.

— И я так думаю, — согласился мистер Дэвидсон, — хотя в театре никогда ничего нельзя предвидеть заранее...

— ...как об этом свидетельствует сегодняшняя ночь, — с мрачным юмором закончил инспектор. — И еще одно, господин директор. Для формальности я должен выяснить, где вы находились сегодня вечером и ночью.

— Я? Ах, ну да, конечно... Я был на приеме у мэра. Прием продолжался с семнадцати часов до двадцати трех... Потом я вернулся домой в сопровождении двух друзей... Это был специальный прием для директоров театров... Контакт городских властей с людьми искусства. Директора театров «Битгл» и «Бурлеск» выпили у меня еще по стаканчику и разошлись буквально за пять минут до звонка Сомса. Я с ужасом думаю о том, на сколько вопросов мне придется отвечать завтра...

— И я! — вздохнул Паркер. — Но люди хотят читать газеты, а газеты хотят сообщать последние новости. С этим ничего не поделаешь. Я благодарю вас еще раз. Итак, вы остаетесь здесь?

— Да. Я все время буду у себя, чтобы не мешать вам. Но не знаю, удастся ли мне заснуть...

— Во всяком случае, попытайтесь, — посоветовал инспектор Бенжамин Паркер и вышел из кабинета, а Джо Алекс последовал за ним.

VI. «Эта дама вошла в десять пятнадцать...»

На лестнице Паркер задержался.

— Ничего пока не говори, Джо. Это дело может оказаться сложнее, чем я думал. Мы еще ничего не знаем.

— А я и не собирался ничего говорить, — буркнул Джо. — У меня позади тяжелый день, проведенный в дороге, театре и ресторане. Я встал в семь утра. Теперь час ночи. И ты полагаешь, что в этих обстоятельствах я могу быть болтливым? Впрочем, был ли я вообще когда-нибудь болтливым?

Паркер улыбнулся.

— Нет. Никогда не был. Это правда. Хотя трудно назвать тебя молчуном. А ты что, серьезно — хотел бы сейчас уйти домой?

— Ни за что на свете! Я ничего подобного не говорил.

— Ладно.

Они двинулись вниз. Бен и Джо знали друг друга много лет и прошли вместе всю войну в кабине британского бомбардировщика. Было время, когда им казалось, будто они более близки, чем родные братья. И сейчас Алекс видел, что, несмотря на улыбку, инспектор глубоко озабочен.

— Теперь я допрошу дневного портье, — сказал Паркер, — а потом остальных, если он не внесет ничего для нас нового. Но у меня такое впечатление, что внесет. Ведь если убийца мог войти, лишь минуя окно его дежурки... Однако повременим...

В главном коридоре за сценой они встретили сержанта Джонса.

— Этого портье уже привезли, шеф!

— Вильяма Галлинса?

— Да, шеф. Он в дежурке. Под охраной полицейского. Страшно взволнован, потому что его жена как раз родила и лежит в больнице. Прямо плачет, шеф. Я шел за вами, потому что даже не знаю, что с ним делать...

— Сейчас он у нас перестанет плакать, — пробормотал Паркер и ускори́л шаг.

Увидев их, полицейский в дежурке, который стоял, склонившись над громко всхлипывающим человеком, сразу выпрямился, но всем своим видом показывал, будто не знает, что делать с этим удивительным существом, которое сидело на стульчике, укрыв голову ладонями. Инспектор дал знак полицейскому, что тот может идти, а когда дверь за ним закрылась, наклонился и спокойно сказал:

— Галлинс, вас пригласили сюда, чтобы допросить по делу об убийстве. Если вы совершили это убийство, то совершенно справедливо оплакиваете свою судьбу. Если же вы его не совершали, то нет никакого смысла терять наше и ваше время. После допроса я намерен отправить вас на той же полицейской машине домой. Мужчина должен быть дома с детьми, когда его жена находится в больнице. Но прежде всего, будьте мужчиной!

Как по мановению волшебной палочки, сидящий на стульчике мужчина поднял голову и опустил руки. Его лицо было залито слезами, но выражало не горе или отчаяние, а бескрайнее изумление.

— Убийство? — прошептал он. — То есть, как?.. Значит, театр не обокрали? Не обокрали?

— Нет! — решительно ответил Паркер и сел напротив него. — В то время, когда вы уснули на дежурстве, театр не обокрали. Когда за вами приехали ночью полицейские и не хотели ни о чем разговаривать, а лишь велели собираться и немедленно ехать с ними в театр, вы были убеждены, что именно так и случилось и что теперь вас привлекут к ответственности за невыполнение служебных обязанностей или заподозрят в сговоре с преступниками. Но дело совсем не в том, Галлинс! Между десятью и десятью с половиной вечера в своей гримерной был убит актер Стивен Винси, и мы хотим услышать ваши самые подробные показания насчет того, что вы делали и что видели в этот вечер.

— Мистер Винси убит?! — едва вымолвил Галлинс. — Мистер Винси! А я был здесь, за стеной... Господи, да как же это?.. Постойте, вы сказали: между десятью и десятью с половиной?

— Да. Так я сказал.

— Значит, это она!

— Что за «она»? — быстро спросил инспектор, резко наклонившись вперед.

— Это... Это та дама, что пришла в четверть одиннадцатого, пробыла там несколько минут и сразу вышла.

— Ага, значит, в это время здесь была какая-то дама?

— Да, сэр. Мистер Винси предупредил, что она придет, и я ее впустил. Это была далеко не первая женщина, которую я так впускал... Но она была старше других... Ну, всех прежних...

— И сколько же ей могло быть лет?

— Ну, может, сорок... А может, даже больше. С этими богатыми дамами никогда не известно, сэр... Они так ухожены, что иногда выглядят моложе...

— Это верно. А как она была одета?

— На ней был тонкий черный плащ и маленькая шляпка, такая модная, полукруглая, серого цвета... И, кажется, туфли на очень высоких каблуках... Но сама она была невысокая...

— Вы узнали бы ее, если б увидели?

— Пожалуй... Пожалуй, да, сэр.

— Хорошо. А вас ничего в ней не удивило? В ее одежде или, скажем, в поведении?

— Она казалась как бы смущенной... Но я не обратил на это особого внимания, потому что она ведь не была работником театра, а люди посторонние часто ведут себя робко за кулисами, сэр.

— Да. И ничего больше вы о ней сказать не можете?

— Пожалуй, нет, сэр... Ага! Вот еще, хотя это, наверно, не имеет значения... Эти дамы обычно носят к вечерним платьям такие красивые сумочки, золотистые или серебристые, но всегда маленькие. Моя жена когда-то обратила на это внимание, когда сидела здесь, у меня, она сказала, что, мол, это должна быть очень хорошая жизнь, когда в сумочке не надо носить ничего, кроме пудры, помады и платочка...

— Ваша жена совершенно права, это действительно очень удобная жизнь. Однако, что с этой дамой?

— Так вот я и говорю, сэр, — у этой дамы была большая и битком набитая сумочка, совсем не такая, какие они обычно носят к вечерним платьям. Она держала ее низко, и я сначала ее не заметил через окошко. Но потом я выглянул ей вслед через дверь, когда она поднималась по лестнице, и тогда увидел эту сумочку. Я тогда ничего не подумал... А у нее там, наверно, был пистолет.

Инспектор бросил быстрый взгляд на Алекса, который только что тихонько присвистнул сквозь зубы.

— Мистер Винси был убит кинжалом, — сказал Паркер.

— А, ну, значит, у нее там был кинжал, сэр. Но разве я тогда мог об этом подумать?

— Нет. Не могли. Правда, вы потом могли обойти весь театр, и это избавило бы вас сейчас от слез и угрызений совести. Здесь есть телефонная книга?

— Что? — переспросил портье. — Ах, да, сэр, конечно! — Он вскочил и подал инспектору книгу. Паркер передал ее Алексу.

— Будь добр, Джо, найди номер телефона мистера Чарльза Крессвела, ладно?

Алекс молча кивнул и начал листать страницы.

— А теперь расскажите мне, как вы провели этот вечер, с момента начала спектакля и до той самой минуты, когда вас разбудил ваш коллега без четверти двенадцать ночи.

— Слушаюсь, сэр. — Галлинс сел и сосредоточился. — Значит, так... Когда начался спектакль, все было как обычно, никто чужой не появлял-

ся. Потом, где-то, примерно, через десять минут после начала, пришел костюмер мистера Винси, Оливер Раффин, и заглянул сюда в дежурку. Мы немного поговорили, потому что он был уже свободен. Мистер Винси отпустил его сразу же после того, как тот его одел в сценический костюм, и велел больше не заходить в его гримерку, потому что он ожидает гостя. Он также велел Раффину предупредить меня, что к нему придет одна дама и что я должен ее пропустить, но он только не знал точно, зайдет ли она в антракте или после спектакля... Потом был антракт. Раффин по-прежнему сидел у меня. В перерыве пришел посыльный из цветочной лавки с корзиной роз для мистера Винси. Раффин от меня все еще не уходил, потому что был теперь нужен только после окончания спектакля, чтобы раздеть мистера Дарси. Мистер Дарси играет в этом спектакле только в самом конце, но с тех пор как случился этот скандал между мистером Винси и мисс Фарадей, он приходит к началу спектакля и сразу же переодевается. У него точно такой же костюм, как и у мистера Винси, только без маски, но зато он выходит на сцену в шляпе, так что у Раффина нет с ним никаких проблем. В этих современных спектаклях, говорит Раффин, только одно хорошо — костюмы в них сделаны из чего попало, без всяких там кружев, жабо и вышивок, как раньше, — вот когда человеку приходилось трудиться, не то что сейчас!

Паркер взглянул на Алекса и открыл было рот, будто хотел прервать рассказ портье, но Джо сделал почти незаметное возражающее движение головой. В руке он держал закрытую телефонную книгу, придерживая, однако, пальцем одну из страниц. Паркер закрыл рот и перевел взгляд на рассказчика.

— ...Так что Раффин посидел у меня еще немного после конца антракта, и тут пришла сестра моей жены, которая как раз приехала поездом из Манчестера, чтобы немного помочь в доме, потому что моя жена вчера родила, и я послал ее сестре телеграмму, — у нас ведь еще двое детей в доме, а у меня каждые сутки по двенадцать часов дежурство, причем днем... Так вот, когда она вошла с чемоданом, Раффин сказал, что пойдет в гримерку мисс Фарадей, которая сейчас находится на сцене, и немного поболтает со Сьюзен.

— Кто такая Сьюзен?

— Это костюмерша мисс Фарадей, жена Малькольма Сноу, рабочего сцены, который стоит «на занавесе», — страшная болтушка. Весь театр сгорал от любопытства, чем же кончится этот скандал между мисс Фарадей и мистером Винси, потому что перед этим мисс Фарадей, как говорится, гуляла с мистером Дарси... Так что Раффин отправился посплетничать к Сьюзен. А меня оставил с сестрой жены. Потом спектакль закончился, потому что это совсем короткий спектакль, и даже, говорят, это вообще была одноактная пьеса, только мистер Дарси сделал в середине антракт, чтобы можно было вынести на сцену побольше стульев. А с этими стульями вообще всегда такой цирк начинается, потому что очень трудно расставить их в особом порядке... Нет, вы себе представляете, — двести пятьдесят стульев надо поставить на сцене во время антракта, — люди себе все руки обрывают, чтоб только успеть... Вот. Так о чем это я говорил?.. Ага, вспомнил! Ну, значит, после окончания спектакля я отправил сестру жены домой на такси, потому что хоть лишних денег у меня и нет, но все же боязно надолго оставлять детей одних дома. Одному из них десять лет, и это вроде уже большой ребенок, но зато другому — всего четыре, и им самим приходится себе ужин готовить и спать укладываться... В общем, сестра села в такси и поехала. А я ждал, пока все выйдут. И почти все уже ушли, когда заглянула эта дама... Она спросила, есть ли мистер Винси.

Я сказал, что есть, и она поднялась наверх. Больше, кажется, никто не выходил, а я сидел, и у меня глаза просто слипались, — я ведь всю предыдущую ночь не спал, а утром пошел на работу. Я помню, как эта дама вышла, но сон меня уже так одолевал, что только я запер за ней дверь и вернулся сюда, как прямо с ключом в руке сел вот тут у окна и опустил голову на локоть. Дай, думаю, вздремну пару минут, а когда мистер Винси будет спускаться, я сразу услышу, проснусь и открою ему. Ну, и только я закрыл глаза, как тут уже в дверь звонит Сомс. Так мне, по крайней мере, показалось, потому что на самом деле я проспал, наверно, часа полтора, а то и больше. Но после всех волнений предыдущей ночи я мог бы проспать, мне кажется, дней пять... Теперь это уже прошло, — сказал он с некоторым удивлением. — Мне сейчас совсем не хочется спать.

— Ладно. Еще наверняка захочется, — сказал Паркер. — Но сначала вы должны закончить ваш рассказ.

— Ну так это уже, наверно, и есть конец моего рассказа, сэр... Сомс позвонил, а я был настолько сонный, что совсем забыл о мистере Винси и о том, что я не сделал обход театра перед сдачей дежурства. Но я знал, что Сомс обход сам сразу сделает, потому что он очень добросовестный человек, сэр. И кроме того, посудите сами, сэр, разве человек может предполагать, что в театре как раз в это время может случиться такой кошмар?! А когда Сомс пришел, он, наверно сразу понял, что я задремал, но не удивился этому, потому что все знали, что у меня вчера сын родился. Даже немного денег в подарок дали — весь коллектив сложился... Это очень симпатичный театр, сэр, и отношения между людьми здесь действительно добрые и дружеские. Никто не смотрит на то, что ты, например, технический работник, а не артист... Атмосфера у нас, можно сказать, очень хорошая, сэр, но никто тут не допускает панибратства, потому что мы ведь понимаем — режиссер или актер — это не какой-нибудь там портье, — но при этом все вежливы друг с другом. Разве что только один мистер Винси был... Но о покойнике нельзя плохо говорить... Он умер, и теперь все, кто к нему что-то имели, должны ему все простить, не правда ли, сэр?

— Конечно, — кивнул Паркер. — Ступайте домой, Галлинс, и отоспитесь как следует. Быть может, мне удастся скрыть от директора Дэвидсона, что вы уснули на службе, когда все это произошло. Но запомните, что в следующий раз у вас могут быть очень большие неприятности. Отец троих детей должен быть более ответственным.

— Благодарю вас, сэр, — голос Галлинса снова приобрел просительное звучание, — я как раз так сильно об этом беспокоился, что...

— Хорошо, хорошо, идите уже.

— Спокойной ночи, джентльмены.

— Спокойной ночи... — Паркер подал знак дежурному полицейскому, чтобы выпустил Галлинса, который все еще дрожал, но уже робко усмехался.

— Что теперь? — спросил Джо. — Поедем к мистеру Чарльзу Кресвелу, жениху мисс Анны Додд? Думаю, надо.

— И я так думаю. — Паркер выглянул в дверь и отдал какие-то распоряжения.

Через минуту они уже сидели в автомобиле, который, резко сорвавшись с места, мчался теперь по длинной, прямой улице, по обе стороны которой тянулся ряд высоких старинных каменных домов. Затем они свернули и, миновав две или три узкие улочки, въехали в квартал богатых вилл. Вскоре они остановились перед утопающим во тьме домом, наполовину укрытым за высокими деревьями сада. Ворота были заперты. Паркер вышел и нажал на кнопку звонка. Несколько мгновений дом оставался по-прежнему

темным. Инспектор позвонил вторично, и одновременно на первом этаже в одном из окон вспыхнул свет. Затем на некотором расстоянии тихонько скрипнула дверь.

— Кто там? — спросил старческий хриплый голос.

— Застал ли я мистера Чарльза Крессвела? — громко спросил Паркер.

— В чем дело? — Послышалось неторопливое шлепанье ног, и спустя минуту на дорожке, освещенной светом, падающим из окна, показалась сгорбленная фигура в длинном темном халате. — Кто тут?

Алекс заметил, что на втором этаже зажглось второе окно.

— Полиция, — сказал Паркер, когда старик подошел достаточно близко, чтобы можно было разговаривать с ним, не напрягая голос. — Мы хотели бы повидать мистера Чарльза Крессвела, если он дома.

— Полиция? — Старик подошел поближе и внимательно пригляделся к ночным гостям.

— Вот мое удостоверение, — Паркер просунул между железными прутьями решетки документ.

Старик взял его и тщательно прочел в свете фонарика, вынутого из кармана халата.

— Хм... — как бы заколебался он и пробормотал с недоверием: — Как это — полиция?.. Здесь еще никогда не было ни одного полицейского...

На дорожке послышались другие шаги, более быстрые и решительные.

— Что там происходит, Джон? — спросил молодой мужской голос.

— Я — инспектор Скотленд-Ярда, — резко сказал Паркер, — и обращаю ваше внимание, сэр, на то, что в данную минуту нахожусь при исполнении служебных обязанностей. Я хочу видеть мистера Чарльза Крессвела, если он дома, а если его нет, прошу объяснить...

— Это я, — сказал молодой человек и подошел ближе. — Открой, Джон.

Старик достал ключ и открыл калитку в воротах.

Проходя мимо, Паркер взял из его руки свое удостоверение.

— Простите, что мы вынуждены беспокоить вас в такую пору, — вежливо сказал он, — однако произошел довольно драматический случай, и мы предполагаем, что вы будете в состоянии дать нам кое-какую информацию по этому поводу.

— Я? — Чарльз Крессвел рассмеялся. Алекс даже в темноте увидел два ряда его ровных, белых зубов. — Опасаюсь, что это какая-то ошибка. Но раз вы исполняете служебные обязанности, мне не остается ничего другого, как... — Он улыбнулся и жестом пригласил к дому, куда вела усыпанная мелким гравием дорожка.

Паркер шел впереди, рядом с хозяином. Алекс шел следом сквозь мрачноватый сад и размышлял. Да, теперь это уже, по-видимому, не имело никакого значения... Но именно в эту минуту он осознал, что показалось ему странным в гримерной убитого. Неужели она забрала?..

Они оказались перед входной дверью, и Крессвел вошел первым, зажигая свет в холле. Он молча указал на дверь, ведущую направо. Здесь находилась небольшая комната, обставленная частично как кабинет, частично как библиотека. Алекс с удовольствием взглянул на небольшой красивый гобелен, висящий на стене.

— Льеж? — спросил он импульсивно.

— Да! — Чарльз Крессвел посмотрел на него с интересом. — У вас довольно оригинальные интересы для полицейского.

Алекс хотел было объяснить, кто он, но Паркер поднял руку. Они сели.

— Я вас слушаю, — сказал Крессвел. — Я действительно искренне удивлен вашим визитом... Я еще никогда не имел контактов с...

— Имели, — вежливо улыбаясь, сказал Паркер. — Насколько я помню, три года назад я имел удовольствие беседовать с вами о Клавдии Клаверраже, вашем друге, который запутался в определенных... гм... делах. Я не ошибаюсь, не правда ли?

— Ах, так это вы! — Крессвел рассмеялся. — Мне сразу показалось, что я вас уже где-то видел. Но не предполагал, что... Да, действительно, три года назад вы беседовали со мной о бедном Клавдии.

— Вот видите. А сегодня я хотел попросить вас рассказать нам о том, как вы провели вторую половину дня и вечер вчера, вплоть до настоящей минуты.

— Я?

— Да. У меня есть предположение, что вы, совершенно неосознанно, оказались едва ли не свидетелем убийства, и уж по крайней мере, можете наверняка многое прояснить, всего лишь пересказав нам весь ход событий второй половины вчерашнего дня и вечера. Я не хочу вам ничего больше говорить, чтобы не повлиять на свободный ход вашего рассказа.

— Это представляется мне совершенно невозможным, — сказал Крессвел, — ведь вчера после полудня и вечером... — Он пожал плечами. — Но, я думаю, вы не стали бы будить меня среди ночи шутки ради, не так ли? Так что расскажу вам обо всем, что произошло. А не произошло ровно ничего. В четыре часа пополудни я поехал к своей невесте, мисс Анне Додд, и был у нее до без четверти восемь вечера. Скоро должна состояться наша свадьба, и мы обсуждали самый важный вопрос: маршрут нашего свадебного путешествия. Мы намерены на несколько месяцев покинуть Англию и совершить кругосветное путешествие. Но как вы знаете, мир можно объехать вокруг самыми разными путями. Так что мы провели это время очень приятно, разглядывая целый ворох цветных проспектов, который я принес с собой, и весьма горячо споря. Потом мы съели нечто вроде позднего ленча вместе с миссис Анджелой Додд, матерью моей невесты. Ее муж достаточно серьезно болен, поэтому не принимал в этом участия. Он лишь заглянул на чашечку кофе перед самым нашим выходом в театр. Мы поехали на спектакль «Стулья» по пьесе Ионеско. После спектакля я отвез Анну домой, а сам сразу вернулся сюда. Я не хочу теперь один бывать в ночных клубах, а мою невесту стесняет болезнь отца... Так что вернулся домой, поужинал, принял ванну и лег спать. Меня разбудили голоса в саду. Вот и все.

— Я вам очень благодарен, — Паркер встал. — Еще один маленький вопрос: вы были в театре только с вашей невестой?

— Нет, — поднял брови Крессвел, — там была также ее мать.

— Но вы, кажется, минуту назад сказали: «Я отвез Анну домой». Надо понимать, что вы также отвезли домой и вашу будущую тещу?

— Нет. Она попрощалась с нами после спектакля, сказав, что у нее еще есть какое-то дело неподалеку и что она вернется домой на такси. Так что мы уехали одни.

— Еще раз большое спасибо, и примите наши извинения за ночное нашествие, — Паркер улыбнулся. — Мне кажется, вы нам очень помогли, хотя, если честно, я еще не совсем в этом уверен. До свидания, мистер Крессвел!

И вышел, оставив изумленного хозяина на пороге комнаты. Алекс двинулся следом за своим другом.

VII. Пустой конверт

Когда они оказались за калиткой, Паркер остановился возле автомобиля.

— Что бы ты сейчас сделал на моем месте? — спросил он.

— На твоём месте я бы сейчас вернулся в театр, чтобы ознакомиться с результатами вскрытия и дактилоскопической экспертизы, но прежде всего надо узнать, что за бумажку держал Винси в руке. Кроме того, есть еще один вопрос, на который я хотел бы сам себе ответить, но пока еще не стоит об этом говорить.

— А потом что бы ты сделал?

— Потом я поехал бы к миссис Анджеле Додд и спросил ее, что она делала с того момента, как попрощалась с дочерью и будущим зятем после окончания спектакля, и до той минуты, как вернулась домой.

— Да, ты прав. На своем месте я сделаю то же самое, — Паркер невесело усмехнулся и сел в автомобиль.

Не успели они двинуться, как он снова заговорил, обращаясь то ли к самому себе, то ли к Алексу.

— Мы знаем, что в 10.15 в гримерную Винси вошла какая-то женщина. Доктор предварительно указывает нам примерно то же самое время как крайнюю границу смерти, хотя и немного воротит нос, говоря, что это поздновато. Но факты свидетельствуют о другом. Медицинская наука не может указывать время с точностью хронометра. Спектакль начался в восемь, в девять был антракт, который длился примерно до девяти пятнадцати, потом Винси снова вышел на сцену. В десять спектакль закончился. Я это точно знаю, потому что сам посмотрел на часы. За сколько минут до конца спектакля Винси мог уйти со сцены?

— От семи до восьми минут, я думаю, — ответил Алекс рассеянно.

— Вот именно! Стало быть, приблизительно в 9.25 он еще был на виду у всех. Какое-то время у него занял путь до гримерной... Он же не был убит в дверях. Ему надо было сначала лечь и взять в руку ту бумажку, которую мы через пару минут увидим. Все это вместе могло занять от четырех до пяти минут. Это значит, что в 9.56 он был еще жив. Ни один врач в мире не убедит меня в том, что может определить время смерти спустя несколько часов после ее наступления с точностью большей, чем полчаса. То есть, он мог умереть даже в 10.25. Но мне нужно время 10.15. И тогда все складывается...

— Абсолютно... — пробормотал Алекс.

— Да. Кроме того, у миссис Додд была эта странная сумочка. Ведь на это сразу обратила внимание мисс Бикон. К счастью, женщины замечают такие вещи. Крессвел не отвозил ее домой. Бог ты мой, какое же дело, кроме посещения Винси, могло у нее быть в тех местах? Она подождала, пока выйдут актеры, персонал, и спустя четверть часа вошла. Винси ее ждал...

— А она его убила... — снова пробормотал Алекс и вздохнул. — А если добавить к этому тот факт, что Винси всю неделю бредил о ждущем его огромном богатстве, а также другой факт, что дочь миссис Додд унаследовала двадцать пять миллионов, то можно сделать из этого еще один вывод.

— Я его уже сделал, мой дорогой. Скорее всего, Винси шантажировал миссис Додд. Не знаю пока, что было основой этого шантажа. Может, он был ее любовником?

— Это возможно... — Алекс зевнул. — Он также мог быть любовником ее дочери, которая, выходя замуж, хотела бы выкупить у него свои

любовные письма. Миллионерша может заплатить за такие компрометирующие документы гораздо больше, чем скромная дочь археолога, которой она была еще несколько недель назад. Она могла попросить мать уладить это...

— И это возможно. Даже, пожалуй, больше, чем первое. А может, за этим кроется еще какая-то неожиданность, но я убежден, что не ошибаюсь, рассуждая в этом направлении. А дальше все могло произойти так: она вошла и, увидев подходящую возможность, избавилась от шантажиста, а потом убежала.

— И так может быть... Хотя меня поражает ее глупость. Войти в пустой театр, спросить дежурного о мистере Винси, оказаться с актером лицом к лицу при полном освещении, а потом убить. Выходит, что наивная женщина вообразила, будто, явившись специфически одетой после спектакля, где ее с этой странной сумочкой наверняка видело множество знакомых, кроме нас, она может убить человека и бесследно растаять в лондонской мгле, которой, кстати, сегодня вообще нет. Но кто его знает — может, действительно, все именно так и было?

— Сомневаешься в этом? — спросил Паркер.

— Да. Сомневаюсь.

— А какое другое решение ты видишь? Ведь после того как она вошла, никто больше не входил и не выходил из театра. Если это сделала не она, тогда это мог сделать только дежурный портень Вильям Галлинс, которого можно подозревать во всем, но только не в том, что двадцать четыре часа спустя после рождения третьего ребенка он вдруг решил поиграть в убийцу.

— Но Винси мог быть уже мертв, когда она вошла... — тихо сказал Алекс.

— Тогда почему она не подняла тревогу? Женщина обнаруживает труп и, не говоря ни слова, уходит? Почему?

— Если дело обстоит так, как ты сказал вначале, и Винси шантажировал либо ее, либо ее дочь, то думаю, его труп с вонзенным в сердце кинжалом был для нее зрелищем, приносящим облегчение. Она могла задержаться на несколько минут, поискать эти письма или еще что-то, что он должен был ей дать взамен того, что она носила в своей набитой сумке. А потом вышла, мечтая о том, чтобы никто никогда ее не нашел. Но, конечно, она могла его убить... Хотя... Нет, в общем ты прав. В пользу моей версии говорит лишь один — ситуационный аргумент, а кроме того, мы еще очень мало знаем. Думаю, она там была. Все правильно. Но мне кажется, все же не она убила, хотя не мог бы заявить это под присягой.

— А заключить пари мог бы?

— Да. Я поспорил бы, что это не она, и притом на крупную сумму. В этом случае кладу на чашу весов лишь мое убеждение и, как я уже сказал, одну ситуационную подробность.

— Жаль, что я всего лишь скромный инспектор полиции... — сказал Паркер. — Похоже, сегодня вечером мог бы хорошо заработать, заключив с тобой это пари. Ты — автор детективных романов, и тебе кажется, что, убивая, люди всегда действуют, подчиняясь логике. Тем временем, сам факт подготовки к такому деянию либо его совершение вызывает огромное нервное напряжение, в результате чего убийца действует необдуманно и оставляет следы, которых он мог бы избежать... Убийцы — не всегда гениальны. Преступления совершают не гении, а обыкновенные простые люди...

— Боюсь, что этот убийца гораздо умнее, чем тебе кажется.

— Серьезно?

В свете мелькающих за окнами уличных фонарей Алекс уловил внимательный взгляд инспектора.

— А у тебя есть какое-либо иное решение? — спросил Паркер.

— Пока у меня, к сожалению, целых две версии... — сказал Джо. — Версия убийцы «А» и версия убийцы «Б».

— А миссис Додд — это версия «А» или «Б» ?

— Миссис Додд — это версия «в», и притом маленькое «в», не большое. Вся трудность в том, что некоторые мои наблюдения подходят к версии «А», а некоторые — к «Б». Но этих наблюдений все еще слишком мало. Думаю, что решающим станет обыск гримерной Винси.

— И что ты рассчитываешь там найти?

— Важно то, что я рассчитываю там не найти. — Алекс в задумчивости потер ладонью лоб. — Но пока мы еще слишком мало знаем. Я как бы витаю в облаках. Ты прав. Вернемся в театр, узнаем то, что мы должны узнать от доктора и дактилоскописта, затем сделаем выводы из обыска гримерной и содержания бумажки, зажатой в руке Винси. А вот потом и выяснится, являюсь я всего лишь фантазирующим автором детективов или все же в чем-то хоть отчасти прав.

— Ты меня удивляешь... — начал Паркер голосом, в котором звучало гораздо меньше уверенности, чем минуту назад. Автомобиль остановился у лестницы бокового входа в театр «Чембер».

Сержант Джонс сидел на складном стульчике в коридоре возле гримерной покойного и курил сигарету.

— Что нового? — спросил Паркер.

— Уже есть дактилоскопические отпечатки, шеф. То есть, их нет. На ручке двери — только одни, этого старого портье, дежурного, ну, который вошел в гримерку в двенадцать... Сомса. В самой гримерной — только отпечатки убитого и еще одни, которые оказались отпечатками костюмера Раффина. Я вызвал его сюда, шеф, чтобы сделать отпечатки, и задержал, потому как подумал — может, вы захотите с ним поговорить. На орудии преступления нет никаких отпечатков. Убийца был в перчатках.

— Хорошо! — проворчал Паркер, заглянул в дежурку и позвонил врачу.

— Слушаю! — отозвался врач. — Я провожу вторичное исследование. Через полчаса позвоню. Не ранее какого времени он, по-вашему, мог умереть?

— 9.56 вечера.

— В таком случае либо я никудышный врач, либо вы никудышный детектив, либо мои химические реактивы никудышные.

— А по-вашему, доктор, когда он умер?

— Я отвечу вам через полчаса! — На том конце провода бросили трубку.

— Черт возьми! — выругался Паркер и вкратце пересказал Алексу разговор с доктором.

Лампы под потолком в гримерной Стивена Винси горели по-прежнему ярко. Первый взгляд Алекса упал на стоящую у стены кушетку. Она была пуста. Тело вынесли. Стивен Винси никогда больше сюда не вернется, не сядет перед зеркалом, не возьмет в руки грим...

— О Господи! — вздохнул инспектор и подошел к двери. — А что с этой бумажкой, которую он сжимал в руке?

— Это была не бумажка... — развел руками Джонс. — Это был белый конверт, совершенно пустой и без адреса.

— И на нем никаких отпечатков?

— Только его собственные.

— Великолепно... — проворчал Паркер и закрыл дверь. Потом обернулся.

Алекс стоял у открытого ящика гримерного стола. Инспектор подошел, и они вместе осмотрели содержимое выдвижного ящика. Там были начатые палочки грима в простой деревянной коробке, заячья лапка, покрытая пудрой, контрамарки на день премьеры, подписанные женскими именами. Паркер отложил их в сторону. Кроме того, там были проспекты фирм «Мерседес-Бенц» и «Кадиллак» и множество снимков Стивена Винси с автографом в углу сверху. Подпись была несколько манерной, в эстетике двадцатых годов. Немного денег: двенадцать фунтов банкнотами и пригоршня серебряной мелочи. Оплаченный телефонный счет. Дешевая фигурка Будды с круглым животом — наверно, какой-то старый талисман, совершенно неожиданная фотография атомного взрыва в атолле Бикини, ключи: один йельский, один простой, типичный, и один маленький, от почтового ящика...

— Я сейчас пошлю людей в его квартиру, — сказал Паркер... — Если, конечно, миссис Додд не признается...

— Кто знает — может, и признается. — Алекс стоял перед большим шкафом и как раз открывал его. — Я даже думаю, что она точно признается...

— Возможно. Тогда дальнейшее расследование сведется лишь к сбору доказательств вины. Ладно, квартира Винси еще пару часов может подождать. Есть более важные дела.

Вместе с Алексом они начали осматривать карманы одежды убитого. В них оказались лишь ничего не значащие мелочи и листок, вырванный из блокнота, на котором виднелась длинная колонка цифр и слов, выведенных, несомненно, почерком покойного:

Покупка павильона — 300 000

Авансы для актеров и зарплата персонала на первый фильм — 150 000

Реклама — 100 000

Костюмы и декорации — 250 000

Непредвиденные расходы — 100 000

Обязательный резерв — 100 000

Итого: миллион!

Последняя строчка была несколько раз подчеркнута красным карандашом.

Паркер поднял голову и взглянул на Алекса.

— Нет, ты видел что-нибудь подобное? Он спокойно на бумажке посчитал, во что ему обойдется целая киностудия! Миллион фунтов! Пустячок!

— Думаю, у него были для этого определенные основания, — сказал Алекс, оглядываясь. Он наклонился и заглянул в шкаф, где стояло несколько пар обуви. Потом лег на пол и заглянул под шкаф. Затем поднялся и покивал головой, будто желая сказать, что да — именно так он и предполагал. Паркер с интересом смотрел на него, держа в руке бумажку с расчетами покойного.

— Что ты ищешь? — спросил он.

— Сейчас уже ничего. Мне кажется, я все знаю. Но, конечно, это может быть полной бессмыслицей, и ты не обращай на меня внимания. Ты взял меня сюда, потому что считал, будто я могу быть тебе полезным. Я постараюсь дискутировать с тобой обо всех твоих подозрениях, если ты сочтешь это уместным. Но пока мы оба еще блуждаем в глухом лесу. С момента нашего приезда сюда прошло чуть больше ста минут. Никто не

требует от тебя найти и схватить убийцу за столь короткий срок. Пока нам недостает множества данных. Ты еще не допросил персонал. Мы не были у миссис Додд. Быть может, она просто ходила к театральной портнихе, а в той сумочке у нее был материал на платье. Портниха вместе с пятью костюмерами может дать ей такое твердокаменное алиби, что его не сокрушит никакое твое убеждение. А кроме того, это вообще могла быть совсем другая женщина. Тогда все придется начинать сначала. Мы мало знаем об орудии убийства. Думаю, следует допросить костюмера убитого актера. Если кинжал принадлежал Винси, костюмер должен был когда-нибудь его видеть. А мог и не видеть, если Винси принес его вчера впервые. Но откуда, в таком случае, убийца взял этот кинжал? Почему Винси лежал, когда ему нанесли удар? И есть еще один вопрос, на который, как мне кажется, непременно надо дать ответ, но о котором, как я тебе уже говорил, не стоит пока вспоминать, потому что он сейчас только все нам запутает. Что же касается миссис Додд, то у меня есть своя, частная, глуповатая на первый взгляд, концепция, которая утверждает, что она не могла совершить это убийство. Нет, то есть, формально могла — это не является совершенно невозможным...

— Ну да... Да, — Паркер покачал головой. Он подошел к столику и положил на него листок с расчетами покойного. На столике лежал уже завернутый в белую полотняную ткань кинжал, а рядом пустой, смятый конверт, белый и ничего не значащий. — Да. Так и я думаю. — Он показал Алексу свой блокнот. На последней странице большими буквами были написаны два коротких предложения:

- 1) *Допросить костюмера Раффина... Кинжал!*
- 2) *Миссис Додд: приходила ли и зачем?*

— Конечно! — кивнул Джо. — Это прежде всего. А потом, мы должны помнить, что говорил директор Дэвидсон. Винси в театре ненавидели. Он ударил юношу, который потом кинулся на него с пожарным топориком. Он бросил девушку, которую перед этим отбил у коллеги. Он закатил безобразную сцену. Он унижал костюмеров. А сколько еще мы не знаем?

— Ничего, в конце концов, все узнаем. — Паркер подошел к двери. — Джонс!

- Да, шеф!
- Давай сюда костюмера Раффина!
- Есть, шеф!

Паркер вернулся и сел за столик, задумчиво глядя на пустую кушетку. Стоящая рядом с ней корзина красных роз все еще наполняла комнату нежным, сладковатым запахом, немного похожим на запах крови.

VIII. Я знаю, где эта маска

Костюмер Оливер Раффин был маленьким человечком с лицом, которое Алекс в душе определил как облик перепуганной мыши. Входя в гримерную, Раффин зажмурился, а потом медленно, с усилием открыл глаза.

— Садитесь, — сказал Паркер и указал ему на кресло возле столика.

Алекс, который стоял, опираясь спиной на закрытую дверь, не шелохнулся. Инспектор начал прохаживаться по комнате большими, медленными шагами. Внезапно он остановился, постоял, затем подошел к столику и откинул белую тряпку.

— Вам это знакомо? — спросил он, склонившись над сидящим костюмером и заглядывая ему прямо в глаза.

— Знакомо ли мне?.. — Раффин взглянул на кинжал, и его губы задрожали. — Значит, это им убит... убит мистер Винси?

— Не задавайте мне вопросов, а отвечайте на мои, — спокойно сказал Паркер. — Так мы скорее закончим ваш допрос. Я спросил, знаком ли вам этот предмет.

— Да. Д-да. Это кинжал мистера Винси. Он всегда держал его в ящике гримерного стола... вон там, — несмелым жестом он указал на гримерный стол под большим зеркалом.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Когда?... Вчера, когда наводил порядок на столе. Я всегда после спектакля кладу в этот ящик коробку с гримом, и тогда я его увидел.

— Точно?

— Точно, сэр. Это ведь такой необычный предмет, и трудно его не заметить. На нем написано «Помни, что у тебя есть друг»... Боже мой! — Он снова зажмурился.

— Скажите, а мистер Винси никогда не говорил вам или кому-нибудь еще в вашем присутствии, откуда он у него?

— Нет, сэр... то есть, да, сэр. Один раз он сказал при мне мисс Фарадей, что получил его в подарок от своего приятеля со школьных лет. Он относился к этому кинжалу как к талисману, приносящему удачу... Наверно, он, бедняга, даже не мог предполагать, что....

— Наверно, не мог. Расскажите нам, Раффин, что вы делали вчера с той минуты, когда вошли в театр, и до той минуты, когда вышли из него.

— То, что всегда, сэр... То есть, не совсем то, что всегда, потому что все сложилось немного иначе. Я прихожу до появления актеров и проверяю, все ли вычищено и выглажено. В этом спектакле я обслуживаю мистера Винси и мистера Дарси, потому что оба они играют без перемены костюмов, а мистер Дарси вообще выходит на сцену лишь перед самым концом спектакля. Понимаете, у них одинаковые костюмы, очень простые, и с ними совсем немного работы. Обувь чистить не нужно, потому что оба они ходят в таких странных больших тапочках. Режиссер так придумал, что этот костюм должен быть наполовину военный, наполовину стариковский... — он пожал плечами. — Но публике это нравится, — добавил он с тихим удивлением. Затем, будто вспомнив, чего от него ждет инспектор, быстро добавил: — Так вот, значит, я пришел и сперва приготовил все тут, в гримерке мистера Винси, а потом пошел в гримерку мистера Дарси и тоже все приготовил. Затем я заглянул к Сьюзен Сноу — костюмерше мисс Фарадей. Мисс Фарадей уже была на месте, потому что, как известно, актрисы всегда приходят раньше актеров. Наверно, потому что у них больше работы с прической. Так что я не входил в гримерку, а поболтал со Сьюзен в коридоре и пошел в дежурку. Там я немного пообщался с Галлинсом — мы говорили о футбольном тотализаторе... Человеку хочется выиграть, но угадать очень трудно, сэр. Галлинс тоже очень хочет выиграть, потому что у него уже третий ребенок родился. Впрочем, у нас тут весь театр играет, а вчера как раз была пятница — последний день заполнения купонов... Ну вот, я и сидел там, ожидая прихода мистера Винси и мистера Дарси. Первым пришел мистер Винси, и я сразу пошел следом за ним в гримерку, чтобы помочь ему одеться. Потом он велел мне пойти к Галлинсу и предупредить его, что ждет одну даму, которая придет или в антракте, или после спектакля. В связи с этим он сказал, что я ему уже не понадобится и чтобы больше не входил в его гримерку. Я спросил только, надо ли мне прийти за маской. Дело в том, что эти маски следует после каждого спектакля промывать спиртом. Актер потеет под такой нейлоновой маской, и надо ее сразу после спектакля промыть, потому что иначе пот засохнет

и маска станет шершавой... Но мистер Винси сказал... — он умолк, видя, что инспектор не смотрит на него.

Паркер повернулся к Алексу, который, улыбаясь, стоял возле двери, не меняя прежней позы. Инспектор покивал головой, как бы сожалея о своей недостаточной наблюдательности.

— Это тот вопрос, на который ты искал ответ? — спросил он вполголоса.

Алекс молча кивнул, не переставая улыбаться. Паркер обратил взгляд к Раффину.

— Продолжайте.

— Так вот. Я спросил у мистера Винси, надо ли мне прийти после спектакля и промыть маску, но мистер Винси сказал, что он сам ее промоет и чтобы я не вздумал тут у него появляться. Ну, я закончил одевание мистера Винси, и когда тот пошел на сцену, отправился к мистеру Дарси, который как раз пришел. С мистером Дарси у меня тоже обычно немного работы, потому что он надевает и снимает костюм сам. Он, знаете, стыдливый, как женщина... Никогда не позволяет мне при этом присутствовать. Так что я только почистил его щеткой. Ну, и сказал, что буду сегодня все время у него, потому что мистер Винси хочет остаться один, ожидая гостя. Но он сказал, что ему я тоже не буду нужен, тогда я положил шляпу на столик, потому что мистер Дарси выступает в такой большой черной шляпе в роли Рассказчика, который ничего не рассказывает, и снова вышел. Спектакль уже начался. Я пошел к Сьюзен, и мы немного поговорили о том скандале, что недавно случился, когда мистер Винси ссорился с мисс Фарадей и когда этот молодой помреж хотел его огреть топориком... А ведь он мог его и убить тогда... Ну что ж, как говорится: что отложено — то не убежит.

— И что вы делали потом?

— Потом я пошел к Галлинсу в дежурку. Я сидел там до антракта и весь антракт, потому что мистер Винси запретил мне показываться ему на глаза, а мистер Дарси еще не шел на сцену.

— Приходил ли кто-нибудь в театр во время антракта?

— Никто, сэр, только цветочник принес цветы для мистера Винси, так я ему показал, где гримерка мистера Винси, и снова вернулся в дежурку. Мы болтали с Галлинсом о том о сем, пока, наконец, не пришла сестра жены Галлинса, которая приехала к нему из Манчестера, чтобы заменить на эти несколько дней его жену по уходу за детьми. Ну, тогда я убрался оттуда, подумав: может, родственники хотят поговорить наедине — давно не виделись... Я пошел в гримерку мистера Дарси, но его уже там не было. Он любит из-за кулисы смотреть спектакль и потому раньше уходит на сцену. Я заглянул к Сьюзен Сноу, которая вся тряслась, потому что мистер Винси снова не выдержал, и когда мисс Фарадей нечаянно испачкала помадой его костюм, он прямо во время спектакля на сцене шикнул на нее, ну, типа того, мол: что она вытворяет или что-то в этом роде... А мисс Фарадей в последнее время не много надо, потому что она все время на нервах, ну, и тут она вернулась в гримерку вся в слезах. Ее привел мистер Дарси, потому что она еле держалась на ногах, а потом вместе со Сьюзен успокаивал ее и вроде очень ругал мистера Винси. Сьюзен мне как раз про это рассказывала: как она весь антракт успокаивала мисс Фарадей, а потом должна была еще проводить ее до самой сцены. Ну а потом был уже конец спектакля, и мистер Винси не вышел на сцену, чтобы кланяться публике. Всех это очень возмутило, но открыто никто ничего не говорил, потому что, в конце концов, это ведь его дело, правда... Ну вот, я стоял со Сьюзен возле ее гримерки, а когда мистер Дарси вместе с мисс Фарадей пришли со сцены, я подождал в коридоре,

пока он меня позовет, и сложил его костюм, а потом почистил его пиджак и помог ему надеть плащ. Мистер Дарси в этом спектакле разгримировывается немного дольше, чем мисс Фарадей, потому что он выступает без маски и его лицо густо покрыто гримом. Когда он закончил, я тоже был готов. Он умылся и постучал в гримерку мисс Фарадей. Мисс Фарадей была уже одета, и они вместе вышли, а я еще на минутку задержался в коридоре, где был муж Сьюзен, Малькольм Сноу, который работает у нас на занавесе. С ним вместе был еще Джон Найт, суфлер. Потом мы все вчетвером прямо из театра пошли в ночной пункт тотализатора, потому что Сьюзен свято верит, что, в конце концов, счастье ей улыбнется, и сама играет отдельно, а муж отдельно...

— Из вашего рассказа следует, что ни во время спектакля, ни в антракте вы ни на минуту не оставались один...

Раффин задумался.

— Да, сэр. Ни на минуту. Так вышло.

— Хорошо. А теперь дайте мне маску мистера Винси.

— Сию минуту, сэр, — Раффин встал и подошел к шкафу. Он открыл его и не глядя сунул в него руку. Минуту искал, потом заглянул внутрь.

— Наверно, мистер Винси положил ее куда-то в другое место. — Он огляделся, подошел к столику, открыл ящик, потом беспомощно постоял и склонился.

— Ни под шкафом, ни под кушеткой ее нет, — сказал Алекс.

— Так где же она? — спросил Раффин.

Паркер уже открыл было рот, но к его огромному удивлению Алекс перебил:

— Это не имеет значения.

Инспектор посмотрел на своего друга, и тот подал ему едва заметный знак.

— Вы пока свободны, — сказал Паркер Раффину. — Можете идти домой. И помните, что до завтрашнего утра вам нельзя никому рассказывать о том, что здесь произошло. Вы меня поняли?

— Да, сэр. Конечно, сэр. Спокойной ночи, джентльмены.

Раффин бочком отступил к двери и исчез. Как только дверь за ним закрылась, Паркер повернулся на пятках и посмотрел на Алекса.

— Послушай, Джо! Я был лоялен к тебе сейчас. Да, я не подумал о том, что маски здесь нет. А ты заметил сразу. Но ведь это что-то должно означать? Где она? Почему ты не хотел, чтобы я допрашивал его дальше? В конце концов, маска может оказаться очень важной для расследования. Если Винси был в маске, входя сюда, а позже никого тут не было, кроме убийцы, значит, ее мог унести убийца. Но зачем? И почему ты хотел, чтобы я прервал допрос Раффина? Я доверяю тебе, Джо, потому что ты еще никогда ни в чем не подвел меня. Но не забывай, что я чиновник, который несет ответственность за ход расследования. В данном случае я еще мало знаю, это факт. Но создается впечатление, будто у тебя что-то есть в записнике. И мне хочется тебе верить. В конечном итоге важно лишь одно: найти убийцу и отдать его в руки правосудия. У меня нет никаких личных амбиций, если говорить о нашем сотрудничестве, но...

— Но, в конце концов, я лишь скромный наблюдатель, ищущий сюжеты для своих книг. А убийцу арестуешь именно ты. Ты — знаменитость в своей профессии, и отнюдь не мне ты этим обязан. Это наша общая игра, Бен. Но знаем об этом только мы с тобой. На этот раз, как мне кажется, я увидел истину чуть раньше тебя. Позволь, я оставлю свои выводы при себе еще на час-два. В конце концов, возможно, ты еще сам сможешь их сделать, а кроме того, я могу ведь и ошибаться. Я все время дрожу от опасения, что

ошибаюсь. Правда кажется слишком фантастичной, чтобы оказаться правдой. Но в то же время...

— В то же время?

— В то же время я непрерывно вижу две версии: «А» и «Б». Эта маска подходит для версии «А», но версия «Б» тоже имеет несколько аргументов, которые нельзя объяснить с помощью версии «А». В общем, в настоящую минуту я знаю, кто убийца «А», но не имею понятия, кто убийца «Б». Очень редко случается, чтобы следы вели в противоположные стороны, как сейчас.

— А миссис Додд по-прежнему ни «А», ни «Б»?

— Ни «А», ни «Б», — вздохнул Алекс. Но если честно, я бы не удивился, если б в результате оказалось, что это все же она его убила. Есть в этом деле что-то зловещее, от чего перехватывает дыхание. Иногда я чувствую, что факты начинают путаться в моей голове...

Паркер нетерпеливо барабанил пальцами по поверхности столика.

— Ну ладно. Не говори мне об этих своих фактах, если не хочешь.

В конце концов, ты не знаешь больше меня, потому что не расставался со мной все это время. Хочу верить, что на тебя снизошла небесная благодать и помогла открыть путь в этом лабиринте. Но мне надо ехать к миссис Додд.

— Обязательно! — решительно сказал Алекс. — Думаю, это будет очень важно для дела.

— Если окажется, что она убила этого парня, а пока здравый смысл указывает на нее и только на нее, хотя ты и видишь у нее какое-то неизвестное мне алиби, то тебе придется поставить мне бутылку хорошего вина. Сегодняшняя ночь в твоём обществе стоит мне очень много нервов. — Паркер умолк, а потом как бы нехотя спросил: — Так что все-таки с этой маской?

— Я знаю, где она, — сказал Джо. — Разумеется, ее забрал убийца «А». Убийца «Б» она была бы совершенно не нужна.

— И ты знаешь, где она?

— Ну, то есть, я не был в том месте, где она находится, но могу дать голову на отсечение, что найду ее в любую минуту, как только захочу. А если не найду ее, ты можешь назвать меня ослом, и кроме того, приказать мне отправляться домой и выспаться.

— Может, мне надо уже сейчас сделать это? — Паркер почесал затылок. — Знаю, что наверняка у тебя что-то припрятано в рукаве, но этот твой лепет мешает мне думать... Ты готов прямо сейчас отвести меня туда, где лежит эта маска?

— Зачем? Пусть себе и дальше лежит. Пока что я хочу, чтобы мы поехали в то место, куда тебя уже полчаса тянет чувство долга: к миссис Анджеле Додд.

— Ну, наконец какие-то разумные слова! — сказал Паркер и направился к двери.

*Перевод с польского Роберта СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО
при участии Владимира КУКУНИ
по эксклюзивному праву, предоставленному автором.*

Окончание следует.

НЭМАН

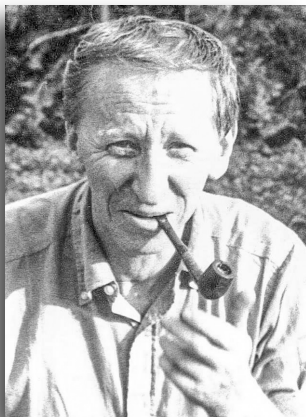
8/2017
АВГУСТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей ТЕЛЕВНОЙ. Я — не заморыш! <i>Повесть. Окончание</i>	3
Владимир ЛИПСКИЙ. Чем может стать один день... <i>Стихи.</i>	
Перевод с белорусского Г. Авласенко	51
Валерия ПОЗДЕЕВА. Он так хочет услышать шаги. <i>Рассказ</i>	55
Изяслав КОТЛЯРОВ. Нигдея. <i>Отрывок из поэмы.</i>	59
Георгий МАРЧУК. Время и место. <i>Дневниковые записи разных лет</i>	64
Валентин СЕМЕНЯКА. Теперь моя молитва о тебе. <i>Стихи</i>	81
Соприкосновение	
Григорий ТРЕСТМАН. Место рождения — Слово. <i>Стихи.</i>	
Вступительная статья Н. Микулича	83
«Всемирная литература» в «Нёмане»	
Джо АЛЕКС. Смерть промолвит вместо меня. <i>Роман. Продолжение.</i>	
Перевод с польского Р. Святополк-Мирского при участии В. Кукуни	92
Культурный мир	
Зоя ЛЫСЕНКО. Балетное лето под сенью сонетов	116
Вне времени	
<i>К 500-летию белорусского книгопечатания</i>	
Илья ЛЕМЕШКИН. Франциск Скорина и Прага 1541 г.	128
Время. Жизнь. Литература	
<i>К 100-летию Янки Брыля</i>	
Любовь ТУРБИНА. Творчество Янки Брыля в контексте мировой литературы	150
<i>К 100-летию Пимена Панченко</i>	
Владимир ГНИЛОМЕДОВ, Николай МИКУЛИЧ. «Болем працяты ўсе мае строфы...»	
Перевод с белорусского Н. Казаполянскай	163
Литературное обозрение	
<i>С точки зрения рецензента</i>	
Тарас ЧЕРНИК. Здесь полоцкий дух	184
Напоследок	
Личность	
Анатолий РЕЗАНОВИЧ. В пути	187
Авторы номера	192

Джо АЛЕКС

***Смерть промолвит
вместо меня****

Роман

IX. Кинжал

Комната, в которой они сидели в ожидании миссис Анджелы Додд, была небольшой, но обставленной с великолепным вкусом. Когда за испуганной заспанной горничной закрылась дверь, Паркер взглянул на часы.

— Два часа ночи. Скверное время для визитов к ни в чем не повинным людям. Уж хотя бы поэтому миссис Додд должна оказаться убийцей.

— Чтобы позволить полиции соблюсти правила приличия? Да, это очень веский аргумент.

— Опасаюсь, что будет и несколько других, — сказал Паркер тихо. — А теперь она еще, наверно, одеваться будет полчаса...

Не успел он закончить, как дверь открылась и вошла миссис Додд. Она была одета в скромное, темное платье, на ногах у нее были чулки и туфли на высоком каблуке, а прическа свидетельствовала о том, что она еще не ложилась. Алекс отметил это не без удивления. Мужчины встали.

— Чем могу быть вам полезной, джентльмены? — спросила она, бросив еще раз взгляд на визитку инспектора, которую держала в пальцах. Потом быстро подняла голову. — Садитесь, джентльмены, прошу вас. — Несмотря на то, что она очень хорошо владела собой, опытные глаза обоих мужчин отметили в ее поведении легкую тень напряжения.

Она села первой и грациозным движением маленькой, тонкой руки указала им на кресла.

Паркер тяжело сел и некоторое время молчал, разглядывая поверхность столика, на котором стояли две маленькие глиняные пепельницы.

— Дело обстоит таким образом, — неожиданно сказал он, поднимая на нее взгляд, — что целый ряд обстоятельств указывают... — он снова замолчал, затем вздохнул и продолжил: — Хочу быть с вами откровенным. Несколько часов назад в своей гримерной был убит актер Стивен Винси. Есть улики, указывающие на то, что лицо, которое могло совершить это убийство, находится в этом доме. Я хотел бы, чтоб вы без обиняков сообщили все, что можете сообщить по этому поводу.

Анджела Додд смотрела на него не мигая. Алексу только показалось, что когда Паркер произнес фамилию Винси, она сделала глубокий вдох.

— Это все, что вы имеете мне сказать? — спросила она.

— Нет. Не все. Женщина, чье описание и одежда соответствуют вашим, посетила Винси в его гримерной примерно в то же время, когда было совершено убийство. Эту женщину хорошо запомнил дежурный портье, который уверен, что

* Продолжение. Начало в № 7 за 2017 г.

сможет опознать ее на очной ставке. Кроме того, нам известно, что в тот вечер вы были на спектакле «Стулья», а потом попрощались с дочерью и ее женихом, сообщив им, что у вас есть какое-то дело по соседству. Не можете ли вы сказать нам, что это было за дело?

— Могу, — Анджела кивнула головой. — Я должна была уладить один вопрос в театре.

— Какой вопрос?

— Мне надо было попасть в гримерку Стивена Винси, потому что я хотела убить его.

После этих спокойно сказанных слов наступило напряженное молчание, которое прервал Алекс.

— И вы его убили? — спросил он.

— Да. Конечно. Ведь я за этим туда пошла. Я давно ждала этой минуты.

Паркер поднял голову, и Алекс уловил его быстрый взгляд с искрой триумфа.

— Итак, вы признаетесь в убийстве мистера Стивена Винси вчера вечером в его гримерной комнате на территории театра «Чембер»? — Тон инспектора приобрел официальное звучание.

— Мне нечего больше добавить к тому, что вы уже услышали.

Анджела Додд поднялась с места, как бы давая понять, что даму можно осудить на смерть, но нельзя расспрашивать вопреки ее воле.

— Минуточку, — сказал Алекс. — И вы убили его кинжалом?

— Да. Кинжалом с позолоченной рукояткой, на которой была надпись «Помни, что у тебя есть друг».

— А почему вы это сделали?

— Боюсь, что этого вы никогда не узнаете, джентльмены.

— Напротив, — Алекс стоял прямо перед ней и спокойно смотрел женщине в глаза. — Я уже знаю почему. Стивен Винси шантажировал вас и потребовал, чтобы вы пришли в театр на спектакль «Стулья» для заключения некой сделки. Вы согласились встретиться с ним в антракте или после спектакля, чтобы вручить ему драгоценности и деньги, которые он вымогал, угрожая в противном случае серьезно навредить вашей дочери. Именно поэтому вы взяли такую большую сумочку. В этих маленьких театральные сумочках ничего не помещается, кроме бинокля и платочка. Ведь так?

Анджела Додд с изумлением смотрела на него широко открытыми глазами. Но не ответила.

— Это, впрочем, было ясно с самого начала расследования. — Алекс легонько щелкнул пальцами. — Меня другое интересует: когда вы успели прочесть надпись на кинжале?

— Я читала ее тысячу раз... — К миссис Додд вернулось спокойствие. — Я по памяти прекрасно знаю этот кинжал.

— Вы вынули его из ящика?

Она снова посмотрела на Алекса с удивлением, но тут же утвердительно кивнула:

— Да. Из ящика письменного стола моего мужа.

— Что? — переспросил Паркер, но Джо поднял руку, жестом прося тишины.

— Вы не могли бы указать нам место, откуда вы взяли кинжал?

— Да, разумеется. Муж держал его там вместе со всякими ненужными мелочами, которые есть у каждого мужчины. Он лежал здесь, в этом столе.

— Где именно?

Миссис Додд небрежно пожала плечами, затем подошла к письменному столу и открыла средний ящик.

— Он лежал здесь, на самом верху... — Она протянула руку, а потом машинально посмотрела туда.

Несколько мгновений она стояла, словно окаменев. Потом пошатнулась. Паркер подбежал и поддержал ее.

— Она, кажется, потеряла сознание, — сказал инспектор и заглянул в ящик. Теперь и он окаменел.

Алекс подошел и понимающе покивал головой.

На дне ящика лежал кинжал. Точно такой же, как тот, который кто-то вонзил в грудь актера Стивена Винси.

Х. Родители Анны Додд

Алекс посмотрел по сторонам, взял со стола графин, налил воды в стакан и поднес его к губам миссис Додд как раз в ту минуту, когда она открыла глаза. Она освободилась от поддерживающей ее руки Паркера и нетвердым шагом подошла к стулу. Потом села и спрятала лицо в ладонях. Плечи ее задрожали, и она тихо расплакалась.

Паркер взглянул на Алекса над головой плачущей женщины. В его глазах было столько беспомощности и такое огромное изумление, что Джо едва заметно улыбнулся. Он подошел к открытому ящику и вынул оттуда кинжал. Паркер тоже подошел.

— Точно такой же, — прошептал он.

Внезапно они оба повернулись. В распахнутых дверях стоял седой, невысокий, худощавый мужчина в пижаме и наброшенном на нее халате.

— Что здесь происходит? — спокойно спросил он. — Вы взломщики, джентльмены?

— Наоборот. — Паркер подошел к нему. — Я — инспектор Скотленд-Ярда, а этот джентльмен — мой сотрудник. Мы прибыли к вам в связи с убийством актера Стивена Винси.

— Что? — переспросил мужчина в халате. — Стивен убит? — Он оперся рукой на косяк двери.

На какое-то мгновение Алексу показалось, что мужчина сейчас потеряет сознание, как перед этим его жена. Но сэр Томас Додд взял себя в руки. Выпрямившись, он вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Лишь теперь, когда он оказался в круге света, оба гостя увидели, как сильно он бледен. Кроме того, мужчина, должно быть, действительно был очень болен, потому что кожа его приобрела землистый оттенок, а глаза горели горячечным блеском.

Анджела Додд подняла голову, быстро вытерла слезы и встала.

— Почему ты поднялся с постели, Том? Ты ведь знаешь, что тебе нельзя вставать! — Она сорвалась с места, подбежала к нему и, взяв под руку, подвела к стулу.

Но сэр Томас высвободился, сел сам и при этом улыбнулся жене.

— Ты прекрасно знаешь, что это уже не имеет никакого значения, — сказал он. Потом взглянул на Алекса, который держал в руках кинжал. — А зачем вы это вынули из моего ящика?

— Я прошу прощения, — Паркер заколебался. — Мне очень жаль, что я и дальше должен выступать здесь в своей официальной роли, но, к сожалению, преступление было совершено, и мы должны узнать правду. Минуту назад ваша супруга призналась в убийстве Стивена Винси...

— Это абсурд! — перебил сэр Томас и повелительным жестом призвал к молчанию. — Ты действительно сказала что-то подобное, дорогая? Если этот человек жлет, я немедленно свяжусь с министром внутренних дел и...

— Этот джентльмен говорит правду.

— Что такое? — лицо известного археолога стало еще бледнее. — То есть, как, почему?

— Потому... Потому что...

— То есть, вы отказываетесь от того, что сказали прежде? — спросил Паркер.

— Да. Отказываюсь. — Она вытерла платочком следы слез. Казалось, сейчас она снова взяла себя в руки.

— Ну хорошо... — Паркер вынул платок и вытер пот со лба. — Мне очень жаль, сэр. Я знаю, что вы недавно перенесли операцию и что состояние вашего здоровья оставляет желать лучшего. Я не хотел бы сейчас, посреди ночи, продолжать эту ужасную сцену, но есть масса вопросов, на которые вы, мадам, должны нам ответить. Из всего вами рассказанного неопровержимо следует, что вы находились на месте преступления. Вы сказали нам даже, каким орудием был убит Винси. Потом хотели указать нам место, откуда взяли это орудие, и действительно показали мне идентичный кинжал. И тут же потеряли сознание. Я хочу, что бы вы, сэр, и вы, мадам, отдали себе отчет в том, что я должен услышать всю правду, в противном случае я с большим сожалением вынужден буду арестовать миссис Додд по подозрению в совершении убийства, а завтра вся британская пресса объявит об этом, публикуя на первых страницах газет ваши огромные снимки, мадам, и вываливает в грязи всю вашу семью. Так что, если вы не убивали Стивена Винси и у вас есть шансы доказать это, прошу вас говорить. Простите сказать мне также, каким чудом в собственности вашей семьи оказался точно такой же кинжал, как тот, которым был убит Винси? Причем тот кинжал был его собственностью много лет. Простите сказать мне, что находилось в битком набитой сумочке, которую вы принесли в гримерную Винси, и почему вообще вы оказались в его гримерной, скрыв этот факт от дочери и будущего зятя. Я хочу знать всю правду, и мой долг — добиться ее любой ценой. Только зная всю правду, я найду убийцу. Итак — хотите ли вы, мадам, сказать нам эту правду, или предпочитаете, чтобы она все равно выплыла на поверхность, но несколько позже и с огромным скандалом, потому что убийство такого актера, как Винси, отзовется громким эхом и станет желанной и огромной сенсацией для газет.

— Быть может, я вам отвечу, — тихо произнес сэр Томас Додд.

— Том! — воскликнула его жена. — Эти люди не имеют права. Никто не может...

— Боюсь, моя дорогая, что в конце концов они и так доберутся до правды, — ее муж развел руками. — Есть документы, факты, даты... Если полиция начинает искать, она рано или поздно все найдет... А ты ведь не хочешь быть сейчас обвиненной в убийстве? — Он указал на кинжал в руках Алекса и, улыбаясь жене, ласково прошептал: — Моя бедная, глупенькая деточка... А ведь достаточно было лишь спросить меня...

— Должен ли я понимать ваши слова как желание дать показания? — Паркер встал и открыл свой блокнот.

— Показания? — сэр Томас Додд ласково посмотрел на него и улыбнулся чуть снисходительно. — Два месяца назад меня прооперировали по поводу рака. И якобы после этой операции я должен был получить по крайней мере с полгода спокойствия. Но пару дней назад боли снова начались...

— Том! Почему ты мне об этом не сказал?! — В глазах миссис Додд Паркер и Алекс увидели искренний немой ужас. Она сжала губы. — Это ничего, — сказала она мягко. — Это, наверно, еще последствия той операции. Так бывает, что боли сначала появляются, но потом они исчезнут...

— Нет, моя дорогая. Когда вы поехали в театр, я позвонил Джорджу Амстронгу и спросил его, может ли он меня принять. — Он взглянул на Паркера. — Амстронг — это наш крупнейший специалист в области онкологии. Это он сделал мне операцию. — Паркер молча кивнул. — Но мы отклонились от темы, — сказал сэр Томас. — Вы спросили меня, хочу ли я дать показания. В десять часов мой друг, доктор Амстронг, сказал мне, что я... выздоровею. Но когда я потребовал правду, говоря, что каждый человек должен иметь шанс подготовиться к последнему путешествию, а кроме того, объяснил ему, что мои личные и профессиональные дела требуют от меня полного осознания положения, он несколько изменил свое мнение, и хотя не сказал мне этого прямо, но дал понять, что при таком диагнозе человек всегда и ко всему должен быть готов. Впрочем, мне уже хорошо знакома эта боль, и никто меня не обманет... — Миссис Додд закрыла глаза. Он погладил ее по волосам и выпрямился. — Видишь ли, моя дорогая, сейчас у меня, быть может, несколько иное отношение к жизни, чем было прежде. Я знаю, почему ты призналась в своей вине. Ты вошла в его гримерку и, увидев этот кинжал, решила, что это я его убил. Поэтому и призналась, когда эти джентльмены сюда пришли... Моя глупенькая храбрая малышка... Твоя жертвенность была совершенно не нужной...

— Так было? — спросил Паркер.

Миссис Додд молча кивнула головой в знак согласия.

— А могу я спросить, почему ваша супруга немедленно поверила, что это именно вы его убили? Среди множества вопросов, на которые вы мне еще не ответили, этот тоже очень меня интересует.

— Я думаю, что невозможно ответить на каждый из ваших вопросов отдельно, — сказал сэр Томас усталым голосом. — Либо вы должны узнать всю правду, либо — ничего... Но, полагаю, в такой ситуации правду утаить не удастся... — Он взглянул на жену. — Я хотел бы лишь добавить, что в этом деле замешана честь двух женщин и одного мужчины, а кроме того, счастье моей семьи и ее будущее. Можете ли вы мне сказать, какие гарантии сохранения тайны я получу, если соглашусь сообщить вам то, о чем не знал никто, кроме Стивена Винси?

— Я был офицером Военно-воздушного флота Ее Королевского Величества и являюсь офицером полицейских сил нашего королевства, — сказал Паркер. — Мой сотрудник, присутствующий здесь, был также во время войны офицером авиации и является кавалером нескольких высших военных орденов, но прежде всего, английским джентльменом. Несмотря на это, я не могу обещать вам ничего, кроме того, что никто никогда не узнает ни одного слова из всего, что будет здесь произнесено, при условии, что миссис Додд невиновна. В противном же случае я должен буду выполнить обязательную юридическую формальность и сказать: «Миссис Додд, вы подозреваетесь в убийстве мистера Стивена Винси, и я от имени закона предупреждаю вас, что с этой минуты каждое произнесенное вами слово может быть использовано против вас. Обращаю также ваше внимание, что вы имеете право не давать никаких показаний, прежде чем не поговорите со своим адвокатом». — Паркер развел руками. — Извините, но я действую от имени закона и в этой ситуации не могу больше ничего добавить.

— Этого достаточно, — кивнул головой сэр Томас. — Я должен довериться вам и рад, что вы ответили мне именно такими словами. Это было

честно. — Он посмотрел на жену. — Может, ты предпочла бы отдохнуть у себя, дорогая?

Паркер удивленно вскинул брови, но миссис Додд опередила его.

— Нет. Я останусь. Если уж нам приходится пройти через такое, сделаем это вместе.

— Хорошо, — сэр Томас склонил голову. — Чтобы вы могли понять, что случилось сегодня вечером, мы должны вернуться на двадцать с лишним лет назад. Я был одноклассником Стивена Винси... — Он задумался. — Я был не только его одноклассником, я был его другом. Мы тогда были неразлучны. Нас связывала общая любовь к театру. Мы ходили вместе на все спектакли, вдвоем основали драматический кружок в школе и были в нем ведущими актерами. Может, вам это покажется смешным, джентльмены, но многие утверждали, что я обладаю большим актерским талантом. Окончив школу, я, однако, поехал учиться в Оксфорд, потому что мой отец, который был археологом, даже слышать не хотел о том, чтобы я выступал на сцене. Впрочем, археология тоже привлекала меня с детства. Наш дом жил жизнью древних веков, и в нем было полно черепков, статуэток и разных тому подобных старинных вещей. Отец научил меня понимать и любить их. А Винси тем временем делал попытки получить ангажемент в каком-нибудь театре. И вот когда мы в те годы расставались, то заказали эти два кинжала. Это, наверно, очень по-юношески, но кинжалы должны были означать, что в будущей жизни один из нас всегда может рассчитывать на дружбу другого. Стивену удалось устроиться в какой-то провинциальный театр, а позже, когда я уже окончил Оксфорд, он оказался в Лондоне, но все шло у него как-то не очень... В те времена он часто бывал у меня. После смерти отца я унаследовал этот дом и небольшую сумму наличными. Стивен жил у меня некоторое время и питался «когда не хватало денег», а не хватало их ему постоянно, ну, в общем, я старался поддерживать друга, как только мог. И так тянулось до тех пор, пока я не познакомился с Анджелой Кроуфорд, девушкой, в которую влюбился и на которой собирался жениться, — она тоже меня любила. Вот тогда-то и произошло то, что бросило тень на всю нашу жизнь, тень, которая в эту минуту снова ложится на эту комнату. Конечно, я их познакомил, веря, что мой единственный друг и моя единственная девушка тоже подружатся. Так и случилось. Случилось даже большее. В один отнюдь не прекрасный день я получил от Анджелы короткое письмо, содержание которого было для меня как удар грома посреди ясного неба. Она ушла от меня к Стивену. Я вынес это, потому что должен был вынести. Стивен выселился из моего дома еще раньше, и я его больше не искал. Впрочем, скоро его имя стало более известным. Прошло полгода, потом еще год. Однажды я оказался на юге Британии. Мы вели там раскопки какого-то кургана друидов, невдалеке от маленького городка, в котором жили члены экспедиции. И там я встретил Анджелу. Мы встретились на улице, и она хотела пройти мимо. Я остановил ее. Я еще ничего не знал. Спросил о Стивене... И тогда узнал правду. Анджела вместе с ребенком, маленькой двухмесячной девочкой, жила теперь у старой тетки, которой сказала, что она вдова и ее муж погиб в автомобильной аварии. Я пошел туда. Мы стояли над колыбелью этого ребенка и смотрели друг на друга. Я по-прежнему любил ее. Думаю, что и она любила меня даже тогда. Но мы смотрели друг на друга, как жертвы урагана, который разрушил их дом и унес с собой все надежды. А между нами лежала эта малютка — спящий ребенок. Ребенок ее и Стивена Винси. Конечно, он на ней не женился. Он бросил их обеих и даже не поинтересовался, что стало с ней и с его крошкой-дочерью. В то время его карьера стремительно росла. Зачем же ему было обременять себя семьей?.. Спустя

некоторое время мы с Анджелой поженились. Я как раз тогда отправлялся с экспедицией в Египет, где провел два года. Анджела и малышка поплыли на другом пароходе. Мы обвенчались в Каире, почти тайно. Позже я устроил так, что Анна получила свидетельство о рождении на полтора года позже. В конце концов, трудно определить точно: девочке три года или четыре с половиной. Египет помог. Никто ничего не заподозрил. Впрочем, я тогда был всего лишь молодым, никому не известным научным сотрудником, и никто не интересовался моей жизнью. Я много путешествовал по всему миру, и ни у кого не было причин предположить, что Анна — не мой ребенок. Шли годы, пробежало их почти двадцать, и как раз сейчас, когда кузен моего отца скончался, оставив такое огромное состояние, Винси отозвался. Он знал правду, хотя никогда ею не интересовался. Однажды он встретил Анджелу на улице и с веселой улыбкой спросил, как у нее дела. Быть может, она плохо сделала, что сказала ему всю правду и отнеслась к нему как к жалкому ничтожеству, которым он, по сути, и был. Винси пытался ей что-то объяснить, но она повернулась и ушла. Думаю, что это его обрадовало. Со времени этой встречи прошло более десяти лет. На прошлой неделе он вдруг позвонил Анджеле, требуя свидания. Когда она отказалась, он стал угрожать, что все обнародует. Анна, конечно, не имеет понятия, что она... что ее с Винси связывают узы родства. Я — ее отец, и Господь мне свидетель, что я заслужил это звание больше, чем тысячи других людей... Анджела рассказала мне о телефонном разговоре с Винси. Мы начали думать, что нам делать. Запоздалые отцовские чувства у Винси явно были вызваны публикациями СМИ о наследстве Анны. Винси оказался в очень благоприятной для себя ситуации. Во-первых, он мог предать все огласке, принеся нашей семье огромное несчастье, потому что, я думаю, для нашей девочки это был бы огромный стресс, тем более если бы она узнала, что ее биологический отец оказался таким негодяем. Во-вторых, ее двоюродный дед, умирая, написал в завещании, что наследовать ему могут лишь кровные родственники. В качестве моей дочери Анна является его кровной родственницей, в качестве дочери Винси — конечно, нет. Это была очень мрачная ирония: теперь, когда судьба столь неожиданно и щедро улыбнулась девушке, откуда ни возьмись появляется страшный призрак, который стоял когда-то у ее колыбели, а сейчас угрожает уничтожить всю ее жизнь. Впрочем, Анна очень любит молодого Крессвела, который тоже, как мне кажется, влюблен в нее. К счастью, он точно так же себя вел еще до того, как Анна получила наследство. Если бы Винси обнародовал всю историю, опасаясь, что Крессвел мог бы поехать к нему и дать ему пощечину, но оказался бы в очень трудной ситуации по отношению к своей консервативной семье. Он — сын лорда, а Анна внезапно стала бы внебрачным ребенком актера... Все это было ужасно. Винси звонил регулярно, два раза в день. Наконец мы решили уступить. В конце концов, что такое деньги по сравнению с несчастьем, которое могло бы случиться. А кроме того, я тяжело болен, и мысль о том, что Анна может когда-нибудь остаться почти без денег, в такой унижительной ситуации и с таким печальным опытом в самом начале подающей большие надежды молодости, — была для нас невыносимой. Три дня назад Анне были переданы унаследованные ею драгоценности на сумму миллион фунтов — прекрасная коллекция бриллиантов. Это, конечно, только маленькая часть всего состояния, но я подумал, что Винси удовлетворит столь крупная сумма. Анджела встретила с ним в кафе. Он цинично заявил, что не видит ни малейшего повода, чтобы его дочь, незаконно ставшая обладательницей такого богатства, не могла бы поделиться его частью со своим стареющим отцом. Анджела сказала ему, что восемьдесят процентов наследства вложено в рудники и недвижи-

мость, а наличных денег немного. Винси заявил, что хочет миллион, который откроет ему путь к подлинной славе, потому что в этом мире без денег никакой талант не может подняться так высоко, чтобы преодолеть барьер мнений тупых театральных критиков. Если он получит миллион, то готов никогда не напоминать Анне о своих правах на отцовство. Анджела согласилась, но сказала, что это займет какое-то время. В ответ Винси вытащил из кармана газету и сказал, что согласен подождать получения наличных денег несколько недель, но при условии, что в залог получит упомянутые драгоценности. Никто их у него не украдет, потому что никто даже предположить не сможет, что у него хранится нечто такое... Драгоценности Анна положила в банковскую ячейку на мое имя. Я взял их оттуда. Сегодня Анджела должна была для видимости пойти в театр на спектакль вместе с Анной и Чарльзом, а потом отнести Винси сумочку с драгоценностями. Он хотел, чтобы передача произошла в его театральной гримерной. Может, ценность этой сумочки его слегка ошеломила, а может, он боялся какого-нибудь подвоха со стороны Анджелы. Во всяком случае, он заупрямился, и ей пришлось согласиться... Вчера вечером она поехала с молодыми людьми в театр, а после спектакля велела им возвращаться домой, под предлогом того, что у нее есть еще какое-то дело в этом районе, а сама направилась в гримерную Винси... Остального я не знаю. Когда в одиннадцать я вернулся домой, она уже была у себя и сказала мне лишь: «У меня болит голова. Я тебе завтра все расскажу»... — Он обратился к жене, которая на протяжении всего его рассказа сидела совершенно неподвижно с бледным окаменевшим лицом. — Остальное известно тебе, дорогая...

— Я могу добавить немного, — Анджела глубоко вздохнула. — Я все время чувствовала себя не в своей тарелке... Кроме того... Кроме того, этот спектакль расстроил меня. Все мое прошлое... все то, что когда-то произошло, все это всплыло перед моими глазами, когда он играл Старика. Я расплакалась. Потом это прошло. Во втором акте я уже не ощущала с ним такого контакта. Он был рациональнее, и это мне помогло. Я крепко сжимала в руках эту сумочку, смешную в сочетании с моим вечерним платьем, набитую драгоценностями в футлярах, обернутых полотном. Но я была к ним совершенно равнодушна. Я хотела как можно скорее оставить все это в прошлом и оказаться дома... А кроме того... кроме того, я по-прежнему боялась. Я не верила ему. Я не верила, что он на этом остановится... Я боялась, что рано или поздно он напьется и проболтается кому-нибудь или просто начнет рассказывать всем, что Анна Додд — это его дочь. Внутри себя я так и слышала его говорящим: «Анна Додд? Ну конечно — это же моя доченька... Она мне отвалила миллиончик по поводу своей удачки!» Он любил уменьшительные формы слов... — Она спрятала лицо в ладонях, но тут же взяла себя в руки. — А потом я вошла в гримерку и увидела Винси лежащим на кушетке. Это было удивительно, потому что дверь его гримерной была заперта на ключ снаружи, и мне пришлось повернуть его в замке, чтобы войти: не ждать же в коридоре, где меня мог встретить кто-нибудь, кто, возможно, меня знает. Он не шевельнулся, когда я вошла. Но я еще ничего не поняла. Я закрыла за собой дверь и подошла. Только тогда увидела, что в его грудь вонзен кинжал с позолоченной рукояткой...

XI. Точно установленное время убийства

— ...Точно такой же, какой вы сотни раз видели у себя дома, — неожиданно вмешался Алекс. — Вы не знали, что слегка экзальтированные молодые люди, много лет назад заказали два одинаковых кинжала и велели

выгравировать на них слова, напоминающие об их дружбе. Эти кинжалы пережили их дружбу на много лет, но вы не знали об этом. Вы лишь подумали, — а может не только подумали, — громкий набат предупредительно ударил в ваших ушах: мой муж был здесь и убил Винси! И что вы тогда сделали? Вы сразу же выбежали оттуда? — И не ожидая ответа, продолжал: — Думаю, что нет. Вы ведь в первую очередь — мать, а не только жена. Вы начали лихорадочно искать то, за чем пришли, — свои письма, написанные много лет назад, в которых писали Винси о том, что ждете ребенка. Быть может, даже вы написали ему сразу после рождения девочки. В то время вам могло казаться, что несмотря на все происшедшее между вами, мужчина должен знать об этом факте, потому что это может дать ему последний шанс спасти свою честь... Вам очень хотелось, чтобы Винси оказался лучше, чем был. Это понятно. Даже если вы уже осознали свою ошибку. Тогда, много лет назад, вами руководил тот же инстинкт, который спустя годы заставил вас обыскать примерную убитого. Я понимаю вас. Но вы не нашли писем, правда?

К изумлению Паркера, Анджела Додд тихо ответила:

— Нет, не нашла, хотя я совершенно не понимаю, откуда вы можете знать об этом.

— Простое умозаключение, — Алекс покивал головой. — Винси не мог бы шантажировать вас столь нагло, не имея никаких доказательств. А какое же он мог иметь доказательство, если не письма, написанные вашей рукой? Не найдя писем, вы вышли из театра и на такси поехали домой. Так? Мужа еще не было дома, и тогда вы придумали себе головную боль, чтобы его не видеть, потому что боялись с ним встретиться, думая, что это он убил Винси. А еще вы верили, что никто ничего не узнает. Но когда мы приехали, вы приняли решение: этот человек, которого вы любите, который любит вашего ребенка, быть может, даже больше, чем любил бы, если бы их связывали обычные узы крови, человек, который пожертвовал для вас столь многим и так много хорошего сделал для вас на протяжении всей вашей жизни, этот человек не будет расплачиваться за свой поступок, который по сути был актом самозащиты... Поэтому вы сказали: «Это я убила!» — и были готовы нести все последствия своих слов. Ваш муж болен. Вы не могли вынести даже мысли о том, что его ожидает долгое, мучительное следствие и последующее унижение во время судебного процесса, когда все станет явным. Вы предпочли сочинить что-нибудь о себе и Винси и сохранить этим отцу дочь, а дочери отца... Возможно, впрочем, вы не думали обо всем этом так рационально и последовательно, но вы точно знали, что, если придет полиция, — вы готовы нести ответственность за все то, чему вы много лет назад были определенным образом причиной. Однако вы увидели здесь этот кинжал... И вдруг поняли, что это не ваш муж убил, после чего отказались от своих показаний. Все это правда? Да?

Анджела Додд молча кивнула. Ее муж закрыл лицо ладонями.

— Моя дорогая, — едва слышно прошептал он.

— Мне очень жаль... — Алекс встал. — Мне так жаль, что я вынужден был сказать об этом. Но истина должна быть установлена, и нет иного пути, кроме правды. — Он взглянул на Паркера.

Инспектор закрыл свой блокнот и тоже встал. Видно было, что в нем идет какая-то внутренняя борьба.

— К сожалению, — сказал он. — К сожалению... — Он посмотрел на Алекса. Джо стоял совершенно неподвижно, но его глаза подали Паркеру едва уловимый знак. — Но, к сожалению, — Паркер облегченно вздохнул, будто нашел ответ на мучивший его вопрос, — я всего лишь полицейский чиновник, и хотя очень хочу вам верить, тем не менее, миссис Додд —

последняя, кто видел убитого, и кроме того, в вашем рассказе есть некоторые пробелы, вызывающие сомнения...

Алекс громко откашлялся.

— Одним словом, — быстро закончил Паркер, — я, к сожалению, вынужден буду поставить возле вашего дома полицейского в штатском, а миссис Додд попрошу ни под каким видом не покидать этот дом в ближайшее время... до тех пор, пока вы не получите уведомление о снятии этого запрета. Я надеюсь, что ситуация в ближайшее время разрешится... Это все, что я могу сделать для вас в настоящую минуту...

Сэр Томас Додд встал и протянул ему руку.

— Благодарю вас, — сказал он сердечно. — Я понимаю, что вы определенным образом нарушили какие-то предписания, поступая столь благородно. Но заверяю вас, что... что... — Он умолк и добавил: — Вы истинный джентльмен.

Паркер покраснел и быстро вышел в прихожую. Когда они оказались на улице, он подошел к автомобилю и позвал оттуда детектива Стивенса.

— Я взял вас, Стивенс, чтобы оформить арест и транспортировать преступника. Но, к сожалению, вам придется подежурить здесь с полчаса, пока вас не сменил агент из нашего управления. Двери этого дома не должна переступать миссис Анджела Додд, невысокая шатенка в возрасте около сорока пяти лет. Если у дома окажется выход с противоположной стороны и она сбежит на другую улицу — не переживайте. Мы посадим на ее место мистера Джо Алекса, самого наивного человека в мире!

— Слушаюсь, шеф! — сказал детектив Стивенс, улыбнулся Алексу и начал прохаживаться у ворот дома.

— Ты об этом не пожалеешь... — негромко сказал Алекс.

— Я сделал это только потому, что из твоего поведения следует, что убийца уже у тебя в кармане. Твои сведения потрясают меня. Но ты не знаешь всего. Например, ты не знаешь, куда мы сейчас поедem!

— Мне кажется, что к доктору Джорджу Армстронгу, известному специалисту по онкологическим заболеваниям, — сказал Джо. — Но может, я ошибаюсь?

Паркер открыл было рот, снова закрыл его, а потом сказал:

— О Господь, великий и всемогущий! — Он наклонился к водителю: — Колумбус Стрит 4! — сказал он почти со злостью.

Оказалось, что доктор Армстронг очень аккуратно вел свою книгу приемов. В последней рубрике виднелась фамилия: «Сэр Томас Додд. Часы приема с 9.20 по 10.45 пополудни». А ниже ряд строчек по-латыни.

— Вы всегда с точностью до минуты записываете время визитов своих пациентов? — с удивлением спросил Паркер.

— Да, — ответил доктор, протирая сонные глаза, — меня интересует проблема рациональности исследований. Я даже пишу об этом брошюру для медиков. Мне кажется, врачи тратят слишком много времени впустую... Эти данные служат для выяснения, сколько времени занимает у меня обследование пациентов с определенными заболеваниями

— А каково состояние здоровья сэра Томаса Додда?

— Учитывая ваши функции, я могу сказать вам всю правду. Но думаю, что природа и сама вскоре ее обнажит. Состояние сэра Томаса Додда я считаю безнадежным. Еще сразу после операции у меня теплилась какая-то надежда. Однако теперь опухоль снова растет. Вероятно, через несколько дней наступит кризис. Если не через несколько дней, то через несколько недель. Это лишь вопрос скорости развития опухолевой ткани. Боюсь, что в случае Додда она развивается чрезвычайно быстро. Он приехал сегодня ко мне на своем автомобиле. Я уже давно запретил

ему вождение: болезнь может обездвижить его в любую минуту. Могут быть метастазы в мозг... В таких обстоятельствах нельзя играть собственной жизнью, не только, впрочем, своей, но и жизнью пешеходов, например. Я отвез его домой сам.

Паркер поблагодарил и встал. На улице инспектор хлопнул себя по лбу.

— И зачем я вообще сюда ехал? — сказал он. — Ведь Додд никак не мог его убить. Если с 9.20 он был у врача, то у него железное алиби. И кроме того, он ведь не появлялся за сценой театра «Чембер». Его там вообще не было! Ведь дежурный портье видел всех входящих, а другим путем он не мог туда попасть. Я, наверно, вообще свихнулся!

— Самая большая проблема с вами, профессиональными криминалистами, заключается в том, что вы не можете обойтись без проверки правдивости слов всех присутствующих. Вы непременно хотите поймать кого-нибудь на лжи. Тем временем, убийцу следует искать только через мотив. Там, где есть убитый, должен быть кто-то, кто его убил. И у него должна быть причина для убийства. А если такие причины есть у нескольких людей, то надо найти того из них, кто мог бы совершить убийство таким образом, каким оно было совершено, и в таких обстоятельствах, которые сопутствовали этому убийству. Если каким-то чудом таких людей будет двое, то всегда одного можно исключить. Именно над этим я сейчас и ломаю голову. У меня есть двое убийц, а ведь убил-то лишь один. Но я не знаю — который из них.

— А вот как ты, например, исключил миссис Додд? — спросил Паркер без иронии. — Ты очень нравишься мне сегодня, старик. Моя полицейская совесть не хочет тебе верить, но я лично, так сказать, частным образом, начинаю верить, что ты очень много чего заметил в течение этих... — он взглянул на часы, — неполных трех часов. Но ответь мне на вопрос о миссис Додд.

— Мне стыдно, — смутился Алекс. — Мой аргумент настолько несерьезен, что я готов вернуться и арестовать ее...

— Нет! — сказал Паркер. — Она никуда не убежит. Даже если ты ошибаешься и даже если она ускользнет от Стивенса, полиция найдет ее. Насчет этого я спокоен. Говори!

— В ее невинности меня убедил тот факт, что Винси был убит, когда лежал на кушетке навзничь.

— Ну и что? Ты думаешь, женщины не убивают мужчин, лежащих навзничь? Я тебе могу привести десяток примеров...

— Не сомневаюсь, но не эта женщина, не этого мужчину и не в этих обстоятельствах.

— И почему же так?

— Здесь мы входим в область фантазии, однако она для меня настолько же реальна, как если бы я сам при всем этом присутствовал, ну разве что ты сумеешь найти веские аргументы против моих рассуждений. Итак, вообрази себе такую ситуацию: ты — Стивен Винси и ждешь женщину, которая должна вручить тебе драгоценности на огромную, астрономическую сумму — в миллион фунтов стерлингов. Ты знаешь, что эти драгоценности именно столько стоят, и знаешь, что эта женщина точно придет. С ее приходом ты, по понятным причинам, связываешь надежды на полную перемену своей судьбы. И что же? Ну неужели ты в самом деле, даже если и не прохаживался бы нервно по примерной, не находя себе места в ожидании, даже если бы ты и прилег на минутку, то разве не вскочил бы сразу же, как только она вошла? И вообще, разве во время ее недолгого пребывания ты мог бы лечь, держа в руках сумочку, полную

сокровищ? Ну разве человек, попавший в такое фантастическое приключение, ложится навзничь на кушетке? Зачем? Затем, чтобы та, которая принесла драгоценности, могла открыть ящик за его спиной, вынуть оттуда кинжал, о существовании которого вообще не подозревала? Нет. Винси просто не мог лежать в таких обстоятельствах. При этом Анджела Додд — женщина настолько хрупкая и столь явственно слабая физически, что трудно даже предположить, будто она могла бы спокойно и с такой силой ударить его в грудь, а потом затащить на кушетку и уложить там, чтобы имитировать самоубийство. К тому же заключение медэксперта говорит о том, что Винси погиб лежа, не так ли? Нет, мой дорогой, хоть такой аргумент на первый взгляд кажется ничтожным, я считаю его психологически совершенно оправданным. Никто не принимает миллион, лежа на кушетке в гримерке, вот так, наскоро, зная, что человек, который принес этот миллион, сейчас уйдет. Винси открыл бы сумочку и проверил ее содержимое, прежде чем возвращать письма. И у Анджелы Додд не было бы никакой причины, оставаться, если бы Винси лег вздремнуть... Да какое «вздремнуть»? Какой отдых? Ведь спектакль только что закончился. Он мог идти домой. У него был при себе миллион! И вообще — он должен быть к моменту ее прихода уже раздетым и разгримированным! Прошло двадцать минут с момента его ухода со сцены, потому что миссис Додд вошла в 10.15, а он вышел со сцены приблизительно в 9.50... У тебя есть какой-нибудь ответ на все это?

Паркер покачал головой.

— Действительно, трудно что-либо возразить. А у тебя самого есть на это ответ?

— Так я же тебе сказал — целых два! Винси мог убить один из двоих людей, которых я подозреваю. Конечно, допросы могут еще радикально изменить мой взгляд. В ходе расследования может выясниться нечто, чего мы не знаем и чего не предвидели. Но после того, что я увидел до сих пор, у меня есть только две версии решения. Либо версия «А», либо «Б». Я исключаю миссис Додд. Детектив Стивенс зря теряет время. Впрочем, не будем о Стивенсе. Что ты намерен делать теперь?

— Я хотел бы допросить весь персонал театра, а потом подумаем, — сказал Паркер. — Честно говоря, сегодня я как никогда рад, что пригласил тебя поработать с нами. Это дело как-то выскальзывает у меня из рук... Но ведь, в конце концов, прошло лишь неполных три часа. Ты прав — никто не требует найти убийцу в течение нескольких часов.

Некоторое время они молчали. Автомобиль мчался по пустынным улицам.

— Да... — Джо Алекс закрыл глаза. — Это невероятное дело. Я все еще не могу понять одного...

— Чего?

— Иногда мне начинает казаться, будто Винси убили два человека, независимо друг от друга... Я никогда еще не видел такого, чтобы следы вели в двух прямо противоположных направлениях. Двое каких-то людей ведут себя так, будто они его убили и теперь хотят замести за собой следы. Но почему? Почему? Ведь убийца был один и действовал в одиночку!

— Пусть меня убьют, как собаку! — пробурчал Паркер. — Да-да, пусть меня убьют, как собаку, и закопают в землю без всяких похорон, если я вижу тут хотя бы одного убийцу...

— Еще увидишь, — сказал Алекс и вдруг резко выпрямился на сидении. — Так что там, в конце концов, со временем убийства? Не может быть, чтобы доктор так долго проверял все... По-видимому, что-то у него не сходится. Вот увидишь — результат его исследований будет сенсационным!

— Ты так думаешь?

— Я уверен. У нас волосы встанут дыбом, когда мы узнаем, в котором часу на самом деле погиб Винси... Но вот объяснит ли это нам что-нибудь? Боюсь, что это не подскажет, кто его убил...

— Здорово! — сказал Паркер. — Прекрасно! Превосходно! Я тронут твоим оптимизмом. Люблю веселых, улыбчивых парней!

— Бен... — тихо сказал Алекс.

— Что?

— Когда будешь разговаривать с доктором, спроси, так, на всякий случай, мог ли Винси быть убитым левшой... ну, то есть левой рукой.

— Что такое? — Паркер тряхнул головой и посмотрел на Алекса. Но к своему удивлению, Алекс вдруг увидел, что инспектор широко улыбается. — Джо, я чувствую себя беспомощным, как ребенок, но я уже начинаю кое-что понимать. Я начинаю понимать, Джо!

— Это значит, что ты в лучшем положении, чем я. Я еще ничего не понимаю.

Инспектор потер руки и присвистнул сквозь зубы.

— Так... — сказал он, обращаясь то ли к себе, то ли к другу. — Это промелькнуло у меня в голове, когда мы беседовали с Дэвидсоном, но потом я забыл об этом. Я слишком много думал о миссис Додд. Дело казалось таким простым...

— Простым? — Алекс открыл глаза и посмотрел на друга. Он был очень серьезен в эту минуту. — Мне здесь еще ничего не ясно, хотя иногда кажется, что я знаю все, абсолютно все.

Автомобиль остановился. Паркер выпрыгнул из него, как пятнадцатилетний юноша, и оказавшись в дежурке, первым делом схватил телефонную трубку.

— Это вы, доктор? Да... Так... Так... Что? Да, это, конечно, очищает от подозрений одну очень симпатичную даму, которой я в глубине сердца желал всего самого лучшего... Но это осложняет дело... А скажите, он мог быть убит левшой? Что? Нет... Вы это исключаете... Ага... Так.. Ясно... Спасибо... Спокойной ночи, доктор...

Он положил трубку и взглянул на Алекса, который стоял в дверях, закуривая сигарету, вынутую из толстого кожаного портсигара.

— Знаешь, что он сказал, Джо?

— Сказал, что левша не мог совершить это убийство. А что со временем преступления?

— Он сказал дословно так: «Убийство было совершено в точно установленное время: между 9.00 и 10.00». По его убеждению, убийство было совершено задолго до 10.00, но он уступает перед фактами. Однако, он тут же заверил: «Я буду свидетельствовать как эксперт, под присягой в любом суде, что невиновен тот человек, которого обвинят в том, что он совершил убийство хоть на одну минуту позже этого срока». Винси был убит правой рукой. На это указывает угол раны и рисунок ее краев. Ну, ты знаешь, что при ударе существует определенная специфика и так далее...

— Да, знаю, — Алекс кивнул. — Это многое упрощает. Во всяком случае, ты можешь послать машину за детективом Стивенсом и позвони миссис Додд — надо освободить ее из-под домашнего ареста. В 10.00 она сидела в двух метрах от меня в зрительном зале.

Паркер тут же позвонил, и когда клал трубку, было видно, что он ощутил облегчение.

— Независимо от того, кто окажется убийцей, я рад, что это не миссис Додд, несчастная женщина, которая достаточно натерпелась в жизни по вине нашего покойника... А теперь я хотел бы разбудить директора Дэвид-

сона, если он уснул, и пару минут поговорить с ним о людях, которых мы будем допрашивать. Это немного облегчит нам дело.

— Я думаю, это хорошая мысль, — покивал головой Алекс.

— Тогда пошли! — Паркер открыл дверь дежурки, и они снова начали путешествие по коридору, минуя дверь гримерной Стивена Винси, за которой все еще горел яркий сильный свет.

ХII. Второй разговор с директором Дэвидсоном

В коридоре они встретили сержанта Джонса, который прохаживался ровными шагами под надписью «Тишина!» и громко, но фальшиво насвистывал мелодию популярной песенки.

— Джонс!

— Да, шеф?

— Напиши мне четким почерком список всего персонала. Через пятнадцать минут я хочу видеть тут Генри Дарси, а потом по очереди остальных. В конце привезете Еву Фарадей. Я не хочу, чтобы они встречались. Здесь достаточно свободных помещений. Надо всех так распределить, чтобы они между собой не виделись и чтобы те, которых уже допросили, не могли рассказывать остальным, о чем шла речь.

— Слушаюсь, шеф! — Джонс направился в сторону дежурки.

Полицейский в штатском, стоящий у лестницы в конце коридора, вытянулся, когда Паркер поравнялся с ним.

— Директор Дэвидсон спускался вниз?

— Нет, господин инспектор.

— А кто-нибудь к нему входил?

— Тоже нет, господин инспектор. Никто, кроме наших людей, не передвигался по зданию.

— Хорошо.

Паркер и Алекс поднялись по лестнице. На стук в дверь Дэвидсон ответил сразу:

— Пожалуйста, входите!

Видно было, что он не ложился и не сомкнул глаз. Он сидел за столом под лампой и читал.

— Детективный роман! — директор вздохнул и отложил книгу в сторону. — Я не мог уснуть. Вы уже что-нибудь знаете, джентльмены?

— Знаем, — кивнул Паркер. — Мы уже многое знаем. К сожалению, мы еще не знаем, кто убил Стивена Винси. Поэтому хотим отнять еще немного вашего времени. Я хочу, чтобы вы коротко рассказали все, что знаете о членах актерского коллектива и вспомогательном персонале, которые находились вчера в театре во время совершения убийства.

— Боюсь, что о техническом персонале я знаю очень мало. У меня есть заместитель, который нанимает и освобождает от работы этот персонал, так же как и работников столярных, портняжных и малярных мастерских. Вызвать его?

— Нет. Пока нет. Но об актерах вы могли бы нам кое-что рассказать, не так ли?

Дэвидсон на секунду задумался.

— Единственные три человека, о которых я мог бы подробнее рассказать, это Генри Дарси, Ева Фарадей и помощник режиссера Джек Сойер. Остальных я плохо знаю.

— Хорошо. Тогда расскажите нам о них. Не с точки зрения расследования, а вообще...

— Пожалуйста. Итак — Дарси... Этот молодой человек прошел через сложные жизненные испытания. Он родился в цирке, в семье престоиджигитатора и имитатора голосов. Уже в восьмилетнем возрасте он познакомился с ареной. Как это обычно бывает в таких семьях, начал выступать вместе с отцом и матерью. Цирковой опыт переходит там от отца к сыну. Говорят, что Генри был очень способным мальчиком. Когда его отец умер, он оставил цирк и начал выступать в мюзик-холле с имитационными номерами. Был очень умен, и по-видимому, уже тогда очень много читал, иначе сейчас в возрасте тридцати пяти лет, не был бы столь образованным и начитанным. Когда началась война, он пошел в армию и был тяжело ранен. Как инвалида войны его из госпиталя в Индии отправили на родину. Когда-то он рассказывал мне об этом. Говорил, что читал и учился днем и ночью, потому что мечтал стать театральным режиссером. Ранение, полученное на фронте, и способности, которые, очевидно, были оценены, позволили ему сразу после войны поступить в высшую театральную школу. Его там очень любили. Люди, которые были его преподавателями, и те, кто вместе с ним учился, высказываются о нем как нельзю лучше. Полагаю, он не изменился с той поры. Генри необыкновенно талантлив. Думаю, что это, пожалуй, самый интересный режиссер нашего молодого поколения. Он находится в неустанных поисках, берет пьесу и на ее основе выстраивает собственную, оригинальную концепцию. Театральный мир очень считается с его мнением, а постановка «Стульев» принесла ему большой, подтвержденный всей критикой успех. Даже консервативная часть театральной общественности признала, что в этом спектакле есть гениальные ходы и решения... Ну что еще?.. Историю с Евой Фарадей вы уже знаете. Он познакомился с ней, когда его пригласили на встречу с любительским театральным коллективом одной ткацкой фабрики в провинции. Он поехал туда и вернулся ошеломленный талантом одной из девушек. Ей только что исполнилось двадцать два года. Это была Ева Фарадей. Это ее настоящая фамилия. Дарси сделал из нее актрису. Думаю, что он очень ее любит. Это дело с Винси было большим ударом для него. Я был здесь ежедневно во время репетиций, и почти каждый день мы подолгу обсуждали с Дарси всевозможные вопросы, связанные с подготовкой премьеры. Я видел, чего ему это стоило. Но он сохранял абсолютное спокойствие. Это невероятно сдержанный человек. Кажется, что у него совсем нет нервов. Я никогда не слышал, чтобы он повысил голос на актера. А ведь у иных режиссеров это часто случается. В нем нет ни капли истеричности, которая всегда сопровождает жизнь людей театра.

Он замолчал и задумался. Вероятно, о Дарси он сказал все, что считал существенным.

— А как шла работа над постановкой «Стульев»? — спросил Алекс делано скучающим голосом, но Паркер, который хорошо его знал, поднял брови и взглянул на друга с любопытством.

— То есть? — не понял вопроса Дэвидсон.

— Меня интересует, сложилась ли у режиссера концепция спектакля еще до начала репетиций, или он вносил в нее какие-либо изменения в процессе подготовки к премьере?

— Да... Некоторые изменения он вносил. Сначала он хотел, чтобы весь спектакль шел без антракта, потому что Ионеско ведь написал эту пьесу как одноактную. Но позже он пришел к выводу, что двое актеров не смогут внести на сцену нужное количество стульев, и тогда он решил прервать пьесу в определенном месте и дать публике передохнуть. А в это время технический персонал внесет на сцену двести или триста стульев, выстроив из них самые причудливые проходы. Кроме того, у него были проблемы с Винси. Вначале Винси ни за что на свете не хотел играть в маске. Это такие

тонкие нейлоновые маски; они плотно прилегают к лицу актера, но полностью лишают его мимики. Генри терпеливо и упрямо объяснял Винси, что еще в Древней Греции актеры Эсхила, Еврипида и кого-то там еще играли в масках. Наконец он пообещал ему, что на этот спектакль у него будут самые блестящие рецензии, несмотря на то, что он даже не покажет своего лица. Винси поверил. Ну, и это подтвердилось.

— А почему он сам сыграл эпизодическую роль Рассказчика, а не дал ее никому из актеров театра?

— Для него этот спектакль был очень важен, и он считал, что присутствие режиссера на каждом представлении будет держать актеров в тонусе. Ну, вы знаете, как актеры могут «разыграться» на двадцатом-тридцатом спектакле! Они меняют мизансцены, интонации, и спектакль начинает разлезаться по швам. Генри Дарси является сторонником абсолютного подчинения актеров общей режиссерской концепции.

— Интересно, а почему Рассказчик выходит без маски? — спросил Алекс. — Разумеется, это не имеет отношения к расследованию, но я задумался об этом еще во время спектакля.

— О, я тоже его об этом спрашивал. Он сказал, что Рассказчик — это ведь не кто иной, как сам Старик или то, что останется от Старика. Старик верит: то, что после него останется, объяснит смысл его жизни. Поэтому рассказчик одет точно так же, как Старик. У него только нет маски, потому что маска ему больше не нужна. Он ведь теперь уже не Старик, а лишь идея, тень, которая осталась от человеческой мысли. Поэтому у него на голове огромная шелковая шляпа, напоминающая о традиции бродячих уличных комедиантов. И тут оказывается, что эта тень человеческой мысли лишена какого бы то ни было контакта с теми, кто остался. Она бормочет что-то непонятное и уходит.

— Да-да... — покивал Алекс. — Я понимаю.

— А вот Ева Фарадей, — спросил Паркер, — она тоже считает Дарси очень способным человеком?

— Несомненно. Она верит в него, как в Бога. Я думаю, что для них обоих это была страшная трагедия. Она тоже его очень любила, и я не знаю, быть может, любит и сейчас. Думаю, что да. Он ее тоже. Такие люди, как Дарси, не перестают любить женщин, которые их бросают. Можете мне поверить. Я не знаю, что такого особенного имел в себе этот Винси, но он просто задул ее, как свечу, прежде чем она успела прийти в себя. Полагаю, она сама не поняла, как все это случилось. Но в этом человеке было что-то, перед чем не могла устоять ни одна женщина. Его обаяние было неоспоримым. Ева — очень способная девушка. Она скромна в обычной жизни, она такая тихая умница... Это качества, которыми редко обладают восходящие звезды театра или кино. Я в душе желаю и ей, и ему всего самого лучшего. Однако лишь время покажет, что из этого выйдет.

— У нас остался еще Джек Сойер...

— Это короткая история. Джек Сойер — сын моего одноклассника. Он учится на медицинском факультете. Я дал ему работу в театре, потому что его отец умер и парень должен содержать свою немощную матушку. Эта работа одновременно помогает ему закончить учебу, и мы стараемся, чтобы работа в театре не совпадала в утренние часы с лекциями в университете. Он обожает Дарси. Со своими обязанностями в театре справляется очень хорошо. Быть помощником режиссера вовсе не так легко, как кажется. О его ссоре с Винси вы уже знаете, да?

— Да, — Паркер встал. — Большое спасибо, господин директор. Если мне еще что-нибудь понадобится, вы позволите снова заглянуть сюда, хорошо?

— Разумеется. Я — холостяк. Я и так не мог бы высидеть один дома всю эту ночь. Так что тут останусь. Все равно не усну. А с утра надо будет заняться поиском замены Винси. А кроме того — репортеры! Не хочу даже думать об этом!

— Я тоже, — Паркер направился к двери. — Может, все же попробуете уснуть? Если б не надо было работать, я бы сейчас спал как суслик...

Он улыбнулся и вышел, а за ним Алекс, как верная, неразлучная тень.

ХIII. Только никого не спрашивай о маске!

Паркер сел за столик в гримерной комнате убитого и начал вполголоса читать список лиц, присутствовавших в театре во время и после спектакля.

- 1) Стивен Винси — актер
- 2) Генри Дарси — режиссер
- 3) Ева Фарадей — актриса
- 4) Джек Соьер — помощник режиссера
- 5) Ричард Карузерс — электрик
- 6) Малькольм Сноу — рабочий на занавесе
- 7) Оливер Раффин — костюмер
- 8) Саймон Формс — пожарный
- 9) Уильям Галлинс — дежурный портъе
- 10) Джон Найт — суфлер
- 11) Сьюзен Сноу — костюмер

И авторучкой дописал:

- 12) Анджела Додд — (имеет алиби) вошла в 10.15.

— Кроме того, двое рабочих сцены, которые во время антракта внесли на сцену стулья, после чего ушли домой. Их зовут: Стенли Хиггинс и Джошуа Брэддон. На всякий случай их тоже вношу в список.

— Это все? — уточнил Алекс.

— Это уже абсолютно все.

— Хорошо, — Алекс чуть заметно улыбнулся и снова стал серьезным.

— Чему улыбаешься? — спросил Паркер. — Хочешь что-то сказать?

— Нет. Ничего. Ага, ну разве что хочу тебя попросить, чтобы ты никого не спрашивал о маске Винси.

— Да? А почему?

— Сделай это для меня. Через час я тебе все о ней расскажу. По крайней мере, надеюсь, что расскажу.

Паркер колебался.

— Ну ладно, — согласился он наконец. — Сегодня ты правишь. Лишь бы только ты оказался мудрым и великим правителем!

— Попытаюсь заслужить признание полиции Ее Королевского Величества, — скромно сказал Алекс, — но в случае неудачи провалюсь со стыда под землю...

— Тогда попробуем без чудес, спокойно и неторопливо, — сказал инспектор. — Но может, начнем уже, Бога ради! Джонс!

— Да, шеф? — Круглая, коротко стриженная голова сержанта показалась в щели приоткрытой двери.

— Пригласи сюда мистера Генри Дарси.

— Слушаюсь, шеф!

Минуту спустя Генри Дарси вошел в комнату. Это был высокий, еще молодой человек, и его даже можно было бы назвать красивым, если бы

не очень высокий, выпуклый лоб, который занимал слишком много места, нарушая тем самым пропорции строения черепа. Алекс видел его первый раз в жизни, не считая эпизода на сцене, когда часть лица режиссера была скрыта полями большой черной шляпы. Джо заметил, что Дарси окинул гримерную спокойным, почти безразличным взглядом, который не задержался на кушетке.

— Садитесь, прошу вас... — Паркер указал ему на стул. — Вы, вероятно уже знаете, кто мы. Я веду расследование по делу об убийстве одного из ваших коллег, Стивена Винси. Можете ли вы что-нибудь сказать по этому делу?

Дарси медленно покачал головой.

— Нет, сэр.

И все. Голос у него был мягкий и приятный.

— Не заметили ли вы чего-нибудь необычного в течение самого спектакля либо после него?

— Нет.

— Гм... — Паркер помолчал. — Быть может, в таком случае, вы опишете нам как можно точнее каждую минуту, которую вы провели вчера вечером в театре «Чембер»?

— Конечно, — Дарси спокойно кивнул головой. — Я пришел в театр за несколько минут до начала спектакля. Поскольку выхожу на сцену под конец второго действия и по сути заканчиваю спектакль, мне не надо было торопиться. Но с другой стороны, я хотел присутствовать в театре во время спектакля. В коллективе возникли некоторые неурядицы... между мисс Фарадей и покойным Стивеном Винси. Поскольку они оба исполняли главные роли, а по сути — единственные роли, я предпочел быть здесь, чтобы в случае чего предотвратить дальнейшие недоразумения, которые негативно сказывались на ходе спектакля.

— Это была единственная причина? — спокойно спросил Паркер.

— Нет. Это была причина, «служебная», если можно так выразиться. А частной причиной было желание оградить Еву Фарадей от грубости со стороны покойного Винси. Он был трусом, а поскольку я пообещал, что убью его как собаку, если он когда-либо ее обидит, то полагал, что мое присутствие должно было его удержать.

— Значит, вы угрожали ему убийством только за то, что он невежливо разговаривал с мисс Фарадей?

— Да.

— Но почему, скажите, Бога ради?

— Не потому, что я действительно хотел его убить, — не думаю, что вообще смог бы убить человека... даже Винси, который, по моему убеждению, немногого стоил. Я думаю, что никто не имеет права убить другого человека ни по какой причине, кроме физической самообороны в каком-либо совершенно крайнем случае. И то, конечно, случайно. Намерение убить вообще не должно присутствовать в мыслях любого нормального человека, потому что убийство не перечеркивает никакого зла, убийство — это атака на все человечество, на все то, что является подлинным смыслом его существования. Даже официальную смертную казнь я считаю преступлением.

— Bravo! — негромко сказал Алекс.

Дарси бросил на него быстрый взгляд, но увидев, что Алекс не иронизирует, кивнул головой как бы в знак благодарности.

— Но вы меня не об этом спрашивали. Я сказал так, потому что, как я упоминал, Винси был трусом, а я хотел любой ценой не допустить, чтобы

он еще раз нанес душевную рану человеку, который мне очень близок. Я люблю Еву Фарадей, и пусть это послужит мне оправданием.

— Хорошо... — кивнул Паркер. — Благодарю вас за искренность. Продолжайте, пожалуйста.

— Я оделся и загримировался перед началом спектакля, чтобы потом уже не думать об этом. Когда спектакль начался, я встал за кулисой и наблюдал за игрой актеров. Я обратил внимание на то, что Винси нервничает, — он два или три раза «проглотил» несколько предложений из текста, чего зрители не заметили, потому что это опытный актер и он умеет вести себя на сцене в таких случаях. Но я сразу понял: он чем-то очень расстроен, и не двинулся с места, опасаясь, не случится ли еще что-то. И действительно, в одной сцене, где Старуха, то есть Ева, обнимает Старика и прижимается к нему, я увидел, что Винси почти оттолкнул ее и зло сказал ей шепотом несколько слов, когда они переставляли стулья. Этого зритель тоже не заметил, но я, зная каждое слово и каждую интонацию голоса в этом спектакле, сразу заметил, что Ева расстроена... Когда первый акт закончился и занавес, наконец, опустился, Винси повернулся на месте и сразу скрылся за кулисой, а Ева, пошатываясь и рыдая, сорвала с лица маску. Я подбежал к ней и проводил ее до гримерки. Оказалось, что она запачкала его костюм помадой... — Дарси на минуту замолчал, как бы вспоминая. — Да, — продолжал он: — Я проводил ее до гримерной и там успокаивал вместе с костюмершей. У Евы был такой приступ рыданий, что она никак не могла успокоиться. Актрисы случаи такого рода переживают очень остро, потому что во время спектакля нервы и так напряжены до предела. Потом в гримерку постучал один из рабочих, которого послал помреж. Выяснилось, что произошла какая-то ошибка в расстановке стульев на сцене, и они хотели убедиться, все ли в порядке. Я вместе с рабочим пошел на сцену и пробыл там несколько минут. Потом прошел через всю сцену и направился в коридор, к двери, находящейся напротив гримерки Винси. Там мне встретился электрик Карузерс. Кабель одного из осветительных приборов искрил под конец первого акта. Свет является очень важной составной частью моего спектакля, поэтому я на ходу слушал, что мне говорил Карузерс. Правда, я не очень много слышал, потому что был в ярости. У двери гримерки Стивена я отослал Карузерса, отделавшись от него парой слов. Через три минуты занавес должен был подняться. Я вошел. Винси сидел на кушетке и смотрел на корзину с цветами... Вот на эту... Я подошел к нему. Не знаю, кажется, я хотел его ударить. Но он тут же встал и начал быстро извиняться. Он сказал, что у него был сегодня ужасный день, что его мучает головная боль, а кроме того, у него какие-то неприятности... И он дает мне слово, что это никогда больше не повторится. Когда он начал так говорить, злость у меня сразу прошла, а говорить он умел очень убедительно. Во всяком случае, я вышел, не сказав ни слова, в полной уверенности, что это действительно никогда больше не повторится.

— Это уж точно, — прошептал Алекс.

Дарси бросил на него взгляд и продолжал:

— Во время второго акта я стоял все время в темной кулисе и смотрел до той самой минуты, когда пришла моя пора выходить на сцену. Потом была овация зрителей. Винси не вышел. Я подумал, что, быть может, это из-за головной боли, о которой он мне говорил, или, может, он обиделся на меня и хочет дать мне понять, как режиссеру, что ему плевать и на меня, и на эту роль. Надо сказать, что в последнее время Винси вообще вел себя довольно странно, он постоянно говорил, что ему надоела эта клоунада в масках и что он уйдет из театра... Я вышел со сцены вместе с Евой Фарадей, потом разгримировался, переоделся и позвал костюмера, чтобы

он почистил мой костюм. Я зашел к Еве, которая была уже одета, но еще заканчивала свой туалет, потому что у женщин это всегда занимает больше времени. А потом мы вместе вышли из театра. Вот и все.

— И вы нигде не заметили ничего необычного?

— Нет... ну, может, только вот... Но это, наверно не имеет значения... Когда мы выходили и я проходил мимо двери гримерки Винси, я на что-то наступил... Я наклонился. Это был ключ. Я посмотрел и увидел, что замочная скважина светится, ну я и вложил в нее этот ключ. Я подумал, что Винси, вернувшись со спектакля, так резко захлопнул дверь, что ключ выпал. Изнутри не доносилось ни звука, и мы с Евой подумали, что он, наверно, уже ушел. Ну, и это уже в самом деле все...

— Из вашего рассказа следует, что с той минуты, как вы сошли со сцены и до минуты выхода из театра вы постоянно находились среди людей и ни минуты не были один, правильно?

— Нет. Я был один в своей гримерке. Костюмер тогда находился в коридоре и ждал, когда я его позову.

— Из вашей гримерной нет другого выхода?

— В ней нет даже окна.

— Ясно. Благодарю вас, мистер Дарси. Будьте так добры отправиться сейчас в эту вашу гримерную и ожидать там возможного вызова. Мне очень жаль, что я должен просить вас об этом в половине четвертого утра, но, быть может, вам придется дополнительно дать нам необходимые пояснения, если в том возникнет необходимость. Благодарю вас еще раз.

— Я в вашем распоряжении... — Дарси встал.

Паркер проводил его до двери и спросил у Джонса:

— Здесь помреж Джек Сойер?

— Да, шеф.

— Давайте его сюда через пять минут.

— Хорошо, шеф.

Инспектор вернулся и сел.

— Ну, и что ты думаешь, Джо?

— Думаю, что теперь я уже знаю, кто убил Стивена Винси. Но я все еще не совсем в этом уверен.

XIV. Никто не мог его убить

Когда закрылась дверь за последним из допрошенных членов вспомогательного технического состава театра, Паркер тяжело вздохнул.

— У нас осталась лишь Ева Фарадей, — сказал он. — Если, явившись сейчас, она не скажет с обаятельной улыбкой, что убила Винси, я не знаю, что делать! Но, впрочем, даже если бы она и вправду так сказала, я не мог бы ей поверить! Сам посмотри: отбросив Стивена Винси, который был убит, и Анджелу Додд, которая пришла за кулисы после совершения преступления, у нас остается двенадцать человек. Нас интересует, что они делали с того момента, когда Винси сошел со сцены. Итак:

1) Генри Дарси: вышел на сцену через несколько секунд после ухода с нее Винси, то есть, он никак не мог убить Винси в гримерной, потому что не успел бы вовремя вернуться. Потом он произнес свой нечленораздельный монолог, потом проводил Еву Фарадей до ее гримерной, а сам отправился в свою, что подтверждается показаниями его костюмера, который не отходил от его двери, ожидая, пока его позовут. Были там в коридоре еще рабочий занавеса Малькольм Сноу и суфлер Джон Найт, которые ждали, пока Сьюзен Сноу закончит переодевать Еву Дарси. Таким образом, у

Дарси есть три свидетеля, которые не отходили от его гримерной, а потом видели, как он вошел к Еве. Гримерная Евы тоже без окон, а единственная дверь ведет в коридор, напротив двери гримерной Дарси. Потом они с Евой вышли из ее гримерной, и он повез ее на ужин на своем автомобиле, который стоял у входа в театр. Все! Аминь! Ни минуты один!

2) Ева Фарадей: еще не давала показаний, но у нас есть показания Дарси, костюмерши Сьюзен Сноу и других. После ухода со сцены она стояла в кулисе, а рядом с ней стояли помреж, а также суфлер. Потом она вышла на поклон. Со сцены вместе с Дарси она отправилась в свою гримерную. Дальше — смотри выше. Ни минуты одна! Аминь.

3) Оливер Раффин, костюмер: перед уходом Винси со сцены сидел в гримерной Евы Фарадей и разговаривал со Сьюзен Сноу до самых аплодисментов в конце спектакля. Тогда они вдвоем вышли и ждали, пока придут актеры. Потом... Смотри дальше — ни минуты один! Аминь!

4) Сьюзен Сноу, костюмер: ни минуты одна! Аминь!

5) Малькольм Сноу — рабочий на занавесе...

6) Джон Найт, суфлер: оба показали, что в минуту, когда Винси покидал сцену, они стояли вместе и разговаривали о футбольном тотализаторе. Весь этот театр играет на тотализаторе! Потом они вместе стояли в коридоре перед гримерными Евы Фарадей и Дарси и там заполнили купоны, ожидая Сьюзен Сноу. Потом вместе с ней и Раффином отправились четвером на ночной пункт тотализатора. Ни минуты никто из них не был один! Аминь!

7) Джек Сойер, помощник режиссера: нервничал из-за того, как шел спектакль. Сначала Винси вывел из равновесия Еву Фарадей, а потом половину антракта рабочие спорили, куда на сцене ставить стулья, так что он сам начал колебаться, и пришлось послать за режиссером. После спектакля у него алиби, связанное со следующими людьми —

8) Саймон Формс, пожарный за кулисами, и

9) Ричард Карузерс, электрик.

У Ричарда Карузерса в первом акте возникли проблемы с одним из осветительных приборов. Во время антракта он пытался починить его, но безуспешно. Видя проходившего мимо Дарси, он подошел к нему, чтобы спросить, что делать, если этот прибор погаснет, но Дарси производил впечатление человека не в себе и ответил ему невпопад. Карузерс проводил его до двери гримерной Стивена Винси, а потом быстро пошел обратно, потому что вот-вот должен был начаться второй акт. Не успел он подняться в ложу осветителей и проверить работу приборов, как занавес открылся. С Дарси он расстался приблизительно за три минуты до начала второго акта. Во время второго акта поврежденный прибор начал мигать, и Карузерс почувствовал запах паленой резины. Тогда он подал знак пожарному Саймону Формсу и помрежу. Ему пришлось выключить испорченный прибор и манипулировать другими, чтобы не нарушать освещения сцены до конца спектакля. Но сразу потом они втроем обследовали весь кабель, нашли поврежденное, тлеющее место, ликвидировали повреждение и все вместе отправились в раздевалку для персонала, где пожарник тоже оставлял свою шапку, потому что службу на сцене нес в пожарном шлеме. Никто из них троиц не расставался с остальными ни на минуту после спектакля! Аминь!

10) Уильям Галлинс, дежурный портье: сидел до конца спектакля с сестрой жены, которую посадил в такси в 10.10; выходящая в это время из театра четверка, шедшая сдавать купоны на тотализатор, видела, как Уильям сажал девушку в машину, и кто-то даже пошутил, что вовсе не надо быть актером, чтобы отправлять из театра по вечерам домой девушек

на такси. А десять часов — это та граница, которую переступить нельзя, — судебный медик под присягой заявит, что Винси в это время был уже трупом. Значит, Галлинс его не убивал. Аминь!

11) и 12) Рабочие сцены Стенли Хиггинс и Джошуа Брендон отнесли на сцену стулья и расставили их там, поговорили несколько минут с помощником режиссера, а потом ушли из театра, потому что декорации разбирают перед следующим спектаклем. Впрочем, декорация там единственная и смена заключается лишь в установке большего числа стульев в антракте. В связи с этим руководство освобождает их на этом спектакле раньше, потому что больше им нечего делать. Когда Винси погиб, их уже более получаса не было в театре, что подтвердил дежурный Галлинс, который видел, как они уходили. Аминь! И это все. Никто не мог войти в театр через дверь, ведущую в зрительный зал, потому что у этой двери ручка есть только со стороны кулис, а если бы кто-то захотел войти со стороны зала, ему пришлось бы звонить. А звонок как раз предыдущим вечером испортился, и Карузере забыл его починить? Это чтоб было смешнее! Никто в тот вечер не приходил в гости к актерам за кулисы. Никто не входил со стороны дежурки, где находится портье, ни перед спектаклем, ни во время него, ни после. Единственным человеком, который приходил в тот вечер, была Анджела Додд. Круг замкнулся. Никто не мог убить Стивена Винси!

— Будь оптимистичнее, — мрачно улыбнулся Алекс. — Его все же убили.

— Да, это так, — Паркер вздохнул. — Его убили, а мы еще не допросили Еву Фарадей. Джонс!

— Да, шеф?

— Пригласи сюда мисс Еву Фарадей... Или нет. Пусть она придет в другое место. Есть тут какая-нибудь свободная гримерная?

— Да, шеф.

Джонс указал им дорогу. Они миновали главный коридор и вошли в другой, параллельный тому, где находилась гримерная Винси. Первая пара дверей, расположенных напротив друг друга, вели в гримерные Евы Фарадей и Генри Дарси. По коридору прогуливался детектив Маллинс. Джонс разместил в гримерных шестерых допрошенных лиц, но одна комната оставалась свободной. Туда он и привел инспектора и Алекса.

Через минуту вошла Ева Фарадей. Это была молодая, невысокая девушка со спокойным, красивым лицом, обрамленным длинными прямыми темными волосами. Большие оливковые глаза были слегка покрасневшими. Паркер указал на стул и повторил несколько вежливых фраз, которыми он всегда предварял допрос женщин. Потом попросил ее подробно описать прошлый вечер. Показания Евы не внесли ничего нового. Она лишь подтвердила то, что говорили Дарси и другие.

— Прошу вас теперь подумать: не было ли чего-нибудь, что бы вас удивило или показалось необычным, странным, во время спектакля, перед ним или после него?

— Нет... Н-нет... — она заколебалась.

— Что? В чем дело? — инспектор сделал жест рукой, будто приглашая ее к разговору. — Пожалуйста, скажите нам, даже если это какая-то совсем незначительная мелочь... Никогда не известно, что может быть важным для расследования, пока оно не закончено.

— Ну, может, только одно... Но это такой пустяк... Во втором акте есть момент, когда я, ну, то есть, Старуха, боясь мысли о смерти, бежит через всю сцену в сторону Старика, крепко его обнимает и прижимается к нему изо всех сил... В первом акте тоже есть очень похожая сцена, но там я обнимаю его, стоя перед ним. Именно в первом акте Стив... мистер

Винси оттолкнул меня, когда я нечаянно выпачкала его помадой... Так вот, во втором акте я бежала, все время помня об этом, и во время объятия повернула голову набок. Из-за этого я прижалась к нему, быть может, даже еще сильнее... и...

— И вы почувствовали какой-то маленький твердый предмет в кармане его блузы на груди, верно? — спросил Алекс.

— Да! Но откуда вы об этом узнали?

— Я так предполагал.

Паркер посмотрел на него с удивлением, но не сказал ни слова.

— А как вел себя Винси во время спектакля? — продолжал спрашивать Алекс. — Это очень интересует нас. Не считаете ли вы, что если в первом акте он был очень возбужден, то во втором это возбуждение спало, словно для него что-то прояснилось.

— Да! — Ева Фарадей энергично закивала головой. — Я почти так же подумала. Я боялась второго акта, потому что мои нервы совершенно сдали и... Я опасалась, что могу расплакаться на сцене, если он снова что-нибудь скажет или сделает... Актеры умеют сделать или сказать что-то настолько незаметно, что зрители даже понятия ни о чем не будут иметь, но партнер прекрасно это почувствует и услышит... Я вся тряслась от страха, потому что это было бы хуже всего... Личные отношения людей — это лишь их дело, но если в середине спектакля опускается занавес — это... Этого никто не поймет, если он не актер...

— Мы стараемся это понять. Итак — какое же впечатление у вас было во втором акте?

— Винси изменился. Он играл быстро. Он ни разу не ошибся. Ни разу не перепутал текста... Он был хладнокровнее... Мне никогда еще так хорошо не игралось с ним... Под конец я даже почти забыла обо всех наших конфликтах. Я была просто очарована и из-за этого сама сыграла хуже... но он очень удивил меня...

— Ясно, — Алекс с пониманием кивнул головой. — А вы не подумали о том, как это любезно с его стороны, что он стер пятно от помады?

— Нет, — Ева удивленно подняла брови. — А почему я должна была так подумать? Такие вещи делает костюмер, это его обязанность. Я отметила это без всяких задних мыслей. Это не имело ничего общего с той ситуацией, которая создалась между нами... Нет, мне даже в голову не пришло, что это был какой-то жест с его стороны... Потому что ведь и не был...

— Конечно, нет. — Алекс встал. Паркер тоже.

— Спасибо мисс Фарадей, — сказал инспектор. — Если вы не слишком устали, мы бы попросили вас еще немного подождать в своей примерной. Вы ведь можете там даже прилечь, не так ли?

— О нет, мне кажется, что я уже никогда не усну! — сказала Ева Фарадей с неожиданным отчаянием в голосе и, отвернувшись, вышла, едва сдерживая слезы.

— Бедняжка... — Алекс смотрел ей вслед. — Она так хорошо держалась во время всего допроса. Но достаточно было лишь одного слова об обычном человеческом состоянии — о сне, как она не выдержала...

— Да бог с ней, с мисс Фарадей и с ее сном! — с горечью сказал Паркер. — Ты можешь мне объяснить, наконец, куда я иду за тобой, а со мной и все расследование?

— Мы все идем вьющейся узенькой тропинкой в сторону убийцы Стивена Винси... — продолжил Джо Алекс. — А следующим моим шагом по этой тропинке будет одна маленькая просьба к тебе.

— Какая же?

— Я прошу тебя дать мне фонарик и ключи от двери, ведущей из коридора на сцену.

Паркер обернулся.

— Джонс!

— Да, шеф? — сержант появился в дверях, как известная игрушка, которая выскакивает из коробочки после нажатия кнопки.

— Фонарик и ключи от двери на сцену!

— Да, шеф, — голова исчезла.

— Будет тебе сейчас фонарик... — сказал Паркер. — Чего ты еще хочешь, чтобы привести меня туда, куда я безрезультатно хочу прийти с 12.25 ночи, то есть с той минуты, как мы пришли сюда?

Алекс взглянул на часы.

— Сейчас двадцать пять минут шестого. Я обещаю тебе, что через час ты будешь знать, кто убийца, хотя я сам еще не знаю со всей уверенностью, кто он. Но тот факт, что Винси не мог погибнуть и все же погиб, очень нам помогает. Ну — подумай.

— Во-первых... — начал инспектор и вдруг умолк. — О Господи! — воскликнул он. — О, Господь всемогущий!

— Давай позovem его сюда, ладно? Но позволь на этот раз мне поговорить с ним...

— Согласен! — сказал Паркер и направился к двери, чтобы отдать распоряжение сержанту Джонсу.

*Перевод с польского Роберта СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО
при участии Владимира КУКУНИ
по эксклюзивному праву, предоставленному автором.*

Окончание следует.

НЁМАН

9/2017

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕНТЯБРЬ

Издается с 1945 года
Минск

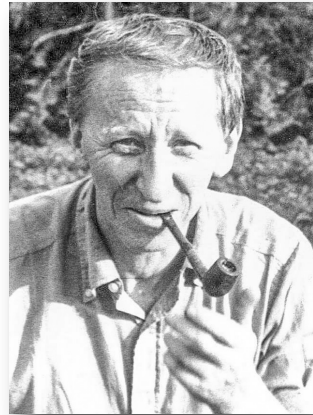
СОДЕРЖАНИЕ

Сергей ЗЕНЬКОВ, Иван ШТЕЙНЕР. Юшка из буквиц печатных... <i>Вольная пьеса</i>	3
Михась БАШЛАКОВ. Из оратории «Шлях». Стихи. Перевод с белорусского А. Тявловского	36
Адам ГЛОБУС. Самая трудная работа в мире. Рассказы. Перевод с белорусского Н. Казаполянской	41
Владимир ШУГЛЯ. Вечный жизни зов. Стихи	53
Георгий МАРЧУК. Время и место. Дневниковые записи разных лет. Окончание ...	56
Александр РЫЖОВ. А позже понял я, что все не так. Стихи	72
«Всемирная литература» в «Нёмане»	
Джо АЛЕКС. Смерть промолвит вместо меня. Роман. Окончание. Перевод с польского Р. Святополк-Мирского при участии В. Кукуни	75
Ирма РАТИАНИ. Современная грузинская литература в международном литературном контексте. Перевод с грузинского И. Модебадзе	95
Зинаида КРАСНЕВСКАЯ. Переводчики, которым хочется сказать «спасибо». Виктор Топоров	107
Эпоха	
Оксана КОТОВИЧ. Обрядовая практика обречения в пространстве сакральной географии Беларуси	120
Документы. Записки. Воспоминания	
Пишу Вам это письмо... Из переписки Ивана Шамякина. Вступительное слово, подготовка текстов и комментарий О. Шамякиной	134
Вне времени	
К 500-летию восточнославянского книгопечатания Вячеслав РАГОЙША. Стихотворчество поэта Франциска Скорины. <i>Литературоведческое исследование</i>	151
Литературное обозрение	
Искусство суждения	
Инесса МОРОЗОВА. Этика нелюбви, или Психология деструктивного своеволия	171
С точки зрения рецензента	
Татьяна АЛЕШКА. За пределами стихотворения	177
Денис ВОЛЧИК. Чаще смеешься – дольше живешь	180
Татьяна БУДОВИЧ-БОРОДУЛЯ. Свет далеких звезд	183
Напоследок	
Литературное содружество Алесь КАРЛЮКЕВИЧ. Белорусский остров Михаила Хонинова	189
Авторы номера	192

Джо АЛЕКС

Смерть промолвит вместо меня*

Роман

XV. Смерть промолвит вместо меня

— Как давно ты об этом догадался? — спросил Паркер

— Первое подозрение появилось у меня в ту минуту, когда...

Джонс постучал и впустил Генри Дарси.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — любезно пригласил его Алекс. — К сожалению, мы должны вас побеспокоить еще раз. Нам хотелось бы получить некоторые разъяснения к сообщенным вами сведениям. Дело в том, что, как показывает расследование, Стивен Винси не мог быть убит никем из присутствующих лиц... после своего ухода со сцены. С одной стороны, все возможные подозреваемые имеют алиби, а с другой стороны, медицинское заключение довольно существенно ограничивает время совершения преступления. Винси мог погибнуть не позднее пяти-семи минут после своего ухода со сцены, что, в свою очередь, невозможно, поскольку в течение этих пяти — ну, скажем, даже десяти минут — никто из присутствующих в театре не мог совершить убийство. В связи с этим напрашивается лишь один вывод, не так ли?

Алекс умолк. Генри Дарси, который внимательно слушал его, кивнул головой, но не сказал ни слова.

— Единственный логический вывод, который из этого следует, — продолжал Алекс, — это вывод о том, что Стивен Винси погиб до того, как покинул сцену. На первый взгляд это кажется совершенно невозможным. Присутствующий здесь инспектор Паркер и я по воле случая как раз вчера были на спектакле и собственными глазами видели Стивена Винси на сцене до самого конца спектакля... Таким образом, возникает, казалось бы, неразрешимая загадка, которая является загадкой не только криминальной, но и театральной. Это первый в истории театра случай, когда актер играл свою роль после смерти. Как вы считаете — такое возможно?

— Думаю, что нет... — Дарси невольно улыбнулся, но тут же стал серьезным и плотно сжал губы.

— Вот именно! — Алекс уселся на стуле поудобнее. — И я так думаю. Это невозможно, но с другой стороны, я это видел своими глазами, значит, должно быть какое-то решение этой загадки. Вы, как человек театра, могли бы нам его подсказать?

Генри Дарси пожал плечами.

— А долго вы намерены говорить подобные глупости в пять часов утра людям, которые еще не сомкнули глаз?

* Окончание. Начало в № 7, 8 за 2017 г.

— Нет. Уже недолго. А кроме того, сейчас окажется, что это вовсе не глупости. Так вот, единственное решение этой загадки, о которой вам так не хочется говорить, звучит так: актер после смерти играть не может, значит, его кто-то должен был заменить. Но кто? Скажите, вы случайно не знаете в коллективе театра, среди людей, присутствовавших вчера на сцене, кого-нибудь, кто умел бы имитировать голоса других людей, кто знал бы на память не только всю пьесу, но и малейшие нюансы актерской игры и мизансцен, кто, наконец, был такого же роста, что и Винси, и даже с похожей фигурой, и у кого при этом была бы возможность войти в гримерную Винси, взять его маску, прийти в ней за кулисы, а затем выйти на сцену и продолжить спектакль? Надо обладать одновременно многими способностями, знаниями и навыками. Ну подумайте, кто бы это мог быть?

Дарси снова невозмутимо пожал плечами.

— Это полный абсурд. Я наблюдал за ходом спектакля и должен вам сказать, что у меня нет ни малейших сомнений относительно того, кто играл!

— Я в этом совершенно убежден. Но быть может, вы теперь пройдете с нами на сцену театра. Я хотел бы, чтоб вы помогли нам воссоздать одну ситуацию. Как режиссер этого спектакля, вы несомненно знаете ее наизусть...

Дарси, не говоря ни слова, встал. Они молча прошли по коридору до двери с надписью: ТИШИНА! Инспектор открыл ее. Внутри было совершенно темно.

— Будьте так любезны, включите весь свет за сценой и на сцене, — попросил Алекс.

Дарси исчез в темноте, и минуту спустя щелкнул выключатель. По-прежнему было темно, но со стороны сцены за кулисы проникал слабый свет. Они вошли.

— Вы включили весь свет?

— Тот, который бывает обычно включен во время спектакля, — сказал Дарси, стоя рядом с ними в полумраке. — За кулисами всегда темно, потому что иначе свет отсюда пробивался бы на сцену.

— Да, но ведь, наверно, можно осветить все за сценой. Во время репетиций затемнение за кулисами не обязательно, иначе актерам трудно было бы передвигаться в темноте.

— Конечно... — Дарси начал левой рукой нащупывать что-то на стене и щелкнул еще двумя выключателями.

Высоко наверху вспыхнул ряд слабых лампочек.

Теперь инспектор, Алекс и Дарси оказались в длинном узком проходе, находящемся за сценой. Этот проход отделял от сцены тяжелый черный занавес. По обе стороны открывались кулисы.

— Давайте перейдем на левую сторону, туда, где Винси выходил со сцены... — Алекс пошел первым, а Дарси и Паркер за ним.

Теперь они были в широком, пустом крыле кулис, которые примыкали к полукруглому светлому горизонту, замыкающему собственно сцену. Чтобы выйти на сцену, надо было подойти к самой стене, отгораживающей кулисы от зрительного зала. Там был узкий проход. Алекс протиснулся туда и остановился. Перед ним была полукруглая стена декорации на сцене, а в ней несколько дверей и окно, прикрытое муслиновыми занавесками.

— Это ведь сюда выпрыгивает Старик, совершая свое финальное самоубийство, не так ли?

— Да, — кивнул Дарси.

— А Старуха выпрыгивает с противоположной стороны и не видит его до того момента, пока они с обеих сторон сцены не выходят на поклон. А Рассказчик?

— Рассказчик выходит из средней, центральной двери, которая соединяется с тем коридором, по которому мы сюда пришли.

— Значит, у него тоже нет никакого контакта со Стариком? А суфлер во время спектакля находится с этой стороны сцены?

— Как когда. Винси часто забывал текст. Суфлер знал его слабые места. Суфлеры еще во время репетиций подчеркивают для себя места, особо трудные для запоминания актерами... Хороший суфлер обычно старается быть как можно ближе к тому месту, где находится актер во время такого трудного момента. Но как правило, он чаще находится по ту сторону кулис. Там более широкий доступ к сцене и лучшая видимость всего, что на ней происходит. Та сторона иначе оборудована, и там собраны стулья, которые надо внести в антракте...

— Да. Но в конце концов, это не имеет большого значения. Старик выпрыгивает в это окно... он по-прежнему в маске... Рассказчик идет по проходу за сценой... Приблизительно спустя какое время?

Дарси вздохнул.

— Не знаю, зачем вам нужна вся эта информация, но если это для вас так важно, то скажу: Рассказчик выходит на сцену спустя примерно двадцать секунд... ну, может, двадцать пять... Это зависит от времени, необходимого для медленного постепенного увеличения освещения, запуска ветродуя на занавески и так далее.

— Так... Двадцать пять секунд... Ну, скажем, даже тридцать...

Алекс подошел к проходу между стеной и кулисой и вдруг исчез. Минуту спустя Паркер, к своему изумлению, увидел, как Джо выпрыгнул из окна декорации, пробежал за кулисами и исчез за сценическим горизонтом. Дарси стоял неподвижно, разглядывая занавеску на окне.

— Я здесь! — крикнул Алекс и снова показался в том окне, из которого перед этим выпрыгнул. — Это заняло пятнадцать секунд! Десять секунд надо отсчитать на маску! Но этого я еще не проверил... Пойдемте! Извольте со мной, потому что я хотел бы вас еще кое о чем спросить...

Дарси двинулся рядом с Алексом, а Паркер шел следом, держа руки в карманах. Когда они оказались в широкой темной кулисе, Алекс остановился.

— Во время спектакля здесь совершенно темно, правда?

— Да...

Джо огляделся. Под стеной он заметил высокий противопожарный щит с огнетушителем, а рядом ящик с песком.

— Пожалуй, только здесь... — сказал он негромко, подошел к ящику и осмотрел его, освещая фонариком. Потом отрицательно покачал головой. — Неужели я ошибся?... — Алекс наклонился к стене и сунул руку за огнетушитель. — Есть! Конечно есть! Она не могла быть нигде, кроме как здесь!

— Что? — спросил Паркер, хотя уже знал, каким будет ответ.

— Она! — воскликнул Алекс. Он разгладил руками какую-то смятую белую тряпку и осветил фонариком то, что держал в руке: искаженный облик лица Винси, обрамленного седыми нейлоновыми волосами. — Маска!

XVI. Убийца «А»

Возвращение в гримерную прошло в полном молчании, если не считать посвистывания Алекса.

— Садитесь! — сказал Алекс режиссеру, пока Паркер, вошедший последним, закрывал дверь.

Лицо инспектора было сосредоточенным, губы плотно сжаты. Он не спускал глаз с Дарси, который спокойно сел и выжидающе поднял голову.

— Думаю, что после этого показа мне немного осталось добавить, — начал Алекс. — Дело прояснилось. Разумеется, оно прояснилось лишь в том аспекте, который касается вас. Еще сидя в зале на спектакле, я заметил значительную разницу в игре Винси в первом и во втором актах. Но я не стал бы полагаться лишь на свое субъективное мнение. А вот человек, который находился в непосредственном эмоциональном контакте с Винси и знал его несколько лет, показал во время допроса: «Во втором акте у меня с ним не было такого контакта, как в первом». Это заявила Ева Фарадей. Далее она пояснила: «Винси изменился. Он играл быстро. Он ни разу не ошибся. Никогда еще мне с ним так хорошо не игралось... Я была просто очарована...» Но сначала вся эта история казалась мне просто фантастической. К тому же, у нас не было никаких оснований предполагать, что Винси погиб раньше. Правда, судебный медик слегка возражал, настаивая на том, что смерть наступила ранее... А кроме того, не хватало маски в гримерной. Но маску мог забрать костюмер. И лишь позже, когда оказалось, что к Винси после спектакля не входил никто, кроме одного человека, который его не убивал и у которого не было ни малейших поводов забирать маску, дело начало проясняться. Добавились и другие элементы. Фантастическую концепцию, утверждающую, что Винси погиб в антракте, а вместо него спектакль доиграл кто-то другой, можно было принять лишь при соблюдении следующих условий:

1) Человек, который сыграет вместо Винси, должен быть примерно такого же роста и со схожей фигурой.

2) Он будет в таком же костюме, потому что Винси был убит и его сценический костюм остался на нем.

3) Он сумеет подражать голосу и движениям Винси.

4) Он должен на память знать весь текст пьесы.

5) Он должен хорошо владеть актерским ремеслом.

6) Он должен знать мельчайшие подробности постановки и все мизансцены, иначе партнерша сразу заметит, если что-то будет не так.

7) У него должна быть возможность быть на месте Винси, то есть, он должен оказаться в театре за кулисами с нужной стороны.

8) Он должен знать, что Винси погиб во время антракта, то есть, должен быть уверен, что Винси убит и не выйдет одновременно с ним на сцену.

9) Он должен создать ситуацию, при которой никто не найдет труп, пока он будет находиться на сцене. Если бы кто-нибудь обнаружил тело, весь этот маскарад немедленно стал бы частью последующего обвинения.

10) Он должен унести маску из гримерной убитого и потом ее спрятать, потому что больше уже не мог входить в гримерку, иначе он уничтожил бы свое алиби, которое базируется на том, что Винси погиб почти на час позже действительного времени убийства.

В процессе расследования оказалось, что человек, соответствующий всем вышеперечисленным условиям, есть. Этот человек — вы. И если бы вы хотели убить Стивена Винси, то, будучи режиссером спектакля «Стулья», вам пришлось бы придумать следующий план постановки:

1) Предложить концепцию, согласно которой Винси играл бы в маске, а вы — без нее.

2) Сделать в этой одноактной пьесе антракт на 15—20 минут, во время которого вы могли бы убить Винси.

3) Создать сценическую ситуацию, при которой нашлось бы определенное количество времени между уходом со сцены Винси в маске и входом на нее Рассказчика без маски, которого вы играете.

4) Ну и разумеется, вы должны играть в костюме, идентичном тому, в каком играет Винси.

Создав такую концепцию и поставив спектакль, вам оставалось лишь дожидаться дня, когда вы будете уверены, что Винси находится в гримерной один. Тогда вы могли бы спокойно войти, убить его и сыграть вместо него.

А убить Винси именно в его собственной гримерке вы должны были вот почему:

1) Вам надо было забрать маску.

2) Вам надо было закрыть убитого на ключ, чтобы никто не мог обнаружить тело в то время, пока вы играете на сцене.

Когда вы показали, что, идя с Евой Фарадей, наступили на ключ, а потом вложили его в замочную скважину, я сразу понял, что он просто был у вас в руке, и наклонившись, вы лишь сделали вид, что подняли его. Но где был ключ, когда вы играли роль Старика во втором акте? Ева Фарадей показала, что когда она во втором акте прижалась к Старику, ее кое-что удивило, и тут я прервал ее и спросил, не ощутила ли она какого-нибудь мелкого твердого предмета в кармане его блузы. Она с удивлением ответила, что да. Это и был тот самый ключ, который вы позже «нашли» под дверью гримерной Винси. Как все это происходило, я продемонстрировал вам несколько минут назад на сцене, найдя при этом маску в том единственно возможном месте, где она и могла находиться. Там, вероятно, была спрятана и ваша шляпа, до той минуты, когда вы сунули туда маску и взяли шляпу, чтобы сыграть последний эпизод Рассказчика, а потом поклониться публике и с видимым удивлением ожидать выхода Винси, зная, что он уже никогда не поклонится со сцены аплодирующим зрителям. Потом вы должны были вести себя так, чтобы ни на минуту не оставаться в одиночестве вплоть до самого выхода из театра на улицу, потому что вы не знали, когда труп будет обнаружен. Поэтому вы пригласили на ужин Еву Фарадей и создали себе «абсолютное алиби», учитывая, что весь мир должен быть убежден, что Винси погиб после спектакля, то есть тогда, когда вы не могли убить его... Сначала я думал, что все это совершенно невозможно. Определенная разница в игре конечно была, потому что один человек никогда не сможет стать абсолютной копией другого. Впрочем, тут я должен сделать вам комплимент: вы играли намного лучше, чем Винси, который, к слову сказать, очень неплохо сыграл в первом акте. Но вам не надо было беспокоиться, что Ева Фарадей заметит разницу. Маска-то очень плотно прилегает к лицу и обрамлена искусственными волосами, а вы с детства были мастером имитации голосов людей и животных. Голос Винси со всеми его интонациями был прекрасно изучен вами на многодневных репетициях, где вы не только прислушивались, но и сами предлагали ему те или иные интонации в зависимости от сценических ситуаций. Текст вы знали на память, как оказалось, даже лучше, чем Винси, который часто «забывал слова»... вот только вы забыли об одной мелочи: первый акт закончился скандалом между Винси и Евой из-за того, что она выпачкала его костюм губной помадой. Но во втором акте костюм был уже чист. Ева Фарадей признала это сама, когда я несколько коварным образом подвел ее к этому вопросу. Это еще больше убедило меня в том, что она не была вашим сообщником. Но об этом позже... Я заметил лишь, что вы на секунду прервали свои показания, когда вдруг вспомнили об этом. Я готов поспорить, что час назад, когда вы вернулись после первого допроса, вы запачкали помадой и свой костюм, чтобы полиция оказалась бессильной, если бы ей даже удалось напасть на след... Ну и наконец, я хотел бы добавить, что у вас был очень сильный мотив для того, чтобы убить Винси, мотив, по которому уже было совершено множество убийств в этом раздираемом ненавистью мире... — Алекс

умолк. Некоторое время в гримерной было совершенно тихо. — Вы можете в чем-нибудь упрекнуть логику моих рассуждений?

— Нет. — Дарси развел руками. — Вы в некотором роде гений. Я никогда не предполагал, что наша полиция располагает такими светлыми умами...

Алекс кашлянул и глянул исподлобья на Паркера, который нетерпеливо заерзал на стуле, а потом встал и сказал:

— Значит, вы признаетесь в убийстве Стивена Винси в этой гримерной вчера между 9 и 9.30 вечера?

— Нет, — сказал Генри Дарси и покачал головой. — Не признаюсь.

— О, — махнул рукой Алекс. — Заметьте, я ведь ни разу даже не намекал, что вы его убили. Я знаю, что вы его не убивали.

На этот раз он не смотрел на Паркера. Он лишь услышал его приглушенное «Что?», а потом скрип стула на который тяжело опустился инспектор.

— Вы знаете, что я его не убивал? — Дарси потер рукой лоб. — Значит все же... Все же это... Нет — это я его убил, — произнес он вдруг в отчаянии, мгновенно потеряв все свое до сих пор сохраняемое самообладание.

Алекс услышал, как Паркер снова шевельнулся на своем стуле.

— Нет. Не вы убили его. И чтобы вас успокоить, должен сказать вам сразу, что у Евы Фарадей железное алиби. Даже если бы она этого очень хотела, она не могла бы убить Стивена Винси, поскольку на протяжении всего антракта ни на секунду не оставалась одна... Так что вся ваша рискованная игра, разгадка которой доставила мне столько трудностей и сомнений, — оказалась совершенно ненужной.

— Уже в процессе игры во втором акте я понял, что повел себя, как полный идиот, — сказал Дарси. — Ева не могла бы играть так спокойно сразу после совершенного убийства. Я хорошо ее знаю. Но в первую минуту...

— А, да, знаю. Вы стояли посреди гримерной Винси, вы видели его труп и решили, что его убила женщина, которую вы любите. И тогда вы поняли, что есть лишь один выход: сыграть вместо него и создать Еве абсолютное алиби после спектакля... Но об этом мы еще поговорим...

Паркер откашлялся.

— Все это хорошо, — сказал он, — но я хотел бы знать, почему мистер Дарси не мог убить Стивена Винси, хотя прекрасно понимаю, что ему не очень-то хочется признаваться в этом. Какие доказательства своей невиновности вы можете нам предъявить, учитывая, что доказательств вины собрано так много, что ими можно наделить пятерых рафинированных убийц и останется еще достаточно для какого-нибудь дебютанта.

— Может, вы попытаетесь сами это сделать? — спросил Алекс.

Дарси удивленно посмотрел на него.

— Кроме моей личной уверенности, что его убил кто-то другой, и значит, должен существовать действительный убийца, я не вижу никакой возможности доказать вам, что так не было... Как я могу это доказать? Я ведь повел себя, как преступник, так, будто издавна это планировал... Хотя на самом деле наоборот — именно такая сценическая концепция и натолкнула меня на мысль воспользоваться ею. Если бы на мне не было идентичного костюма и если бы Винси играл не в маске, если бы Рассказчик не выходил на сцену полминуты спустя после ухода с нее Винси, мне бы никогда не пришла в голову такая идея... Но как я могу это доказать? Не знаю... Нет, я не могу ничего сказать, кроме того, что убийцей является кто-то другой.

— Вы левша? — спросил Алекс. — Я видел, как вы в роли Рассказчика взяли мел в левую руку и начали писать на доске во время спектакля. Но это могло быть специальным режиссерским приемом, частью концепции. Рассказчик таким образом демонстрировал еще меньшую возможность

передать мысли Старика другим людям. Можно было бы это понимать так: человек, которому Старик доверил свое завещание, не только не умеет говорить, но даже не знает, в какой руке надо держать мел, пытаясь писать... Но когда вы сейчас, за сценой, повернули включатель левой рукой, я понял, что это для вас естественно. Да и мистер Дэвидсон рассказывал нам, что вы были контужены на фронте и вас отослали на родину...

— Я инвалид, — тихо сказал Дарси. — Моя правая рука лишь чудом была спасена от ампутации. Я ею практически совсем не владею. С трудом могу лишь согнуть и разогнуть пальцы... Да и то с помощью аппарата. Японцы подстрелили меня пулей «дум-дум» в джунглях. Пуля разорвалась внутри тела. Это перечеркнуло всю мою актерскую карьеру и подтолкнуло к режиссуре. Я не могу сделать правой рукой никакого жеста, хотя научился вести себя так, будто она здорова. Но ведь это никакое не алиби. Зато моя левая рука необыкновенно сильна. Я разработал ее до совершенства. Правой я не мог бы убить даже мыши, а вот левой... Да, левой я мог бы убить...

— Вы не могли бы нам показать эту вашу покалеченную руку? — спросил Алекс. — Я знаю, что это неприятно, но дело слишком уж серьезное. Винси не мог быть убитым левшой.

— Не мог?!

— Нет.

Дарси несколько секунд смотрел на Джо молча, а потом встал и снял пиджак. Он расстегнул рубашку, стащил ее с плеч и положил на стул. Паркер тихо свистнул сквозь зубы. На высоте предплечья правая рука была одним сплошным шрамом. Мясо было некогда вырвано до самой кости, и теперь кожа обтягивала культю, к которой на кожаных ремнях был прикреплен протез. Несколько стальных пружинок ниже локтя заменяли мышцы предплечья.

— Вот так обстоит дело, — Дарси подвигал рукой и опустил ее. Потом надел рубашку и начал завязывать галстук, но руки у него задрожали, и он опустил их. — Но вы... вы в этом точно уверены? В том, что убить Винси мог только праворукий человек?

— Я стараюсь обманывать людей как можно реже, — тихо сказал Алекс. И хотя мне это не всегда удается, живя в нашем столь цивилизованном обществе, однако в этом конкретном случае я сказал вам абсолютную правду.

Дарси завязал галстук и тяжело опустился на стул.

— Какое счастье! — сказал он искренне.

— О! — Алекс снова сделал неопределенный жест рукой. — Я знал, что вы не могли бы его убить, даже если б у вас обе руки были здоровыми.

— Что? — одновременно спросили Паркер и Дарси.

— В таком деле, как это, надо много и быстро думать, потому что факты поворачиваются к нам то одной, то другой стороной. Но одно обстоятельство является решающим, и я постоянно о нем говорю: убить мог лишь тот, у кого, во-первых, был мотив; во-вторых, нет настоящего алиби, и в-третьих, кто имел возможность совершить убийство именно в тех обстоятельствах, в которых оно было совершено, и именно тем способом, которым оно было совершено. В начале расследования мы всегда имеем уравнение, где неизвестным числом является убийца, а известными числами — личность убитого и обстоятельства, в которых обнаружено тело. И чтобы решить это уравнение, у нас есть лишь один путь — подобрать убийцу, соответствующего данному убийству. Допустим, этот убийца — вы. Что же мы видим в данном случае:

1) Если говорить о совершении преступления, известен был лишь один факт — вы вошли в эту гримерную за три минуты до начала второго акта спектакля. Такие показания дал электрик Карузерс, у которого после этого

едва хватило времени вернуться в свою ложу, и только он включил все освещение, необходимое для второго акта, как занавес пошел вверх. Из того факта, что вы провели довольно много времени в гримерной Евы Фарадей, а потом еще несколько минут на сцене, следует, что к тому моменту, когда вы вошли в гримерную Винси, у вас оставалось минимальное количество времени, чтобы убить его, надеть на себя маску и вовремя выйти на сцену. У вас на все это было примерно 180 секунд.

2) Вы убили Винси его собственным кинжалом, а значит, вам надо было войти в гримерную, схватить кинжал, ударить Винси, а затем молниеносно натянуть маску, посмотреть в зеркало, проверить, действительно ли Винси мертв, закрыть за собой дверь, повернуть ключ в замке, выйти на сцену и занять там свое место до поднятия занавеса. В общем, вы могли бы все это проделать, но при одном-единственном условии: Винси после вашего входа в гримерную спокойно лежал бы на кушетке и позволил бы резать себя как ягненка. Винси ведь был найден в лежачем положении, его тело было уложено на спину перед нанесением удара.

Но возможно ли все это?

Винси был трусом. Несколькокими днями раньше вы пообещали, что убьете его, если он еще хоть раз обидит Еву Фарадей. Он, конечно, мог не верить, что вы его убьете, но наверняка верил, что вы точно можете его ударить, потому что знал, что вы любите Еву Фарадей и что он в этой истории повел себя отвратительно от начала и до конца. А значит, увидев вас, он должен был вскочить на ноги. И вообще — с какой стати он за три минуты до выхода на сцену лежал бы на кушетке в гримерной, расположенной довольно далеко, да еще отгороженной от сцены коридором и несколькими дверями? А если бы даже Винси не вскочил на ноги, то по крайней мере — сел. Лежа он бы не погиб. Так мне, по крайней мере, казалось.

3) Вы узнали от Раффина, что Винси велел ему не появляться в гримерной. Но сделал он это потому, что в антракте ожидал там визита какой-то женщины. Значит, вы рисковали тем, что, входя в гримерную Винси, могли застать там эту женщину, или она могла бы войти как раз тогда, когда вы совершали преступление. Но вы же не могли запереть дверь снаружи перед преступлением. Если бы вы заперли дверь изнутри, войдя в гримерную, трудно представить, что Винси не вскочил бы с места. Представьте себе, что человек, о котором вы знаете, отнюдь не желающий вам добра, вдруг входит в вашу комнату и запирает за собой дверь на ключ. Разве он не вызовет у вас, по крайней мере, беспокойства? И, стало быть, вы не будете встречать его в незащитной позиции — лежа; вы встанете или, по крайней мере, сядете. Тогда почему же, имея разработанный в мельчайших подробностях, великолепный, почти гениальный план преступления, вы вдруг подвергаетесь такому риску? Рассудок подсказывает, что не следует убивать Винси в его гримерной в ту минуту, когда он ожидает там чьего-то прихода.

4) Кроме того, для такого ловкого, хитрого, все запланировавшего, коварного убийцы ваше поведение в антракте было совершенно бессмысленным. Вы потеряли массу времени, утешая Еву Фарадей в ее гримерной. Потом вы потеряли несколько минут на сцене, потом, направляясь в гримерную Винси, вы позволили электрику Карузерсу проводить вас почти до самой двери, вместо того чтобы отправить его в коридор еще перед уходом со сцены. Зачем все это? Вы лишь теряли время, необходимое для маневра, и сокращали себе возможность исполнения плана. Совсем другое дело, если бы вы вошли к Винси на пять минут раньше. Тогда вы могли бы выждать и убить его в соответствующий момент, будучи уверенным, что успеете выйти на сцену вовремя. Во всяком случае, думаю, вы планировали бы именно так.

5) Кинжал! Вы пришли без своего орудия убийства, имея в своем распоряжении менее двухсот секунд до появления на сцене! А если бы Винси в этот вечер закрыл ящик с кинжалом на ключ, или отнес бы его вчера домой, или сделал бы с ним что угодно, одним словом, — если бы кинжала не оказалось в том месте, где вы собирались его взять, — что тогда? Разве был бы у вас хоть какой-нибудь шанс расхаживать по гримерной живого Винси в поисках кинжала, в то время как сам Винси, не обращая внимания ни на вас, ни на приближающийся момент поднятия занавеса, лежал бы спокойно за корзиной, полной роз, и даже не взглянул бы на вас? Да и вообще, кинжал показался мне полным идиотизмом в столь тонко разработанным плане. Имея такой гениальный замысел и создав себе все условия для его реализации, вы бы никогда не доверили воле случая важнейший момент исполнения этого замысла. На самом деле Винси был убит одним ударом и даже не вскрикнул.

6) И наконец, последнее: почему Винси все еще лежал, вместо того чтобы сидеть перед зеркалом и надевать маску? Вы едва успели на сцену, даже не убивая Винси. Если бы вам пришлось его убить — вы опоздали бы на выход в спектакле. Но у Винси не было никаких причин ждать до последней секунды, а потом бежать по коридору, на ходу натягивая маску. Он должен был надеть ее перед зеркалом сам и проверить все детали, поскольку отослал костюмера. Так что, если бы он был жив, он никак не мог бы спокойно лежать на кушетке к моменту вашего прихода. Это невозможно себе вообразить. Я никак не мог в уме все это сопоставить. И преступник, и убитый не соответствовали обстоятельствам, в которых было совершено преступление. Значит, оно было совершено кем-то другим.

— Bravo! — сказал Дарси после паузы. — Но если я его не убивал, значит, кто-то все же должен был это сделать!

— Вот именно! Мы это уже знаем, и теперь нам остается выяснить — кто. И тут я должен признать: вы сделали все, что способен сделать один человек, чтобы все нам тут запутать и навлечь на себя подозрение. Поэтому теперь, прошу вас, расскажите подробно еще раз все с самого начала, не «исправляя» никаких фактов или сопутствующих им обстоятельств.

— Конечно, я сейчас не буду этого делать. Итак, после того, как Ева пришла со сцены в начале антракта, я очень нервничал. У Евы в гримерке случился приступ истерики и рыданий. Она громко кричала, что ненавидит Винси, что таких негодяев надо убивать и что она рассчитается с ним за все. Словом, она была вся в слезах и в ярости, когда в дверь постучал один из рабочих и сказал, что Соьер просит меня подойти на сцену...

— Сколько времени вы пробыли у мисс Фарадей?

— Пять или шесть минут. Мне трудно точно определить. Я пошел с рабочим на сцену и спросил, что случилось. Оказалось, что он потерял листок, на котором я ему сделал набросок расположения на сцене всех стульев, которые выносятся туда в антракте. Сначала он пытался расставлять их по памяти, но спустя пару минут он и другие рабочие поняли, что не справятся с этим. Я показал ему, что и куда надо ставить. Увидев, что он все понял, я пошел в направлении гримерной Винси. Я, разумеется, не собирался сделать ему ничего плохого, хотя меня прямо трясло от гнева. Может быть, я даже и ударил бы его, не знаю. Я действительно начал ненавидеть этого человека... — Дарси умолк. — Винси был омерзительным, — сказал он, наконец, искренне. — Это был гнусный, мелочный эгоист, без стыда и совести, и к тому же глупец. Я не знал, что сделаю, когда войду. Прошла только первая половина спектакля, а я, как каждый ответственный человек театра, всегда понимал: спектакль — важнее всего, что происходит вне сцены. Спектакль — это определенного рода святыня, я уже видел актрис,

играющих комедийные роли, в то время как их заболевшие дети бредили дома в горячке. Я видел актеров, которые играли на следующий день после смерти любимых людей, и видел, как каждый раз, выходя со сцены, они рыдали, пошатываясь от горя, но через несколько минут, следуя ходу спектакля, снова выходили на сцену и без единой запинки, без малейшего изменения голоса продолжали играть свою роль... Так что у меня даже промелькнула такая мысль: если я со злости его сильно ударю, то он не сможет дальше играть, и я тем самым сорву спектакль... Просто удивительно, что такие мысли приходят в голову человеку, у которого от ярости красные мушки мелькают перед глазами. Но так было. И в эту минуту меня остановил электрик Карузерс, который разговаривал с кем-то стоящим за кулисой. Он пошел рядом со мной и начал говорить мне что-то о кабеле одного из прожекторов. Он спрашивал, нельзя ли заменить этот прибор более слабым, который в этом спектакле не работает. И хотя я придаю большое значение свету в моих постановках, но в эту минуту никакие осветительные приборы, включая и мои театральные, меня не интересовали. Но все же мне надо было что-то ответить. Я сказал Карузерсу, чтобы он до конца спектакля тянул на этом испорченном. Он с удивлением посмотрел на меня, но отошел. В этот момент мы находились как раз у двери гримерной Винси. Я по-прежнему злился, но необходимость сосредоточиться и успокоиться перед входом туда остудила меня. Когда взялся за ручку двери, я уже полностью владел собой. Вообще я, как правило, умею держать себя в руках. Входя, я намеревался как следует отчитать его в самых резких выражениях, но уже не был в состоянии ударить... ну разве что он сказал бы что-нибудь такое, что снова пробудило бы во мне ярость... Но он уже ничего не мог сказать. Он лежал мертвый. Должно быть, он умер совсем недавно, потому что, когда я стоял над ним как зачарованный, то увидел, что ободок крови на костюме вокруг вонзенного кинжала еще ярко-красный и не загустевший... Рядом на стуле лежала его маска. Она как бы искривилась в мою сторону и казалась более живой, чем Винси. Я вдруг осознал, что весь дрожу от ужаса. Мысль, которая блеснула в моем подсознании, все укреплялась: это Ева выбежала из своей гримерки и влетела сюда, чтобы отругать его, когда я был на сцене! Я тогда не думал о том, возможно это или невозможно. Я подумал, что она вбежала сюда, когда он лежал и, наверно, снова обидел ее какими-нибудь гнусными словами, и тогда она схватила его кинжал, который я хорошо знал, потому что он показывал его всем много раз... и убила его, а потом сразу выбежала. Я стоял и думал только о том, как ее теперь спасти. Ведь через минуту все станет явным... И вдруг мне пришла в голову одна мысль. Впрочем, эта мысль была не нова. Уже неделю Винси грозился уйти из театра. Я пару дней размышлял о том, не пойти ли мне к директору и предложить ему, что сам сыграю вместо Винси. Я избегаю выступать в качестве актера из-за моей руки и ограниченной возможности владеть ею. Но ведь в моем собственном спектакле я мог бы все так подогнать, чтобы эта рука не была мне нужна. Несколько последних дней я даже репетировал дома перед зеркалом. Шутки ради, чисто для себя даже имитировал голос Винси в роли Старика. И тут я за долю секунды осознал, что могу спасти Еву, выйдя отсюда, как Винси, сыграть вместо него, а потом не расставаться с ней ни на минуту до полуночи или до того времени, пока, в конце концов, кто-то не обнаружит убитого. Я знал от костюмера Раффина, что Винси запретил ему приходить после спектакля, потому что ожидал визита какой-то женщины. Пусть тогда эта женщина обнаружит его после спектакля, а я постараюсь, чтобы Ева Фарадей ни на одну минуту не оставалась одна после выхода вместе со Стариком со сцены. Все это я рассказываю сейчас гораздо дольше, чем бежали тогда мои мысли. Я схватил маску,

подбежал к зеркалу и примерил ее. Она подошла идеально. По бокам свисали волосы, стало быть, никто с первого взгляда меня не узнает. Теперь мне оставалось лишь как можно скорее исчезнуть. Я вышел из гримерки, но за порогом вдруг понял, что не могу играть, оставив убитого в открытом помещении. И одновременно я понял: не будет ничего особенного в том, что Винси, выходя, запирает на ключ свою гримерку и уносит с собой ключ на сцену, хотя в театре никто так обычно не делает. Я запер дверь и вышел за кулисы. Никто не встретился мне по пути. Когда занавес пошел вверх, я некоторое время опасался, что Ева Фарадей может меня узнать или, скорее, понять, что это не Винси. Но оказалось, что это для нее было не так просто... Потом я выпрыгнул в окно и сделал все так, как вы продемонстрировали. Потом я стоял и кланялся зрителям, с ужасом думая о том, что он там лежит. И только тогда, отыграв до конца его роль, я начал осознавать всю правду и то, что я сделал. Конечно, больше всего меня потрясла Ева. Если она убила Стивена Винси, значит, она вела себя на сцене как самый хладнокровный убийца, которого можно себе вообразить! Потом, уже когда мы сошли со сцены, я очень внимательно наблюдал за ней. Она с презрением и неприязнью сказала что-то о Стивене... ну, о том, что он не вышел на поклон... Потом мы вместе пошли на ужин. Я обсуждал с ней ее роль в следующем спектакле... Роль Медеи... И тут я постепенно стал понимать, что совершил ужасную ошибку, — Ева не убивала Стивена! Она не могла бы себя так вести. Это было исключено. Я знаю ее слишком хорошо, каждый ее жест, каждое выражение лица. Она не могла бы скрыть это от меня. И вообще — каким потрясением для нее стало бы его появление на сцене после антракта! Только во время ужина я подумал об этом. Ведь если бы она убила, она должна была предполагать, что труп лежит в гримерке, занавес не поднимется и через минуту в театре начнется тревога. Тем временем убитый вдруг появляется на сцене и как ни в чем не бывало продолжает играть! А ведь она восприняла это совершенно спокойно... Но пути назад уже не было. А кроме того... кроме того, я подумал, что полиция не сможет обнаружить подмену, если ее не обнаружила даже моя партнерша, да и вообще никто из театра. Однако оказалось, что я ошибался... — Он сделал легкий кивок головой в сторону Алекса. — Это все.

— Да-а... — Паркер встал и начал ходить по комнате. — Неслыханная история... Неслыханная... — Он остановился. — За сколько минут до конца антракта вы вошли сюда, в гримерную Винси?

— Может, за три или за две... Так, как вы и установили. Мне трудно точно сказать. Время течет совсем иначе в таких обстоятельствах. Когда я вошел, помреж по внутренней связи уже вызывал на сцену Винси и Еву Фарадей. У нас тут во всех гримерных установлена внутренняя связь. Микрофон есть и на сцене, а потому актеры могут следить за ходом спектакля в те минуты, когда не выступают на сцене. — Он указал на маленькую, висящую на стене коробочку. — В этом спектакле такое устройство не очень нужно, потому что Старик и Старуха не сходят со сцены ни на минуту. Должно быть, я вошел сюда минуты за три до конца антракта.

— Который длится сколько минут?

— От шестнадцати до семнадцати минут. Примерно столько времени нужно, чтобы вынести на сцену и поставить все стулья.

— Ага... Значит, выходя отсюда, вы почти опоздали?

— Да. Только-только я вышел и занял место, которое должен занимать Старик, как помреж дал рабочему знак, и занавес пошел вверх.

— А в этой гримерной вы не заметили ничего, что могло бы показаться вам необычным? Станным?

— Нет... — Дарси покачал головой. — Нет. У меня не было времени осматриваться. Я был полностью поглощен ситуацией. Кроме того, я был

потрясен и видом трупа Стивена, и мыслью о том, что Ева могла его убить. Нет... Нет.

— Может, вы все же попытаетесь как можно точнее припомнить все, что вы здесь делали, — сказал Алекс.

— Ну, я вошел и закрыл за собой дверь. Я еще не понял, что Винси мертв... Я подошел к кушетке и увидел кинжал. Наклонился, чтобы проверить, жив ли он... Во время войны я видел так много убитых, что понял сразу... Этот кинжал так явно пронзил сердце и был так глубоко воткнут... Потом я подумал, что мог бы сыграть вместо него, и быстро обернулся. И вот тогда я просто окаменел. Мне показалось, что покойник схватил меня за брюки. Но это я просто зацепился за колючки одной из роз в этой корзине... Потом я схватил маску... Нет, сначала я подбежал к двери и закрылся изнутри, потом уже схватил маску и бросился с ней к зеркалу. Надел ее... Затем двинулся к выходу, но вспомнил, что оставил на туалетном столике свою шляпу, которую все время держал в руках... Она, к счастью, сделана из мягкого войлока, и я свернул ее и сунул сбоку за резинку, которая поддерживает штаны вместо ремня. Блуза очень свободная, и я рассчитывал, что никто не должен ее заметить. Потом вышел и запер за собой дверь. Ключ сунул в карман блузы. Вышел на сцену, и занавес пошел вверх...

— Так... — Алекс покивал головой. — Спасибо большое. Теперь мы можем сказать, что убийца Стивена Винси нам уже известен. Вы разъяснили нам все. Или почти все.

— Я? — удивленно спросил Дарси.

— Да. Вы. Думаю, вы свободны, если инспектор Паркер не имеет ничего против. Советую вам теперь пойти в гримерную Евы Фарадей и отвезти ее домой. После такой кошмарной ночи она заслужила хороший отдых. — Алекс встал и протянул Дарси руку. — Вы повели себя неосмысленно, но тем не менее, проявили недюжинное мужество и хладнокровие. Надеюсь, мы еще когда-нибудь встретимся в другой, более благоприятной обстановке. Прошу передать наши извинения мисс Фарадей. Вы тоже можете спокойно отдыхать. Больше вы нам не понадобится...

После того как Дарси вышел, Паркер посмотрел на Алекса почти со страхом.

— Послушай, Джо. Я позволил этому делу выскользнуть у меня из рук и доверился тебе. Честно говоря, во всем этом есть что-то, чего я мысленно не догоняю. Я не стыжусь этого. Думаю, что не один следователь, и у нас, и на континенте, впал бы в отчаяние после часа ведения этого дела или арестовал бы пару ни в чем не повинных людей, которых потом ему со стыдом и извинениями пришлось бы отпускать... Сперва была миссис Додд... Казалось, у нее были все шансы стать убийцей. У нее имелся мотив, она была здесь... но оказалось, что ты даже не подозревал ее лишь потому, что Винси был убит в лежачем положении... Потом все начало указывать на Дарси. Я про себя подумал, что это дьявольски умный убийца, но, к счастью, оказалось, что есть кто-то еще умнее... Оказалось, что Дарси, как по заказу, ранен на полях битвы и славы, причем именно так, что не мог бы вонзить кинжал в грудь Винси, даже если бы ты дал ему полчаса для этого. Ладно! Дарси — белая невинная овечка, и пусть до конца дней своих кувыркается на зеленых лугах вместе с мисс Фарадей... Пусть они поженятся, пусть у них будет семеро сыновей и семеро дочерей и пусть они поседеют, окруженные человеческой заботой и растущим благосостоянием... Пусть, в конце концов, они оба идут к черту! Но я хочу знать, где убийца Стивена Винси? Пока что ты всю ночь занимаешься созданием алиби всем подозреваемым. Но кто убил? Я спрашиваю — кто убил Стивена Винси? Потому что только это для меня сейчас важно. Меня не интере-

сует, кто его не убил, потому что его не убили все люди, живущие на этом свете... кроме одного.

— Ты действительно хочешь, чтобы я тебе сказал, кто этот единственный человек?

— Если знаешь, кто он.

— Знаю. Теперь я знаю это с абсолютной уверенностью. Но для порядка мы должны проверить алиби всего театрального персонала на время антракта. Помни, что до сих пор мы обращали внимание на их поведение только после того, как Винси сошел со сцены в конце спектакля. Теперь мы знаем, что он погиб во время антракта, точнее говоря, в то время, которое прошло с момента, когда он после первого акта вошел в свою гримерную, и до примерно двух-трех минут перед началом второго акта, то есть до входа сюда Дарси. И даже немного раньше, потому что убийца ведь должен был уйти, прежде чем Дарси вошел. Это означает, что Винси погиб во время антракта в течение 11 или 12 минут, которые прошли с момента его прихода в гримерную и до появления здесь Дарси.

— Да, — кивнул Паркер. — Нам надо все начать сначала. Дарси отпадает, Ева Фарадей и Сьюзен Сноу тоже, потому что костюмерша успокаивала актрису в течение всего антракта и потом проводила Еву до самой сцены. Анджела Додд нас тоже не интересует, потому что во время антракта была в зрительном зале. Остаются... — Он подошел к двери. — Джонс!

— Да, шеф!

XVII. Убийца «Б»

Прошел час, в течение которого через гримерную убитого снова прошли усталые, испуганные люди. Было их девять человек. Инспектор Скотленд-Ярда Бенжамин Паркер отер со лба пот и вытянулся на стуле. В руке он держал густо исписанный листок бумаги.

— Кажется, я начинаю верить в привидения, Джо, — тихо сказал он. — А может, мне просто все это снится?

— А что случилось? — спросил Джо Алекс, зевая. Он протер глаза и потянулся за портсигаром, чтобы взять очередную сигарету.

— Как это, «что случилось»? Вот послушай:

- 1) Генри Дарси — не мог убить по физической причине — он калека.
- 2) Уильям Галлинс, дежурный портье, весь антракт просидел с...
- 3) Оливером Раффином, костюмером в дежурке.
- 4) Джек Сойер, помощник режиссера, был весь антракт на сцене, что подтверждает рабочий, которому он помогал устанавливать стулья.
- 5) Джошуа Бреддон, второй рабочий, который с ними не расставался.
- 6) Стенли Хиггинс отошел лишь на минуту в гримерную Евы Фарадей, чтобы позвать Дарси, а...

7) пожарник Саймон Формс показал ему, где она находится, и стоял, глядя на него, в дверях, ведущих со сцены в главный коридор, потому что боялся, что тот не найдет гримерной Евы. Пожарника Формса видели все это время люди, выносящие на сцену стулья, а когда он отошел с Хиггинсом, то Хиггинс видел его все время, потому что даже не заходил в гримерную Евы Фарадей, а только постучал в дверь и позвал Дарси, с которым вместе и вернулся на сцену. Пожарник пошел с ними и начал разговаривать с...

8) электриком Ричардом Карузерсом, который сидел в своей ложе и пытался как-то справиться с периодически мигающим прибором, вплоть до самого антракта, когда он спустился из своей ложи, сказал пожарному о неполадках с прожектором и увидел идущего через сцену за кулисы Дарси,

за которым последовал, и, разговаривая, они дошли до гримерной Винси. Но это не имеет значения, потому что к тому времени Винси был уже мертв, как показал Дарси.

9) Джон Найт, суфлер и

10) Малькольм Сноу, рабочий на занавесе, весь антракт обсуждали игру на этом проклятом тотализаторе.

11) Ева Фарадей и

12) Сьюзен Сноу, костюмерша, были все время вместе в гримерной, потому что Ева нуждалась в опеке. Костюмерша проводила ее в конце антракта до самой сцены... — Бен оторвался от чтения и поднял голову. — И это все, кто были здесь, Джо! Все! Никого больше в театре не было! У каждого из этих людей есть полное алиби... ну разве что убийца имел сообщника... И наверно, имел... иначе я начну верить в чудеса. Смотри, сначала было так: никто не мог убить Стивена Винси после спектакля! Следовательно, возникает мысль, что он погиб раньше. Когда, наконец, оказывается, что тут произошла совершенно фантастическая история и покойник играл на сцене, одновременно лежа у себя в гримерной с кинжалом в груди, то вдруг выясняется, что автор этого сюрприза тоже не мог его убить! Следовательно, его должен был убить в антракте кто-то другой. И вот теперь оказывается, что и это тоже неправда. Тогда что?

Джо Алекс покачал головой.

— Нет, мой дорогой. Стивен Винси все же погиб во время антракта.

Паркер взглянул на него с отчаянием в глазах.

— Но ведь никто не мог его убить!

— То есть как? Конечно мог, раз убил.

— Я знаю, но если его не мог убить никто из этих людей, то...

Алекс улыбнулся.

— Бен, ты забываешь об убийце «Б». Я говорил тебе, что часть следов указывает на убийцу «А», а часть — на убийцу «Б». Убийца «А» — это был Дарси. Я же не мог заранее предполагать, что невинный человек вдруг ни с того ни с сего реализует такой сложный замысел. Его действия затуманили всю картину и затруднили видение, потому что, например, убийце «Б» вовсе не нужна была эта проклятая маска, он не мог бы сыграть вместо Винси, а убить его он мог только в антракте, а значит, дело сразу должно было выйти наружу еще перед началом второго действия спектакля. Дарси автоматически, сам того не желая, создал алиби для всех, кто мог бы убить Винси в антракте, хотя хотел создать его только для Евы Фарадей. Теперь же, когда Дарси не входит в расчет как возможный убийца, а загадка маски и «игры Винси после смерти» решена, убийца «Б» одиноко царствует на поле битвы, и алиби всего коллектива театра указывает на него, как жирная черная стрелка на белом листе бумаги. Теперь лишь один он может быть убийцей.

— И кто же это? — спросил Паркер и наклонился, чтобы лучше услышать.

Алекс сказал ему, кто это.

— О Господи! — прошептал Паркер. — Как же я мог этого не видеть?

— Простая психологическая истина, — сказал Джо. — Банальное — наименее заметно.

— Подожди меня здесь... — Паркер направился к двери.

— Хорошо, — кивнул Алекс.

Когда дверь за инспектором закрылась, он еще несколько минут сидел неподвижно, потом закурил и быстро встал. Он направился в дежурку портье, где сидел сонный полицейский. Алекс извинился, попросил раз-

решения воспользоваться телефоном и набрал номер. Он сказал несколько слов, потом после паузы еще несколько и положил трубку. Затем вернулся в гримерную и начал медленно прохаживаться по комнате, тихо насвистывая какую-то печальную мелодию. Остановился у корзины, вынул одну из роз и понюхал ее.

Дверь резко открылась. На пороге стоял Паркер. Инспектор вошел и устало опустился на стул.

— Он мертв, — сказал Паркер. — Покончил жизнь самоубийством за несколько минут до нашего приезда. Он оставил записку для семьи, в которой ни единым словом не вспоминает обо всем этом деле...

— Я думаю, он поступил весьма благоразумно, — сказал Джо.

Инспектор внимательно и долго смотрел на Алекса, потом произнес:

— Полицейский из дежурки доложил мне, что ты звонил кому-то в городе...

— Правда? Но ведь у меня могут быть и какие-то личные дела, не так ли? — Алекс пристально смотрел на него, автоматически вращая в пальцах красную розу на длинном тонком стебле.

— Разумеется, — опустил взгляд инспектор. — Конечно... Но послушай, Джо... В мои обязанности входит...

— В обязанности нас всех, как порядочных людей, входит, — перебил его Алекс, — сделать все для того, чтобы преступление не осталось безнаказанным. Но мы также должны стараться, чтобы закон не обижал порядочных людей лишь потому, что... что он — закон. — Джо поднес к носу цветок и понюхал его. Потом рассмеялся. — Предупреждаю: если ты в своем благородном стремлении защитить букву закона, а не его суть, которую я уважаю так же, как и ты, вздумаешь обвинить меня в чем-либо, — я сумею защититься.

— Перестань, — инспектор махнул рукой. — Что тут поделаешь? Так уж вышло. Двое людей умерли в эту ночь: убийца и убитый. Круг замкнулся.

— И не будем его разрывать... — Алекс покивал головой. — Большое тебе спасибо, Бен. Сэр Томас Додд был прав, когда сказал, что ты — истинный джентльмен.

— Чепуха! — Паркер покраснел. — Если б убийца был жив, его в эту минуту уже отводили бы в камеру, независимо от того, что я по этому поводу думаю.

— Да. И это относится к твоим прямым обязанностям. Не арестовать убийцу из-за своего субъективного отношения к делу — это прескверное дело, и ты никогда бы ничего такого не сделал. Но в нынешней ситуации, когда одна смерть оплатила другую, у тебя был выбор. И я рад, что ты поступил так, как подсказывали тебе разум и совесть, а не выбрал слепое следование сухим параграфам.

— Все это ерунда! — махнул рукой Паркер. — Не будем об этом. — И чтобы сменить тему разговора, быстро добавил: — Но как тебе удалось разгадать эту загадку? До сих пор не могу понять. Не потому, что истина была глубоко укрыта, — она лежала на поверхности — это факт. Немного стыдно, но мне ни разу даже в голову не пришла такая возможность. Но ведь от нее отвлекало такое количество поразительных событий и разной путаницы...

— Это правда. Поэтому и я не мог понять всего раньше. Когда окончательно понял, что Анджела Додд не убивала Винси, а я был убежден в этом с первой минуты, как ты помнишь, тогда же у меня осталась лишь одна альтернатива: убийца «А» и убийца «Б». Убийца «А» — это тот, кто унес маску, а убийца «Б» — тот, кто унес письма.

— Но ведь это мог быть один и тот же человек?

— Нет. Если мы не имели дела с преступником-маньяком, а метод совершения убийства свидетельствовал скорее о «нормальном» убийце, то надо было найти какую-то логику в его действиях. Маску мог взять только Дарси, потому что лишь он один во всем мире мог выполнить все условия, позволяющие немедленно заменить Винси на сцене. Но одновременно он был последним из людей, который, убив Винси, забрал бы у него письма, принесенные убитым с целью обмена их на драгоценности миссис Додд.

— Почему?

— Потому что: 1) он не мог знать их ценности; 2) он не мог знать их содержания; 3) он не знал, что Винси принесет их в этот день; 4) он вообще не знал об их существовании; 5) он не успел бы их прочесть после убийства; 6) а если бы и успел, то ему ничего бы не сказали письма мисс Анджелы Кроуфорд двадцатилетней давности. А значит — он не брал бы их с собой на сцену без всякой причины, а позже он уже не мог бы их взять, потому что уже не мог войти в гримерную Винси. Стало быть, убийца взял маску, но не брал писем. А вот убийца «Б», который взял письма, не имел ни малейшего повода уносить маску. Убийцей «Б» могли быть лишь два человека: сэр Томас Додд и миссис Додд, потому что только они знали о существовании писем и о том, что Винси принесет их в гримерную. Только для них эти письма представляли огромную ценность. Но:

1) У сэра Томаса было алиби с 9.20, а точнее, даже с 9.10, потому что, хотя у него и был автомобиль, ему пришлось бы истратить примерно 10 минут на то, чтобы доехать до доктора Армстронга. Но тогда сэр Томас, как убийца «Б», должен был бы пользоваться услугами Дарси, который должен был с этой целью забрать маску, сыграть на сцене вместо Винси и, таким образом, создать сэру Томасу алиби. Это было очень загадочно и, по крайней мере, вначале казалось совершенно неправдоподобным.

2) Миссис Додд была в театре в 10.15 и могла забрать письма. Но она сказала нам, что не нашла их. У нее не было никаких причин обманывать нас. Она была жертвой шантажа, письма были написаны ее рукой, так что если бы она сказала, что нашла их, принесла домой и сожгла, никто бы из нас даже глазом не моргнул. Так что я мог ей поверить, тем более что, говоря правду, она отводила бы подозрения от других и направляла их на своего мужа. А этого она точно не хотела делать. И я ей поверил.

Таким образом, у меня остались лишь два кандидата: убийца «А» — Дарси, который взял бы маску, но оставил бы письма (а тогда — кто же взял письма?), и убийца «Б», который взял бы письма, но не брал бы маску.

Впрочем, сэр Томас мог убить Винси лишь при том условии, что после убийства и после того, как он забрал письма, в гримерную вошел бы Дарси, взял бы маску и сыграл роль Старика, заперев перед этим Винси на этот проклятый ключ. И тут возникла абсурдная ситуация: Додд мог забрать письма только в случае, если бы Дарси убил Винси. Но он мог сделать это лишь входя в запертую гримерную, ключ от двери которой Дарси унес на сцену. А вот если бы Додд убил Винси и взял письма, Дарси должен был бы потом войти в гримерную и, будучи невиновным, никому ничего не говоря, унести маску и сыграть вместо убитого!

Все это казалось совершенно фантастическим. Одновременно множились доказательства, которые я перед этим получил и которые свидетельствовали, что Дарси не убивал. Но если он не убивал и не сыграл после антракта, то убийство не мог совершить и сэр Томас Додд. Так кто же унес маску и письма?

Алекс прервал свои рассуждения и рассмеялся жестким невеселым смехом:

— Но потом, когда оказалось, что после спектакля никто не входил в гримерную, кроме миссис Додд, а в антракте у него было лишь двое посетителей: Дарси и посыльный с цветами, все стало ясно.

а) Миссис Додд не убивала, потому что, когда она вошла, Винси был мертв как минимум минут 15, что подтвердило вскрытие.

б) Дарси не убивал, потому что оказался калекой (и по сотне других причин, которые я уже перечислял).

в) оставался лишь посыльный с цветами. Он один мог убить Винси и унести письма. А в письмах (кроме миссис Додд) был заинтересован только один человек, и только один человек, кроме нее, знал об их существовании и знал о том, что она придет в этот вечер в гримерную Винси: сэр Томас Додд. И в этот момент его предыдущее алиби уже не имело никакой ценности, потому что, если он убил в 9.05, то преспокойно мог успеть к доктору Армстронгу на 9.20, имея заранее припаркованный возле театра автомобиль. Понятно также было, зачем он послал в театр всю семью. Он хотел быть один и хотел взять свою машину, чтобы успеть в цветочный магазин, а потом в театр, не оставшись в памяти ни у одного из лондонских таксистов, которые на следующий день прочли бы в газетах о преступлении...

Все остальное было сравнительно простым. На доставщика цветов никто не обращает внимания, он не остается ни в чьей памяти. Театральные портье пропускают их, даже не взглянув. Сэр Томас рисковал немногим. Он мог предполагать, что Винси будет один, ожидая его жену. Если б Винси оказался в гримерной не один, сэр Томас просто отдал бы цветы, получил шиллинг чаевых и спокойно ушел бы. Однако самым важным во всем этом был белый, пустой конверт...

— Почему?

— Сэр Томас пришел убить. Он хотел нанести удар, когда внимание Винси будет отвлечено распечатыванием этого конверта.

— А чем он хотел нанести этот удар?

— Кинжалом, конечно! Ты ведь знаешь, что Винси был убит кинжалом.

— Подожди... — Паркер поднял руку. — Ты говоришь, что сэр Томас приехал, чтобы убить. Почему же он тогда не взял с собой оружие убийства? И мог ли он позволить какому-то разносчику цветов рыскать по гримерной в поисках кинжала, если сэр Томас не мог даже знать, точно ли кинжал там находится? Это абсурд!

— Bravo! — воскликнул Алекс. — Я задал себе этот же вопрос и пару минут тоже не мог найти ответа. Но ведь, в конце концов, сэр Томас был единственным человеком, который мог убить Винси, стало быть, так или иначе должно существовать какое-то логическое и простое объяснение.

— Но какое?

— Послушай, как это произошло. Сэр Томас не мог ведь стрелять, и вряд ли ему удалось бы отравить Винси ядом. Оставался только кинжал — оружие тихое, длинное и острое. У сэра Томаса уже много лет был такой кинжал, вот он и взял его, поехал в цветочный магазин, купил букет роз, наверное, изменив слегка перед этим свою внешность, чтобы полиция потом не пошла по следам этой корзины и ее покупателя. Потом он подъехал поближе к театру, припарковался среди сотни других машин и, прицепив пустой конверт к рукоятке корзины, вошел в театр в фуражке посыльного — таких кепок можно сотни купить на любой вкус в любом магазине головных уборов. Он прошел точно в антракт. Вероятно, заранее так просчитал свой приход, чтобы застать Винси в гримерной, а не на сцене, что нарушило бы весь план. Винси был один. Он лежал на кушетке, отдыхая, потому что его роль в этом спектакле довольно утомительна физически,

учитывая непрерывное ношение по сцене стульев. Сэр Томас подошел к кушетке, поставил цветы и подал Винси конверт. Винси (конечно, не вставая) немедленно принялся распечатывать конверт — ведь он мог содержать какую-нибудь закамouflированную цветами информацию от миссис Додд. В этот момент стоящий в головах кушетки посыльный, принесший цветы, вытаскивает свой острый длинный кинжал и изо всех сил наносит удар. Хоть сэр Томас и был ослаблен болезнью, но для нанесения удара сверху в неподвижно лежащее тело не надо много силы. Кинжал пронзил сердце, и Винси лишь успел схватить его левой рукой, конвульсивно сжимая и комкая конверт правой. Через две-три секунды он уже был мертв. Тогда сэр Томас бросился к ящику в поисках писем. Не знаю, нашел он их там или в кармане одежды Винси, но в ящике он точно нашел второй кинжал. Он хорошо его знал, потому что когда-то они вместе заказали одинаковые кинжалы. Он сразу понял, что ему не надо вытаскивать из раны орудие убийства, чтобы выбросить или спрятать его. Достаточно было унести с собой кинжал Винси, что еще больше затруднило бы расследование. Выходя из театра, сэр Томас имел все основания думать, что совершил идеальное убийство. Никто из живущих (кроме его жены, которая, как он знал, умела хранить тайны) не мог даже заподозрить, что у него был мотив для убийства Стивена Винси. Письма вернулись к нему. Орудие убийства, которое было очень характерным и которое он планировал забрать, было в эту минуту уже кинжалом самого Винси, которым кто-то убил актера. Его супруга больше никогда не встретит Винси и не бросит на себя ни тени подозрения, потому что через минуту антракт закончится, Винси не выйдет на сцену, начнется тревога и найдут его тело. Анджела Додд вернется с драгоценностями домой, и больше никогда никто из них не обмолвится ни словом об этом... Но произошло нечто, чего он не мог предвидеть даже в самом кошмарном сне: оказалось, что спектакль как ни в чем не бывало шел дальше, а убитый Винси играл до самого конца и ушел со сцены, сопровождаемый овациями! Ничего не подозревающая миссис Додд, конечно, пошла после спектакля в его гримерную. Там она не нашла писем, но зато увидела труп и кинжал, а кроме того, привлекла внимание полиции к семье Додд, которая в противном случае никогда не попала бы в поле ее зрения... Миссис Додд вернулась домой. Она не была бы женщиной, если бы немедленно не заглянула в ящик комода. Кинжала, конечно, на месте не было, потому что муж еще не вернулся домой от доктора Армстронга. И тогда миссис Анджела поняла, что он каким-то образом оказался в гримерной Винси еще до нее, убил актера своим кинжалом и забрал письма. Когда сэр Томас после одиннадцати вернулся домой, она не хотела его видеть и не хотела с ним говорить об убийстве. Она закрылась у себя, сославшись на головную боль. А когда пришла полиция, она немедленно решила, что искупит свою вину покаянием и возьмет это преступление на себя, потому что муж ведь совершил его только из любви к ней и к Анне. И когда я спросил о кинжале, она спокойно подошла к комоду, где он обычно лежал, и, протянув руку, указала пальцем... К ее безграничному изумлению, кинжал оказался на месте! Позже, когда она услышала, что муж был у доктора Армстронга с 9.20 и почти до 11, она вздохнула с облегчением. Она знала, что, стало быть, он не мог убить Винси, потому что сама видела его живым на сцене еще в 9.50, а в 10.15 уже застала его мертвым!

— Боже мой, — почти простонал Паркер, — что за кошмар! Какое невероятное стечение обстоятельств!

— Нет! Категорически нет! — запротестовал Алекс. — Ведь в ту минуту, когда убийца начал искать письма, он должен был увидеть этот кинжал, а увидев, — должен был его забрать, иначе он был бы полным идиотом!

Это была всего лишь примитивная логика поступков. Ничего другого в этих обстоятельствах и не могло бы произойти...

Джо умолк, закурил новую сигарету и продолжал:

— Оставался мотив убийства. Сэр Томас имел куда более серьезные причины навсегда избавиться от Винси, чем его супруга. Во-первых, он знал его слишком хорошо, чтобы не сомневаться в том, что рано или поздно Винси проболтается и Анна Додд узнает, что она не дочь сэра Томаса. Для него это было самым страшным. Он действительно любил ее, воспитывал, и вот теперь, когда стоял на пороге смерти, должен был уйти с осознанием того, что его могила будет для Анны могилой отца. Кроме того, пресса вываляла бы в грязи двух его любимых людей: жену и дочь, не говоря уже о том, что Анна лишилась бы огромного состояния, благодаря которому ему легче было бы расстаться с этим миром, зная, что его ребенок, а вместе с ним и Анджела Додд, не просто будут обеспечены до конца жизни, но смогут жить в полном достатке. Ну и, в конце концов, он просто ненавидел своего бывшего друга Винси, и тут трудно иметь к нему претензии. Впрочем он, в сущности, почти ничем не рисковал. Он должен был вскоре умереть и знал об этом. Рак — неумолимый убийца, и болезнь уже заканчивала свою работу в его организме. Сэр Томас рассудил, что лучше будет уйти из этого мира, прихватив с собой самого подлого и скверного человека, который встретился в его жизни. Учитывая тот факт, что убийство косвенным образом приносило столько счастья его близким и предохраняло их от стольких несчастий, мотив его действий был для него очень силен. Но может ли серьезный ученый-археолог по первому своему желанию превратиться в посыльного из цветочного магазина? На этот вопрос ответил нам сам сэр Томас, когда рассказывал, что он и Винси были звездами школьного драматического кружка. У него был большой актерский талант, который, однако, не получил возможности проявиться, поскольку отец сэра Томаса принял другое решение. Но талант не исчезает. Впрочем, почти немая роль разносчика цветов в сущности требовала лишь соответствующего костюма: небогатой одежды и характерной фуражки с какой-нибудь кокардой. Никто не обращает на это внимания. Разносчик цветов, несущий большую корзину роз, остается всего лишь разносчиком. Скорее посмотрят на розы, чем на него. Впрочем, судя по величине этой корзины, сэр Томас мог даже ловко прятать за ней лицо, разговаривая с дежурным портье и с Винси. Но вряд ли это было нужно — бывшие друзья не виделись двадцать лет... Вот это и был убийца «Б». Когда выяснилось, что Винси не убил ни убийца «А» и никто другой из работников театра — остался только один — убийца «Б». А им мог быть лишь сэр Томас, потому что: 1) только он один мог заменить кинжалы; 2) он был заинтересован в том, чтобы опередить жену. Он ведь, конечно, думал, что все откроется уже в антракте, Винси не выйдет на сцену и жена еще в зрительном зале узнает обо всем и ей не придется нести Винси эти драгоценности, передача которых лишь еще больше ставила их обоих и Анну в зависимость от шантажиста; 3) у него не было алиби. Или точнее, у него было алиби, которое его обвиняло, потому что здравый смысл подсказывал ему не ехать к врачу на собственной машине, а заказать такси, чтобы в случае возможной потери сознания не находиться за рулем. Но именно затем ему нужна была своя машина, чтобы потом никто не смог дать показания, что привез его в окрестности театра «Чембер»; 4) у него был мотив для убийства, более сильный, чем у кого-либо другого; 5) он знал, что обречен; 6) поведение его жены указывало на то, что она знает, кто убил Винси. Она хотела взять вину на себя. Позже ее удивил кинжал в ящике комода; 7) Ну и, наконец, сэр Томас остался один. Все остальные были исключены.

Алекс загадочно улыбнулся.

— Хотя, если подумать, преступление мог совершить и кто-то совершенно неизвестный нам. Это было бы удивительное стечение обстоятельств, много фактов осталось бы без ответа... Но кто знает, кто знает... — Алекс продолжал улыбаться.

Паркер вскочил с места.

— Но я же знаю, что ты позвонил ему и сказал, что полиция уже близко. И поэтому он отравился! А может, ты еще посоветовал ему оставить записку, в которой он пишет, что убивает себя, потому что боится боли и страданий, которые ждут его в последней стадии болезни? Я даже убежден, что ты это сделал!

— Если бы я позвонил ему... — тихо сказал Алекс, — то несомненно посоветовал бы что-то в этом роде. Таким образом, дело об убийстве Стивена Винси никогда не будет раскрыто, потому что ты никогда и никак не докажешь виновность умершего. Анна Додд получит свои миллионы и своего мужа. Анджела Додд не будет предметом сплетен и пересудов всего лондонского общества, а душа сэра Томаса Додда встретится на том свете с душой Стивена Винси, и пусть они там спорят, кто из них больший грешник. Но это уже дела, которые не касаются ни полицейских, ни авторов криминальных романов.

— Ага! — щелкнул пальцами Паркер. — Значит, ты все же позвонил!

— Я этого не сказал... И никогда не скажу. Ничего подобного ты от меня не услышишь. — Алекс зевнул. — Ну что, нам, пожалуй, пора... «... и после ночи той кровавой рассвета блеск падет на землю...» — как сказал поэт. Я жутко устал. Надеюсь, ты отвезешь меня домой?

— Конечно, я отвезу тебя, Джо... Но что я буду делать с этим расследованием?

— Подумаем об этом завтра, а точнее, уже сегодня. Давай встретимся в четыре в кафе «Дафренс». Выпьем по чашечке кофе и попробуем придумать что-нибудь очень убедительное, что удовлетворило бы твоих шефов, прессу и семью убитого... Ах, да! У Винси ведь нет семьи. Ни сына, ни даже дочери... Никто о нем, бедняге, даже не вспомнит... Умоляю, Бен, пошли уже, а то я сейчас стоя усну!

И по-прежнему держа в руке красную розу, Джо Алекс вышел из гримерной Винси, а Паркер волей-неволей вслед за ним.

Пятнадцать минут спустя Алекс звонил в дверь своей квартиры. Он некоторое время ждал, потом услышал тихие шаги босых женских ног.

— Кто там?

— Джо Алекс.

Заспанная Каролина впустила его в темную прихожую. Алекс зажег свет и поцеловал ее в нос.

— Эта роза мне? — спросила она, протирая глаза.

— Да, конечно...

— Где ты купил ее в такую рань? Ты удивительный, Джо!

— О, — сказал Джо. — Эту розу купил один покойник для другого покойника, и таким образом, она осталась одна на всем белом свете, а я большой друг сирот, Каролина... Я огромный друг сирот... как оказывается...

Он протянул ей розу, а Каролина улыбнулась и вплела ее в распущенные волосы.

*Перевод с польского Роберта СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО
при участии Владимира КУКУНИ
по эксклюзивному праву, предоставленному автором.*